

Татьяна  
Гармаш - Роффе

ДЕТСТВО  
ПРОШЛОГО  
СЕРИИ

Шалости нечистой силы



## Annotation

На этот раз частному детективу Алексею Кисанову предстоит нелегкая работа... Его новый клиент Стасик рассказывает про себя невероятные вещи. То он проснулся... на крыше. То в его отсутствие в квартире кто-то переставил мебель. А один раз среди ночи оказался на кладбище, а вокруг него кружили дьявольский танец вампиры. Неужели он сходит с ума... а может быть, это происки нечистой силы?! Стасик именно так и думал, пока не увидел свой фоторобот со стенда «Их разыскивает милиция»... Алексей Кисанов с интересом берется за дело. Ведь именно в то время, когда со Стасом шалила нечистая сила, в городе прокатилась волна групповых изнасилований, повлекшая за собой череду смертей...

**Татьяна Гармаш-Роффе**

**Шалости нечистой силы**

*Убивать  
сначала время,  
потом муху,  
возможно, мышь,  
потом как можно больше людей,  
потом опять время. [\[1\]](#)*

*Эрих Фрид*

# ЧАСТЬ 1

## Ловля спелых звезд на крыше

...И звезды были такими крупными, такими спелыми и яркими, словно лежишь под яблоней, а тебе в рот смотрят чистые, умытые яблоки, лучась сытыми боками. Казалось – руку протяни, и сорви сияющий плод, да хрустни на всю округу ледяной и сочной звездой... И вся эта роскошь – всего лишь с высоты какой-то зачуханной пятиэтажки, продравшейся крышей сквозь хмарь московского загаженного неба! А если бы на Останкинскую телебашню забраться? На тот самый высокий, самый последний балкончик, которым окружен шпиль? Оттуда, должно быть, звезды еще вкусней...

Одно было плохо: стылая осенняя ночь выбрала последнее тепло из одежды, и алкоголь, все еще гулявший в крови, уже не согревал.

Зазвонил будильник, и Стасик привычно нашарил его у изголовья. Нажал холодную отсыревшую кнопку.

И тут же резким рывком сел, испуганно оглядываясь. Сердце заколотилось, как и острая боль в висках. Он спал на...

На крыше?!

Пятиэтажки?!!

И будильник рядом поставил?!!

– С вас тридцать четыре рубля.

Стасик очнулся, потрянул головой, возвращаясь в действительность, вытащил из кармана потертое коричневое портмоне и стал отсчитывать деньги.

– Молодой человек, вы зажигалку уронили, – обратилась к нему стоявшая за ним в очереди в кассу немолодая тучная женщина.

Действительно, секунду назад что-то звонко треснулось о кафельный пол магазина. Стасик обернулся. В метре от него поблескивало золотистое тельце дорогой зажигалки.

– Это не моя, – пожал он плечами.

– Да, но я видела, как она выпала из вашего кармана! – возразила дотошная соседка по очереди.

«Неужели опять?» – Стало мгновенно жарко, и спина сделалась влажной под дутой синтетической курткой.

– Я не курю, и это не моя зажигалка! – раздраженно бросил он женщине.

– Да, но я видела... – растерялась та. – Она выпала, когда вы вытаскивали кошелек...

– Хорошо! – нервно выкрикнул Стасик. – Хорошо! Она выпала из моего кармана, это моя зажигалка, вот я ее беру, теперь вы отстанете от меня, а?

Женщина покраснела от обиды. Она, можно сказать, из лучших чувств, а ее за это еще и обругали! Вот до чего народ дошел – кидаться стали друг на друга! Ладно бы она попыталась прикарманить чужую вещь, так нет же, хотела честно вернуть ее хозяину!.. Эх, делай людям добро после этого...

Поджав губы, женщина демонстративно повернулась к Стасику широкой спиной в ярко-синем пальто.

Стасик брезгливо взял в руки зажигалку. Он был близок к истерике. Сунув зажигалку в карман, суетливо расплатился, забрал сверток с колбасой с прилавка и торопливо покинул магазин.

«Все, – думал он, возвращаясь домой, – все кончено. Я болен. Я сумасшедший и клептоман. Я ворую чужие вещи и даже не замечаю этого. У меня что-то с памятью. К психиатру надо идти, к психиатру! Иначе я и впрямь сойду с ума...

Скорей бы Галка появилась. Пока не сошел».

– Почему так поздно? – вскинулся он, едва Галя открыла дверь.

– Скажи спасибо, что вообще пришла... – рассеянно откликнулась она, снимая шубку. – Муж ко мне едва охрану не приставил, я уж думала, не увидимся с тобой сегодня.

– С чего бы? Подозревать стал что-то?

– Да нет, из-за маньяков! – сказала Галя, аккуратно ставя сапожки под вешалку.

– Каких еще маньяков?

– Ну ты даешь! Газет, что ли, не читаешь?

– Ну уж не раздел криминальной хроники, – съязвил Стасик: Галин муж работал в уголовном розыске.

– Маньяки по квартирам ходят, мужей связывают, а женщин насилуют в их присутствии, – объяснила Галя. – И мужья как один помирают от огорчения! – Она прошла в комнату и окинула ее хозяйским взглядом.

– Ну, ты-то ничем не рискуешь! – Стасик следовал за ней. – Чтоб тебя изнасиловать в присутствии мужа, им его долгонько подстергать придется – импотентами успеют стать!

– Эй, эй, полегче! Я тебе сто раз говорила, Стасик, не наезжай на моего Димку!

– А я тебе сто раз говорил: не называй меня Стасиком! Я – Стас!

– И чего ты такой злой сегодня, Стас? – хмыкнула Галя. – Чем тебя мой муж обидел? Иль ты меня ревновать вздумал?

– Вот еще!

– Тогда и не выступай... Ты уже ел?

– Галка, мне не до еды...

– Да? – игриво произнесла Галя, поведя бедрами. – Так я пошла в ванную?..

– погоди. – Стасик дотронулся до ее круглого плеча извиняющимся жестом. – Сядь, я тебя прошу. Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Галя без возражений села и приготовилась слушать, устремив свои карие блестящие глаза на Стасика со всем возможным вниманием: такое предисловие означало, что Стасик опять куда-то вляпался...

Галя принадлежала к породе женщин, истекавших повышенным материнским инстинктом, как кормящая мать молоком из набухшей груди. Такие женщины всегда ищут объект приложения своих щедрых забот, тот роток, который готов отсосать излишки животворной субстанции. Правда, Галя еще до Стасика нашла вполне успешное применение этой благотворительной склонности: опекать своего мужа Диму, бравого усатого опера, у которого работа нервная и опасная и который нуждается в домашнем уюте, душевном тепле и горячих пирогах для восстановления в короткие мгновения отдыха потраченных

душевных и физических сил.

Но Дима оставлял пустоты в Галкиной любве-обильной душе. Ее женской ласки и заботы хватало на двоих (а может, и на троих бы хватило, но Галка экспериментировать не рискнула – так далеко ее эмансипированное свободомыслие заходить не отваживалось), в отличие от ее мужа, которого на двоих – работу и жену – не хватало. Все же как ни крути, а даже сильно развитый материнский инстинкт требует вознаграждения в виде мужского внимания и прочих мужских качеств, столь необходимых женщине. И недоданное ей мужем Галя возмещала в умеренных любовных взаимоотношениях со Стасиком, одновременно дотрачивая излишки своей потребности кого-нибудь опекать.

– Это уже не в первый раз! – нервно говорил Стасик. – То у меня какие-то чужие ручки в карманах, то ключи, то зажигалки... Я, кажется, стал клептоманом!

– Ну-ка покажи. – Галя была образцовой женой собственного мужа и желала увидеть вещественные доказательства.

Стасик двумя пальцами, словно заразу, вытащил зажигалку из кармана.

– И у тебя такой никогда не было? – нахмурив лоб, уточнила Галя.

– Никогда. У меня всегда были дешевые, а с тех пор, как бросил курить, вообще все соседу отдал.

– А что за ручки? Ты сказал, еще ручки какие-то и ключи...

– Они потом куда-то делись... – На лице у Стасика изобразилось неподдельное отчаяние. – Я к тому же еще и вещи постоянно теряю! Даже не теряю, потому что они потом часто находятся, а просто у меня что-то с памятью, Галка! Два дня назад кинулся – портмоне нет. Ну я же брал его с собой, я помню! Переложил из одних брюк в другие! И вдруг – нету. Думал, украли! А на следующий день – есть... Лежит в кармане куртки... Я его туда никогда не кладу, из куртки вытащить легко! По-моему, я чем-то болен... Мне надо, наверное, к врачу, Галка. А вдруг это болезнь Альцгеймера? Слышала о такой? Это когда забываешь все: и кто ты сам, и где живешь...

– Но ты-то не забыл, где живешь? И кто ты сам? А скажи-ка на всякий случай: я кто?

– Кончай издеваться! Это совсем не смешно! Говорю тебе – со мной что-то не то, у меня провалы в памяти...

Галя слушала недоверчиво.

– А может, это от успехов у тебя крыша едет? – предположила она.

Верно, Стасик вот уж несколько месяцев как может похвастаться некоторыми достижениями. Художник-плакатист, многие годы безрадостно отдавший советской и постсоветской агитпропаганде, он наконец нашел себя: изучил компьютер и создал небольшую рекламную фирму. Стал брать заказы на изготовление рекламы всех сортов. Сначала было туго, но последнее время пошли серьезные заказы, а с ними и деньги. Есть отчего потерять голову. Стасик даже стал подумывать, не купить ли машину!

– Может, у тебя крыша поехала от денег? – внесла уточнение Галя. – Знаешь хохму? Мужик просыпается утром, лежит записка: «Я поехала. Твоя крыша».

Стасик посмотрел на Галю: может, как раз сейчас о сне на крыше и рассказать? Вот уже месяц прошел с его ночного крышеприключения, а он до сих пор не осмелился. Но Галя ведь спросит: «Да как же ты на крыше-то оказался?» И что он скажет? «Не знаю»?

Галя кареглазая, плотненькая, быстрая. Круглые щеки с ямочками, улыбка обалденно обаятельная, короткая стрижка ей идет и придает мальчишески-залихватский вид. Она веселая, смешливая, щедрая и одновременно практичная. Идеальная жена. Если не считать, конечно, того, что мужу своему она изменяет.

Но Стасик – не муж, и ему Галя – идеальная любовница: темпераментная, понятливая, разумная, умеющая организовать их встречи... И, что существенно, ничего от Стасика не требует. Замуж ей не надо, подарков тоже не надо – «Ты с ума сошел? Куда я их девать буду? Мужу показывать: смотри, дорогой, какое бельишко мне любовник купил?». Секс да возможность заботиться еще и о нем, о Стасике, – вот и все, что ей требуется. Успевает пирогов напечь и для мужа, и для любовника. Да еще Стасика выслушать, его морально поддержать в сомнениях по поводу его талантов (а их у Стасика было много), развеять все его печали – клад, а не любовница.

– А то деньги знаешь, вещь такая... – Аппетитные ямочки на Галиных щеках обозначили легкую усмешку. – Не у одного тебя завихрения происходят. Димка тут мне нарасказывал...

– Галь, только вот не надо мне еще историй с Петровки, ладно? Я и так с ума схожу!

– Ты бы лучше не болтался вечерами по друзьям да по питейным заведениям! А то знаю я, что у тебя за Альцгеймер: в прошлый раз так надрался, что вспомнить не мог, где и с кем!

– А куда мне прикажешь по вечерам деваться? Ты мужа обихаживаешь, а я должен один дома сидеть?

– Стасик, мне следует это считать предложением руки и сердца? – ехидно проговорила Галя. – Ты меня подбиваешь на развод?

Галя прекрасно знала, что Стасика весьма устраивают их отношения и смена статуса любовника на статус мужа ему вовсе не улыбается: Стасик из тех мужчин, которые женитьбы боятся, как чумы. Впрочем, Галю их отношения тоже весьма устраивали и менять мужа Диму на мужа Стасика у нее не было ни малейшего намерения.

Не дождавшись ответа на свою ехидную реплику, Галя продолжила, горячась:

– Конечно, это деньги тебе карман жгут! Вот ты на радостях и не замечаешь, как спиваешься! Лучше б машину купил!

– Пока не хватает.

– Так копи! Нечего по пивным шляться!

– Ревнуешь?

– Вот еще!

– Не волнуйся, я тебе не изменяю. Мне, кроме тебя...

– Да знаю я, знаю: тебе, кроме меня, никто не подойдет...

– Я хотел сказать: «Не нужен».

– Правильно, потому что никто не подойдет. Кто еще будет с тобой, с тюней, столько возиться? Это только я с моим мазохистским комплексом способна тебя выносить!

Галя была убеждена, что Стасику нужно внушать именно такой подход к их отношениям. Беззастенчиво влезая на пьедестал мудрой благотворительности, она отводила Стасику место где-то у его подножия, место недотепы, который без нее непременно пропадет, – с точки зрения Галки, именно такая диспозиция наиболее прочно закрепляла их связь. На деле же, будучи и собственницей, и ревнивицей, она просто не могла перенести даже мысли о том, что Стасик вдруг возьмет да заведет себе однажды другую женщину.

– То есть?! Ты хочешь сказать, что я тебе ничего не даю? – возмутился Стасик. – Да я в постели за двоих отдуваюсь – за себя и за твоего муженька, который вечно отсутствует, и вечно устал, и в погоне за

криминалом порастерял все мужские достоинства, кроме усов!

– Эй, полегче! Нечего моего мужа задевать! Тебе знать не дано, что он растерял, а что нет!

– Что ж ты тогда любовника себе завела?

– Да это я так, скорее сыночка себе завела, чем любовника... Нерастроченный материнский инстинкт, – гнула свою пропагандистскую линию Галя.

– Ну знаешь!.. Я, если так... Если на то пошло, то я не нуждаюсь...

– Ладно, не кипятись, – примирительно сказала Галя. Она ненавидела ссоры.

– Нет, я хочу, чтобы ты знала: я не нуждаюсь в мамочке...

– Люблю, когда ты злой. Хоть на мужика становишься похож.

– То есть?! А так что, не похож?

– А так похож на дитюсю. Что внешне, что по характеру... Ладно, ладно. – Галя решила, что перебарщивает, и одарила Стасика ласковой усмешкой, – в постели, слава богу, ты похож на мужика. Иди лучше.

– Куда?

– В койку, боже мой – «куда»...

Стасик проследовал в указанном направлении и оказался, как всегда в таких случаях, в ударе. Может, Галка, подлюка, нарочно его дразнит перед тем, как заняться любовью?

«Дитюся». Галка знала, как он бесился, когда ему напоминали о некоторой детскости в его лице. Стасик в детстве был рыж и кудряв, как маленький Ленин. Голубые глазки и пухлые щечки. После двадцати пяти волосы потемнели, пухлость щек почти исчезла, глаза сделались обычными серыми. К тридцати Стасик стал законченным шатеном, от бывшей рыжины остались только белая, чувствительная к солнцу кожа да веснушки на спине и руках. Но это его не портило. Он был выше среднего роста, строен, спортивен (нешадно боролся с лишней складкой жира, которая так и норовила появиться на белом теле, немедленно вызывая в памяти образ пухлого рыжего младенца). Он был весьма хорош в профиль (римский!) и вполне неплох анфас, а маленькая шелковистая бородка скрадывала остаточную пухлость на скулах и придавала лицу мужественность с оттенком некоторой богемности. Женщины на него охотно поглядывали, и верность Гале Стасик ставил себе в заслугу. Если бы он захотел, он мог бы...

Но негодница, как всегда, права: он не хотел. Галка его устраивала, устраивала до такой степени, что он даже не думал ни о семье, ни о постоянной женщине, которая принадлежала бы только ему, а не дополняла бы им, как Галя, свои отношения с мужем. Стасик не был ревнив и в сложившейся ситуации усматривал исключительно одни плюсы. С Галей было хорошо. С ней было легко и радостно. И необременительно.

Стасик любил шутить: «Я еще не Сальвадор Да-ли, но Гала у меня уже есть...»

## Вера в свете зимнего дня

Год заканчивался, и гороскопы, как всегда, наврали. Наобещали большую любовь и верное замужество и – наврали. Точнее, любовь у Веры бы-ла – вот уже третий год как была. А замужества не было и не предвиделось. Не считать же замужеством тот глупый брак с однокурсником, который скоропостижно закончился тихим разводом!

...Вера рано вышла замуж за весельчака и балагура со своего курса, приняв его добродушие – за доброту, а привычку шутить – за радостное мироощущение, которого ей так самой не доставало, и охотно покинула родительский дом, где царили отношения прохладного непонимания. Но веселая никчемность мужа-однокурсника быстро разочаровала Веру, и они расстались.

Потянулись долгие годы одиночества. Жизнь казалась ей нескончаемым зимним днем – таким тихим, безветренным, когда крупными хлопьями валит снег, и жемчужно-серый свет, ровно и мягко заливающий двор и комнату, кажется единственно возможным освещением, будто никогда не было и не будет солнца, будто никогда не было и не будет ночи, а будет только это тихое жемчужно-серое сияние...

Этот свет словно исходил от самой Веры: мягкий, спокойный, без теней и контрастов – чарующий и непонятный, влекущий безбрежностью светлых и ровных заснеженных просторов. Казалось, этакая спящая красавица – разбудить бы. И находилось немало охотников, желавших оживить поцелуем, растопить пушистые сугробы, глянуть: что под ними?..

Тем не менее Вера так и жила одна: как любой другой человек, она нуждалась в ответном человеческом тепле, в любви и нежности, в ласке душевной и физической, но, как немногие, Вера не желала размениваться и соглашаться на компромисс, будучи из той породы, которой «либо все, либо ничего» – установка вполне самоубийственная...

Но Вера знала: прими она ухаживания довольно-таки многочисленных поклонников, позволь им приблизиться, войти в дом и в душу, она бы наутро брезгливо рассматривала следы, оставленные «компромиссным» вариантом в ее доме, душе и теле, и с отвращением оттирала бы и те и другие...

Беда же заключалась в том, что Вера была умной женщиной. «Умный» – понятие одновременно объемное и расплывчатое, а язык человеческий убог и не способен дать точное определение разным типам ума. Можно быть превосходно образованным эрудитом – и дураком. Можно быть талантливым болтуном и писать крутые статьи и книжки, где ограниченность прячется за витиеватым нагромождением слов. Можно быть хитрым и расчетливым ловкачом, но при этом тупицей...

Вера глубоко чувствовала и понимала мир, она знала о людях, о социуме и о законах, которым подчиняется их существование, так много, что ей даже было неинтересно об этом рассуждать. Она хорошо понимала смысл фразы: «Можно созерцать камень и постичь весь мир», и предпочитала созерцать и постигать мир в одиночку.

Но что такое «умная женщина» для мужчины – о, об этом Вера могла бы написать целую книгу! Когда-то, еще в школе, ее дружок Сашка сказал однажды: «Эх, Верка, не была б ты такая умная, я бы в тебя влюбился!»

Бесхитростный Сашка честно сформулировал то, что потом преследовало ее всю жизнь.

Мужчины воспринимали ее ум как вызов на дуэль и немедленно бросались к барьеру. Им нравились ее дерзкие замечания, ее нестандартные суждения, ее несомненное самоуважение – это восхищало, влекло, завораживало... Но, странным образом, им отчего-то хотелось все это поломать, как игрушку в детстве. Посмотреть, что там внутри, что там на самом деле, сбить ее «умность», словно спесь, маску, как

если бы Вера только прикидывалась, играла, и стоит только немного поднажать, как обнаружится, что она – как все. Как все бабы. Которые, по определению, глупее мужиков. И потому – в бою все средства хороши, верно? – мужчины норовили подмять Веру под себя – пусть не умом, а хотя бы силой характера, властью, грубостью. Иными словами, пытались унижить, подавить, поставить на место, будто выскочку и самозванку...

Вера же соперничества не любила и воспринимала это как проявление неосознанного и неотрегулированного комплекса неполноценности. И потому, довольно быстро изучив эту мужскую породу в нескольких попытках сближения, она стала ее избегать. А другой породы отчего-то не попадалось... Вот так и вышло – долгие годы одиночества.

Счастье пришло в ее жизнь поздно, но пришло вместе с Анатолием. То самое, от которого хочется петь и летать. То солнечное счастье, которое и должно было растопить прохладные сугробы.

Анатолий был щедр. Нет, не о деньгах речь, вовсе не об этом, – щедр душою. В нем не было ущербности, он нисколько не чувствовал себя задетым женским умом: напротив, высоко ценил его. Но главное, он давал ей, не торгуясь, именно то, в чем она так нуждалась: просто – любовь, просто – уважение, просто – заботу. Просто – счастье...

Однако очень быстро Вера поняла, что их отношения ограничены во времени, пространстве и перспективе: Анатолий был женат.

И вот уже третий Новый год Вера встречала в одиночестве – не может же на самом деле Анатолий бросить в праздник свою жену и их гостей? И думала Вера в канун Нового года о том, что пора разрывать тупиковые отношения с Анатолием. Нет, она его любила, по-прежнему любила, и за четыре года Толя стал не просто близким, он стал родным – это близость особая, дорогая и редкая... Да только любовь исподтишка, любовь украдкой и с оглядкой, любовь без всяких перспектив быть вместе – это уже не любовь. А сплошная мука.

Все это время она надеялась, все это время он обещал. Не врал, Вера это понимала, он сам верил, что наступит день, когда отважится сказать: «Я уйду от тебя, Ирина». Но этот день никак не наступал и, скорее всего, не наступит никогда.

Супруга Анатолия, Ирина Львовна, была очень солидной дамой. И стиль свой – быть солидной – выдерживала с блеском. Ирина Львовна держалась степенно, важно, высокомерно; к молодым женщинам обращалась исключительно «милочка», в крайнем случае уменьшительно: Танечка, Манечка... Она врывалась в помещение с таким видом, будто была атомным ледоколом «Ленин», и всем следовало посторониться – в их же интересах.

Все и сторонились, расступались, как антарктические льды, пропуская ледокол по пути его следования. Путь следования всегда был один: «к главному». Куда бы ни попадала Ирина Львовна, она безошибочно угадывала «главного» – прочие людишки просто не вписывались в зону ее восприятия. Если ей что-то бывало нужно – а ей, собственно, всегда что-то бывало нужно, – то просьбу Ирины Львовны спускал «главный» своим подчиненным уже в виде приказа, и тогда Ирина Львовна со снисходительной и приторной улыбкой пускалась в объяснения и уточнения, что и как нужно для нее сделать.

Самое странное, что манера эта действовала на людей безотказно, и они, не задаваясь вопросом, с какой стати Ирина распоряжается да по какому праву, торопливо бросались ей услужить. Она распоряжалась с такой естественностью, что с момента ее возникновения на пороге всем начинало казаться, что так надо и так давно было с кем-то условлено, и вот теперь пора выполнять старый договор...

Надо сказать, что уже в школе толстенькая Ира отличалась важностью и степенностью, что создавало обманчивое впечатление надежности. Но окончательные очертания ее стиль принял в пору ее работы

администратором в одном модном московском театре: никогда не иссякавшая толпа униженных просителей пропуска или билетика бесповоротно укрепила ее в сознании собственного величия и превосходства. Однако кажущееся всемогущество администратора было на деле весьма ограниченным: да, перед ним немало народу приседало, но и немало народу им распоряжалось и помыкало, насмешливо поглядывая сверху вниз на то, как маленький администратор крутится, устраивая свои мелкие делишки. Соответственно, и солидность Ирины Львовны была ограниченной, что ощущалось ею весьма болезненно.

Теперь же, когда Анатолий открыл свое дело и быстро пошел в гору, Ирина быстренько подсуежилась и тоже организовала фирму, которая должна была заниматься прокатом спектаклей и эстрадно-цирковых программ. Наконец-то ей представилась возможность, давно и заманчиво улыбавшаяся в самых задумчивых мечтах: безраздельно руководить.

Бедный театральный люд, брошенный партией и правительством на самофинансирование, охотно кинулся в ее щедро разрекламированные на мужнины деньги объятия, ища прокорма и поддержки своим художественным идеям. Помогли и старые контакты Ирины Львовны, знание театрального мира – и фирма ни шатко ни валко начала функционировать. Руководителем Ирина была из рук вон плохим, с людьми контактировать не умела, ее презрение к неимущим и к «неглавным» отталкивало многих творческих людей и, что существенно, мешало ей увидеть в каком-нибудь зарождающемся подвальном театрике будущих гениев и связанную с ними будущую прибыль; но Анатолий держал руку на пульсе и вовремя удерживал супругу от ошибок или исправлял уже допущенные. Несколько успешных операций по трансформации чужих талантов в ее личный капитал создали Ирине Львовне репутацию. Правда, репутацию довольно своеобразную – ее не любили, но верили в то, что она может вытянуть какой-то коллектив, выгодно продав его. К тому же театральное племя – народ по большей части зависимый, в силу чего покладистый... В общем, дела пошли.

Ирина прекрасно отдавала себе отчет в том, что без Анатолия ее фирма развалится, но вполне удачно скрывала это от всех, а главное, от него самого – чтобы не вздумал задаваться, чтобы не осознал ее реальную зависимость от мужа. Все Ириной было устроено давно и прочно, заведено раз и навсегда: Анатолий, как и все остальные, безмолвно подчинялся ее манере всеми распоряжаться. Это на посторонних он производил впечатление независимого, властного и строгого руководителя, умного и удачливого бизнесмена, крепкого и смелого мужика и прочая, прочая... А Ирине он был послушным и исполнительным мужем. Под каблуком он у нее был, вот так-то.

Разумеется, Ирина Львовна своим супругом – таким во всех отношениях удачным супругом – дорожила и потому, несмотря на занятость, бдительно охраняла его от любых поползновений разных секретарш и стажерок.

А вот Веру проворонила...

# Домовой

В темной прихожей Галя встретила тишина. Подозрительная, тягостная тишина, не наполненная звуками торопливых шагов Стасика, его приветственным голосом, его руками и губами, дружно встречавшими ее у порога. Она забеспокоилась, аккуратно прикрывая за собой дверь, – пока еще смутно забеспокоилась, пока еще неопределенно...

Но определилось все очень быстро: густой, тяжелый воздух квартиры был насыщен алкогольными парами.

Не сняв шубки, Галя ринулась в комнату.

– Господи, – всплеснула она руками. – Да ты никак пьян? – Она потормошила Стасика, валявшегося на диване в ботинках.

– Н-не кантовать! – Губы его расплзались, как улитки. – Я не пьян! У меня голова болит! – с трудом выговорил Стасик.

– Ну да, ну да... – Галя распрямилась и отодвинулась от Стасика на шаг, пристально разглядывая его. – Конечно, ты не пьян, ты просто напился как скотина!

Галя смотрела на Стасика в раздумье. Последнее время ее стала иногда посещать мысль, что пора с этими отношениями завязывать. Конечно, Стаська – лапочка, нежный, ласковый любовник, Гале с ним хорошо... Да и пропадет этот «тюня» без нее... Хотя он и талантлив, да голова у него дурная, мужик он ленивый и слабовольный и, строго говоря, именно Гале обязан успехами: это она ему методично проедала плешь, чтобы за ум взялся, а не тратил время на нытье да жалобы в пространство на несовершенство мира...

Послушный Галиной воле, Стасик наконец напрягся, организовался, изучил компьютер, создал фирму... Галя бдила, Галя направляла его твердой рукой, Галя не позволяла ему сорваться в лень да хныканье, и результаты не замедлили себя проявить: Стасик расцвел вместе со своей фирмой, у него даже изменилось что-то во внешности, плечи развернулись, а на них и голова приосанилась в горделивой посадке...

И вдруг – нате вам, принялся пить. Пока еще не очень, пока еще редко, но зато как! В дымину, в дупель, вусмерть! Не помнит, ни где, ни когда, ни с кем! Да еще и врет, что ничего, кроме своего обычного пива, не употреблял. Только ведь от пива не приходят в такое скотское состояние! Что ж это такое, спрашивается? И зачем, спрашивается, ей такой любовник? Алкоголик – человек не пригодный ни к любви, ни к работе...

– Я, Галка, чем-то отравился, – лепетал Стасик.

– Ага. Алкоголем. Так и называется: алкогольное отравление!

– Они мне какой-то денатурат подлили...

– Они – это кто? И подлили – куда?

Галя желала услышать объяснения, протокол с места происшествия. А заодно убедиться, что за словом «они» не скрываются особи женского пола.

– У-у-у, как голова раскалывается, – простонал Стасик. – Прямо сейчас лопнет. Дай воды...

– Кто – они? – сурово переспросила Галя.

– Галка, зверюга, – жалобно хныкнул Стасик, – принеси воды, будь человеком...

Галя сходила на кухню за водой, нашла в ящике с лекарствами аспирин и, подав стакан и таблетку Стасику, холодно наблюдала, как он пьет. Если так и дальше пойдет, то придется пополнить его домашнюю аптечку хитроумным лекарством «Алка-Зельцер» – Галя была фармацевтом и заведовала, помимо Стасиковой аптечки, большой аптекой в центре Москвы.

– Так кто это – они, и подлили они – куда? – повторила она, едва Стасик вернул ей стакан.

– Я в пивной был... Там мужики подсели, водку в пиво доливали, ну и мне предложили...

– А ты, как всегда, не смог отказаться!

– Ну, неудобно, ты не понимаешь – у мужчин так не принято...

– Зато потом подышать от отравления принято! Такое мужское братство: вместе сдохнуть! – злилась Галя.

– Ну, я не знаю, как им, у них, может, организмы привычные...

– Да уж, они, наверное, сильно веселились, глядя, как тебя развозит!

– Не знаю... Я почти сразу вырубился...

– А как же ты до дома добрался? Ты когда пришел-то?

– Утром... Мне так плохо было, тошнило... Я лег и снова отключился... Вот только сейчас проснулся... Голова как болит, знала б ты! В жизни так не болела! Разламывается прямо!

– Погоди, ты что же это – всю ночь пил? Что значит «утром»? А где ты ночь провел?

– Не помню... Вырубился, говорю тебе... Проснулся под утро на лавочке на Пушкинской площади. Милиционер за плечо тряс, разбудил, документы попросил... Ну я и поехал домой: метро уже открылось...

– Да как же ты на Тверской оказался? – недоверчиво спросила Галя. Врет? Был с женщиной? Или вправду?.. – Твоя пивнушка ведь где-то здесь недалеко!

– Не знаю, говорю тебе! Наверное, спьяну на метро сел, потом вышел и на лавочке уснул...

– Господи, зимой, в январе, на лавочке! Не замерз?

– Нет вроде... – виновато потупился Стасик.

– Ну да, изнутри был подогретый... Ничего не скажешь, хорош... – Галя была крайне раздражена. – Напился в зюю! На работе, стало быть, сегодня не был? А фирма, Стасик, требует ежедневного присутствия! Как цветочек ежедневного полива. Иначе она засыхает! Если ты на работу не будешь являться, твои сотрудники тоже разбегутся! Неужто ты не понимаешь этого? Ну какого, спрашивается, черта ты поперся в пивнушку?

– Мне не по себе было... Тебя со мной по вечерам нет, а меня угнетает пустая квартира... Мне хочется к людям! Дай еще воды, а?

– «Не по себе»! – вещала Галя, возвращаясь со стаканом. – Ты прям как слабонервная девица! Квартира его, видите ли, угнетает пустая... – Галя брезгливо посмотрела на Стасика: совсем распустился, ничего не скажешь! Это даже не тюня, это какой-то недотюня получается... – Не по себе ему! Ну, женись тогда! Или собаку заведи! – с издевкой посоветовала она.

– Ты зря на меня нападаешь!.. – нашел в себе силы обидеться Стасик. – Вчера такое было!.. Я хотел тебе позвонить, но ты же мне по вечерам не велела... Вот я и пошел в пивную!

– И что же вчера было? – недоверчиво переспросила Галя: она не допускала, что у Стасика могут оказаться веские оправдания.

– Я, Галя, сошел с ума. Окончательно и бесповоротно. И вчера в этом убедился.

– То есть?

– Ты не поверишь... Прихожу я с работы домой... А тут... Ты только не смейся... Тут мебель не так стоит!

– Что значит «не так стоит»?

– То и значит! – огрызнулся Стасик. – Телевизор с тумбочкой – на месте стола, а стол – на месте телевизора! И стулья были на столе!

– Но ведь все на местах! – возразила Галя.

– Так я же сразу и переставил обратно!

– Ты уверен?..

– В чем? В том, что она не так стояла, или в том, что я ее переставил?!

– погоди-погоди... – Галя направилась к телевизору, осмотрела тумбочку, даже пол зачем-то потрогала. – Стулья ставят на стол, когда уборку делают! Ты, может, в кои веки навести порядок решил?

Надобно заметить, что Галя, по своему обычаю, сильно преувеличивала: Стасик был мужчиной опрятным, грязи у него никогда не водилось, так разве, легкий бардак.

– Смотри сюда, пол под тумбочкой чистый... Ты, когда ее отодвинул и поставил на это место стол, увидел, что там грязно... И решил помыть, правда? Ну подумай, Стас! Ты, может, выпил немножко, – Галя, будучи сама в полной растерянности, на сей раз выбрала выражение помягче, – и тебе вдруг захотелось мебель переставить... Так бывает, знаешь: иногда хочется все поменять местами в квартире... И потом, когда начал переставлять, увидел, что пол грязный, и решил его помыть. И стулья на стол поставил... А? – Галя с надеждой вглядывалась в глаза Стасика. – Смотри, пол-то чистый!

– Галка, это я *потом* пошел в пивную, а домой пришел трезвый, как стеклышко!

– Но кто же мог это сделать?!

– То-то и оно, Галка, что никто.

– Нечистая сила завелась, да? – усмехнулась недоверчиво Галя.

– Может, и нечистая сила... – отмахнулся Стасик.

– Хм... А ничего не пропало?

– Нет. И замки в целости.

– Ты хорошо проверил? Все вещи на местах? – Стасик кивнул. – И деньги? – Еще один кивок. – Все равно надо было милицию вызвать! Они могли бы сделать экспертизу замка!

– Шутишь? И что бы я сказал? Вот, понимаете ли, кто-то залез в мою квартиру, только чтобы мебель переставить? Да еще у меня пол помыть? Милицию! Скорее психовозку...

– погоди... Что же получается? Что ты сам все передвинул, а потом забыл?

– Но кто-то же должен был это сделать! Или вправду у меня нечистая сила завелась?.. Скажи, ты веришь во всех этих, как их, домовых, барабашек?

– Стасик, ты, наверное, все-таки нетрезвый был... А?

– Нет!

Галя потупила глаза. Она решительно не знала, ни что сказать, ни что думать об этом.

– Вот видишь, – горько продолжил Стасик, – даже ты молчишь... Помоги мне, я сяду... Осторожно, у меня голова раскалывается....

– Сейчас аспирин подействует, полегчает, – смягчилась его наставительница на путь истинный, помогая «тюне» принять вертикальное положение.

Стасик в ответ только вздохнул, аккуратно пристраивая голову к спинке дивана...

Неожиданный звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих.

– Кто это? – спросила Галя почему-то шепотом.

– Домовой, – усмехнулся Стасик. – Пришел пол домывать... Пойду открою. Ты не выходи на всякий случай.

Стасик, сгорбившись под тяжестью головной боли и загадочной перестановки мебели, направился, шаркая тапочками, в коридор.

За дверью оказалась девушка. Невысокая, румяные щечки, коричневая парка, красная шапочка с помпоном.

– «Ваш домовой!» – радостно отсалютовала она, завидев Стасика на пороге.

Если он не рухнул, так это только благодаря Гале, которая, заслышав сии странные речи, вылетела в прихожую и подперла его со спины.

Едва Галина набрала воздуха в легкие, чтобы взять инициативу на себя, как Стасик вдруг выпалил:

– Это вы мебель в квартире переставили?

Девчушка посмотрела на них с испугом.

– В какой квартире? – пролепетала она.

– В моей!

– Когда?

– Сегодня!

– Но я же только что пришла!..

Галя вмешалась:

– Вот-вот, я хотела как раз выяснить: зачем вы пришли? И почему вы домовым назвались?

– Как же, – оживилась девушка, глядя на странную пару во все глаза, – вчера вот этот мужчина... – Она заглянула в бумажку. – ...Стас Кудрявцев, правильно? – у нас в фирме был и оформил заказ на уборку квартиры. Наша фирма называется «Ваш домовой». Мы обычно заказы по телефону принимаем, но вы, – кивнула она на Стасика, – сказали, что мимо шли и решили заглянуть. И, ознакомившись с перечнем наших услуг, сделали заказ на уборку квартиры. Мне наша диспетчер, Ольга Михайловна, рассказала. И еще сказала, что у вас борода и что вы симпатичный... И еще вы ручку у нас свою забыли, и Ольга Михайловна мне велела вам передать, потому что ручка эта вам дорога как память об отце. Вы так сказали, когда расписывались...

И с этими словами девушка протянула ему ручку.

– Твоя? – прищурилась Галя.

Стасик кивнул в ответ.

– Вы что-то путаете, – горячо заговорил он, – я никаких заказов не оформлял!

Девчушка усмехнулась:

– Как же, ведь это ваш адрес указан, верно?

И протянула Стасику какую-то бумажку под нос. Галя заглянула через плечо. Адрес был правильным.

Стасик только безнадежно махнул рукой, повернулся и исчез в глубине квартиры, оставив Галю выпутываться самой.

Пробормотав, что это недоразумение, и сунув девушке деньги за расходы на транспорт, Галя закрыла дверь и последовала за Стасиком.

Стасик лежал на диване бледный, закрыв глаза.

– Ручка действительно твоя?

– Моя, – не раскрывая глаз, отозвался Стасик. – Она у меня всегда в нагрудном кармане лежала. Я думал, что ее потерял... Но она вовсе не память об отце, не знаю, как я мог это ляпнуть, я ее сам в прошлом году купил!..

– Так ты там был?!

– Где?

– В фирме «Ваш домовой»!

– Да нет же!

– Тогда почему ты говоришь, что ты это «ляпнул»? Если ты там не был, то и не мог «ляпнуть»!

– Слушай, у меня башка совсем не варит... Может, мне еще аспирина принять?

– погоди, так ты был или не был в «Домовом»?

– Галка, ты – садистка! Ты – инквизиция! Ты понимаешь, что я сейчас сдохну – так голова раскалывается?

Галя сходила снова на кухню и, едва бульк воды в горле у Стасика засвидетельствовал о прохождении таблетки по назначению, упрямо повторила:

– Ты был в «Домовом»?

– Не бы-ыл!!! – застонал Стасик, осторожно опуская голову на валик дивана. – Это у меня домовые были!!! Они мне мебель передвинули!!!

– Тогда откуда у них твоя ручка? – твердо вела следствие Галя.

– Галя, Галочка, родная, оставь меня в покое, а?

– Ручка действительно твоя? А то, может, просто такая же?

– Моя, моя... Я не знаю, как она у них оказалась, я в «Домовом» никогда не был и никогда о нем не слышал, и почему ко мне пришли домовые, я не знаю!!! И зачем мне мебель передвинули – тоже!!! Или ты скажешь, что я грузчиков вызвал, а потом забыл?!

– Знаешь что, Стасик, – задумчиво проговорила Галя, – не нравится мне все это. Сходи-ка ты вправду к врачу... Да поскорее!

## Роман с Романом

Вера Лучникова была психологом. На психфаке отучилась еще в те годы, когда там преподавали кондовую психологию по-советски. Но позже, уже под ветрами перестройки, она написала книгу для начинающих бизнесменов о поведенческой специфике иностранных партнеров, связанной с особенностями их национального менталитета. Книга была написана языком простым и понятным любому (даже «начинающему бизнесмену»), примеры и советы были конкретны, легкий юмор придавал книге шарм, и она быстро сделалась популярной в кругах предпринимателей. И Анатолий, прочитав книгу, разыскал Веру и предложил ей работу у себя: понравился ее легкий юмор и глубокое знание предмета. Она согласилась: зарплата хорошая, работа интересная...

Анатолий мыслил широко: иностранный партнер имеет, как правило, определенный выбор на российском рынке, и, чтобы получить выгодный контракт, нужно выиграть его у конкурентов. В этом, по замыслу, и должна была ему помочь Вера Лучникова.

Конечно, он немного опасался: взял человека со стороны, совершенно незнакомого, без рекомендаций, если не считать книги. Но первая же встреча с Верой его успокоила, более того – порадовала, более того – обнадежила...

В чем именно обнадежила, он не смог бы сказать и еще меньше готов был признать, что ему сразу же захотелось завести с ней отношения, а уж какие именно – это и вовсе не подлежало осмыслению... Просто в Вере было что-то притягательное, что-то такое, что заставляло замедлять шаги, проходя мимо, что тянуло затеять разговор, пусть и пустячный, и ловить звуки голоса, и завороченно смотреть в лучистые глаза...

Вера была довольно высокой, тонкой – именно тонкой, а не худой, – с мягким, нежным покатом плеч и грациозной шеей. Изящный овал миловидного лица, гладкие русые волосы, темно-серые глаза в опущке каштановых ресниц («глаза Роми Шнайдер», – нашел сравнение Анатолий) лучились покоем и доброжелательностью. И еще, пожалуй, едва заметной иронией, необидной усмешкой, словно она понимала все то, что недоговаривал собеседник, но сразу же и прощала его маленькие хитрости и слабости...

В ней чудилось что-то старинное – эта мягкая женственность, несуетное достоинство, благородство осанки и жестов... Было легко ее представить в прошлом веке, например, на балу, с открытыми гладкими плечами, с жемчугами, охватывающими стройную шею. И, конечно, окруженную самыми блестящими поклонниками, потому что Вера была не просто красивой женщиной – Вера оказалась великолепным собеседником, а в прошлом веке это, кажется, в женщинах ценили...

Она была очень моложава; Анатолий прикинул – максимум тридцать три. Но когда стали оформлять ее на работу, выяснилось: тридцать восемь. И в этой моложавости было что-то трогательное. На нежном лице Веры первые, пока едва заметные морщинки казались печатью легкой усталости и отчего-то вызвали желание приласкать, приголубить, притянуть к себе и сказать: «Пойди приляг, отдохни, а я тебе чайку сделаю...»

Анатолий в свои пятьдесят четыре так или иначе смотрел на Веру как на девочку – будь ей тридцать или тридцать восемь. Но то, что ей именно тридцать восемь, почему-то умиляло его.

Деловые же качества Веры просто превзошли его ожидания. Вера – с ее сдержанным достоинством, с ее быстрым и цепким умом, с ее тремя европейскими языками – обладала поразительным даром располагать к себе иностранцев. Она вызвала немедленное и прочное доверие, ощущение надежности и корректности в делах, и вскоре фирма Анатолия приобрела устойчивую популярность в кругах иностранных

бизнесменов, а вместе с популярностью – выгодные контракты.

И теперь Анатолий Сергеевич не приступал ни к одной сделке, не пропустив потенциального партнера – будь то иностранец или соотечественник – через предварительную беседу с Верой Игоревной и не получив ее заключения.

Ирина Львовна время от времени врывалась в территориальные воды мужниной фирмы, чтобы осмотреться и почуять: чем тут пахнет? Каковы ноги у новой секретарши? Кто глазки строит ее драгоценному во всех смыслах супругу?

Верочка – Ирина Львовна упорно называла «психологиню» Верочкой, хотя каждый раз делала над собой усилие, потому что обратиться отчего-то хотелось по имени-отчеству, – Верочка глазки не строила, Верочка не была секретаршей и ноги напоказ не выставляла... Тем не менее Ирина Львовна почувствовала в ней угрозу моментально. Вера не была смазливой – она была красивой, хоть и неброской, неяркой красотой; она не была сексуальной – она была женственной; она не была кокетливой – она была обаятельной. Но главное, Вера совершенно не реагировала на властную Ирину манеру привычно подчинять всех. Вера была вежлива с ней и даже почтительна... Однако ж Ирина чувствовала, что ее начальственные ухватки, беспрочно порождаящие волну услужливости в людях, разбивались о непостижимую скалу по имени Вера в мелкие, не стоящие внимания брызги...

И еще она почувствовала – Анатолий всерьез заинтересовался бабенкой. Она бы даже сказала: очарован. И что в ней нашел? Ладно была бы с ногами от макушки, молодая нахальная нимфетка – Ирина бы не потерпела, но поняла. А тут – под сорок. Конечно, она моложе Ирины Львовны на шестнадцать лет, да и выглядит очень молодо, но такая ведь никакая – ни рыба, ни мясо! Бледная, почти не красится, тихая, вежливая... Сейчас в моде яркие, наглые, высокомерные девицы, знающие себе цену... Ирина таких ненавидела от всей души, но понимала и принимала, поскольку была той же породы. А эту – не понимала. Что-то в ней было запредельное. Что-то не «из нашего профсоюза». Что-то безнадежно не от мира сего: простого, ясного мира, где правят и сталкиваются интересы, в основном денежные, где каждый борется за себя... В Вере ощущалась какая-то странная незаинтересованность материальной стороной жизни, и Ирина ей нисколько не верила – такого просто не бывает. Ясно, что подлая бабенка исполняет спектакль некой старомодной возвышенности. Сейчас на такие спектакли спроса нет, это верно... Но Анатолию, пожалуй, могло и понравиться: он притомился в битвах за место под солнцем, и ему, старому дураку, небось примерещилось, что с Верой он мог бы отдохнуть душой...

Однако, несмотря на худшие ожидания Ирины Львовны, Анатолий не давал повода для ревности. Он исправно звонил супруге с работы, ночевал дома, в его карманах не водились любовные записки, и от него не пахло чужими духами.

Ирина недоверчиво следила за мужем первые месяцы: поводов для подозрений не находилось. И она следить перестала. В конце концов, у нее был свой бизнес, свои неотложные дела, свои увлекательные встречи...

Среди последних особенно быстро набирали частоту деловые свидания с менеджером одного недавно родившегося театрального объединения, молодым предприимчивым человеком по имени Роман.

Имя располагало. Молодой человек тоже. Жгучий брюнет с соблазнительным ртом, он смотрел в глаза внимательно, отвечал ласково и немногословно, льстил умело и с достоинством. Крепость пала на исходе четырех месяцев: Ирина Львовна сделала его любовницей. Конечно, разница в возрасте; конечно, телом она далеко не манекенщица; конечно, морщины на лице, когда тебе за пятьдесят, уже не спрячешь... Но есть косметический кабинет, есть тренажерный зал, есть желание и, самое главное, есть то, что никакими ногами и талиями не заменишь: положение, связи, деньги.

Теперь из ее дневного распорядка были изъяты два часа, а из бюджета – кругленькая сумма, прочно зарезервированная для престижного оздоровительного комплекса и дорогой косметички. Ирина Львовна подумывала отдаться со временем в руки пластических хирургов, но для начала хотела сделать все, что было в ее собственных силах.

Оказалось, что в ее силах не так уж мало: на теле намеком обозначилась талия; лицо, правда, от похудания пострадало: опустевшая кожа стала обвисать, и у косметички немели руки от длительных массажей, похлопываний и поглаживаний. Но маски, кремы, примочки и прочие хитроумности все же потихоньку делали свое дело, и спустя некоторое время Анатолий с удивлением обнаружил, что супруга его вдруг засветилась молодостью, хоть и не первой.

Двадцатидевятилетний Роман быстро взял снисходительно-покровительственный тон со своей немолодой возлюбленной; та, ощутив себя вдруг маленькой девочкой, опекаемой молодым заботливым любовником, стала быстро сдавать одну позицию за другой. Вот уже Роман допущен к делам ее фирмы, вот уже Роман стал афишировать их отношения (и как же это было приятно, страшно, неприлично; но душа пела, когда они появлялись рука об руку, и все видели, сколь нежен и внимателен к ней молодой красавчик!), вот уже Роман занял прочное место хозяина в ее душе и в ее делах...

Разумеется, Ирина Львовна приписывала столь восхитительно-лестное отношение к ней молодого человека исключительно своим многочисленным достоинствам. В число оных было щедро включено и ее «умение держать себя с людьми» – то есть ее надутая важность и высокомерная властность, – и ее «умение делать дела» – то есть пользоваться авторитетом и щедрой поддержкой мужа, – и ее денежный достаток, и ум, и обаяние, и «породистость» (не могла же она, как ни обольщалась, признать за собой красоту, которой за ней не водилось даже в молодости!) – чего только не напридумывает себе женщина, желая оправдать в своих глазах неравный союз...

Анатолий стал казаться старым. Анатолий стал казаться выдохшимся. У Анатолия начало пошаливать сердце – бизнес в России быстро изнашивает организм. Анатолий уже не мог соответствовать ее сексуальным запросам. То ли дело молодой любовник!..

Как известно, людям свойственно принимать желаемое за действительное, и Ирине Львовне, ослабившей надзор за мужем (вернее, полностью утратившей к нему интерес), было невдомек, что Анатолий вовсе не производил впечатления ни старого, ни выдохшегося или сексуально несоответствующего на Веру...

Вере он превосходно соответствовал во всем. Веру он понимал с полуслова, с четверти мысли, с молчания – будь то ее желание или ее суждение. С Верой он был восхитительно нежен и предупредителен в любви – так, как никогда не был ни один из тех мужчин, которых она знавала до Анатолия. До встречи с ним Вера уж стала было подумывать, не податься ли в лесбиянки – не по природной склонности, нет, а в поисках медленной нежности и понимания в чувствах: рассказывали, что лесбиянкам это свойственно...

Анатолий дал ей именно то, что она искала, – неторопливые и упоительные ласки, абсолютное знание ее тела, на котором он, подобно музыканту, мог играть вдохновенно и бесконечно, извлекая нужную им обоим ноту... И с тех пор, как жена ослабила свой неусыпный контроль за его времяпрепровождением, Анатолий с упоением предавался этому великолепному секс-блюзу с Верой.

Он начал подумывать о разводе. От него не скрылось, что Ирина Львовна завела шашни с молодым менеджером: закусившая удила супруга не слишком заботилась о конспирации. «Ну что ж, – думал Анатолий, – мы квиты. А главное, это облегчит расставание», – убеждал он себя.

Он долго решался. Он был скорее консерватором, не любил избавляться от старых вещей, дорожил старыми друзьями... С Ириной он как-никак прожил двадцать семь лет, и перечеркнуть их...

Его это ломало.

Конечно, у нее любовник, но... Двадцать семь лет...

Детей у них не было, так что не было лишних глаз, которые могли бы посмотреть на него с укором... Но все же... Двадцать семь лет...

Вера, подслушай она этот внутренний монолог, сказала бы, что заклинанием «двадцать семь лет» Анатолий красиво обставляет свою психологическую зависимость от собственной супруги – то, что на бытовом языке называется «быть под каблуком». Но Вера никогда не заводила с ним разговоров на эту тему, и ничто не мешало Анатолию крутить во все стороны «двадцать семь лет» и считать себя сентиментальным консерватором.

Решился он вскоре после Нового года, когда вдруг почувствовал, что Вера устала не на шутку от их нелегальной и супертщательно скрываемой связи. Он испугался. Он ждал со дня на день разговора, в котором Вера скажет: «Все, Толя, я больше не могу. Расстанемся».

Терять Веру? Нет, это слишком дорогая цена за двадцатисемилетний союз со вздорной и меркантильной Ириной. Вере нужна семья, да и не девочка она, чтобы заниматься конспирацией... И она любит его, любит так, как Ирке и во сне не снилось, – Ирина не умеет любить, она умеет только пользоваться, что и делала все двадцать семь...

Короче, доводы самого убедительного свойства вдруг хлынули в его сознание, как штормовая волна, и вынесли, отступая, весь мусор оттуда.

Он приготовился к разговору. У Ирины любовник, это мощный аргумент. У него, конечно, тоже любовница, но Ирина об этом не знает – очко в его пользу. Он отдаст жене ее фирму, и ей нечего будет возразить. Ирина оценит этот жест!

Но он просчитался. Если бы он посоветовался с Верой, она бы ему объяснила: человек, который пользовался тобой (как и всеми остальными) всю жизнь, никогда и ничего не ценит и не оценит. Ирина будет только пытаться и дальше тебя использовать, до самого конца, до крайнего предела своих возможностей; она будет бороться за каждую копейку, за каждый погонный сантиметр вашего общего материального пространства... Но Анатолий с Верой не посоветовался: хотел преподнести ей радостный сюрприз.

Ирина выслушала его молча. И только под конец сухо промолвила: «Я подумаю над твоим предложением».

Она действительно задумалась, крепко задумалась. Развод – ерунда. Она могла бы выйти замуж за Романа. Ирина Львовна сладко жмурилась, представляя себе, какой фурор произведет сообщение об их свадьбе в обществе. Она и Роман... И платье она себе закажет у Юдашкина... Или у кого-нибудь из французов...

Дура, одернула она себя. О чем думаешь? Сейчас другое на повестке дня: развод. Безусловно, Ирина при разводе получила бы немало, но... Далекое, ох, далеко не все, что могла бы получить. Слишком много скрытых от государственного ока сумм и прочих ценностей водилось в этой семье и в бизнесе, а роскошная квартира в центре принадлежала официально родителям Толи. Он, конечно, повел себя вполне прилично: предложил купить ей квартиру, обещал без споров отдать все ее драгоценности, машину и «ее» фирму со всем тем, что успел в нее вложить. Но Ирина Львовна прекрасно отдавала себе отчет в том, что без постоянных финансовых вливаний и точных советов мужа фирма перестанет существовать через несколько месяцев. И сладкий Роман не спасет ее – не та весовая категория в бизнесе.

Тут Ирина – слишком поздно! – поняла, что опасная Верочка так-таки выиграла битву за ее мужа,

опрометчиво отпущенного в свободное плавание. А то с чего бы он стал вдруг заводить разговор о разводе? За этим разговором стоит другая баба, вот что! И скорее всего, эта баба – Вера. Никаких доказательств у Ирины не было, теоретически этой «бабой» могла оказаться любая другая прохиндейка, но... Ирина чувствовала всем своим нутром: Вера. Подлая Верка. И ясно, что ради молодой кандидатки в жены влюбленный старый дурак Толя не станет играть в великодушие и не уступит Ирине ничего сверх уже предложенного списка. А ведь у Ирины Львовны, помимо прочего, теперь была еще и веская статья расходов: Роман...

Вот Ирина и призадумалась, горемычная. Как ни раскладывай, как ни крути, а все получалось, что при разводе она окажется в убытке. С Романом поделилась своей заботой: тот ничем не смог утешить. Имущество по закону – пополам, но Анатолий ей и без того предложил половину; а имущество неучтенное – оно и есть неучтенное, и закон здесь бессильно молчит... «Вот только, – сказал Роман, – если бы ты ненароком стала вдовой... Тогда бы ты получила *все* ».

Ирина даже испугалась такого поворота мысли. «Уж не убить ли ты мне мужа предлагаешь?» – робко, боясь обидеть своего божественного Романа таким предположением, спросила она.

«Зачем убивать? – Роман ничуть не выглядел обиженным. – Просто не торопись с разводом. Потяни, покапризничай с квартирой... У него ведь сердце больное, ты говорила? Глядишь, и сам концы отдаст...»

## Любовь за десятку

...Следовало проснуться. Сон был невыносим, он наглухо заковал его, поместил в тесное, темное пространство, жесткое и неудобное, как гроб. Тело затекло и страшно болело, тупо ныла голова. Следовало немедленно проснуться!

Сознание его в поисках выхода бродило в крошечной темноте, натываясь на холодные влажные стены, острые каменные углы и запертые двери. «Ведь где-то должен быть выход! – думал Стасик. – И я должен его найти, чтобы проснуться...»

Но снова холодная круговерть стен, углов и дверей, ведущих в никуда; и долго еще сознание металось в поисках пробуждения и света... Наконец одна толстая занозистая дверь поддалась, и Стасик подумал с облегчением: «Все, я проснулся» – и даже открыл глаза...

Но он не проснулся. За спасительной дверью была по-прежнему непроглядная тьма, холод и сырость. Он мог тысячу раз открывать глаза и снова закрывать их – ничего не менялось, из сна нельзя было вырваться, он взял Стасика в плен.

До его слуха донесся стон. Потребовалось усилие, чтобы понять: его собственный стон. Потребовалось еще одно усилие, чтобы понять: он все-таки не спит... Уже не спит.

Дальнейших усилий было бесплодное множество, но все они сводились лишь к констатации: темно, холодно, жестко, и все болит. Продвинуться далее в осознании происходящего Стасик не мог, как ни старался.

Он попробовал пошевелиться. Шевелиться оказалось трудно и больно. Но движение принесло информацию: он лежит вверх ногами. На какой-то наклонной плоскости...

На лестнице.

Стасик вытянул левую руку и пошарил вокруг... Уточнение: он лежит головой на полу, а ногами на ступеньках.

Подтянув непослушные окоченевшие ноги, он принял горизонтальное положение. Повернулся на бок – болит, будто его отбили... Посмотрел вокруг: ничего не видно, тьма.

Стасик осторожно поднялся – сначала на колени, потом в рост. Сильно кружилась голова. Протянул руку в поисках опоры: дотронулся до холодной стены...

Где он, почему и как сюда попал? – эти вопросы были столь безответны, что он даже не силился их себе задавать. Он просто попытался осмотреться.

При ближайшем рассмотрении тьма оказалась не такой уж непроглядной. В противоположной стороне тускло мерцало маленькое подвальное окошко.

Подвал. Он, собственно, так сразу и подумал.

Оторвавшись от стены, Стасик осторожно шагнул. Пол был ровный и, кажется, без всяких препятствий.

Стасик приблизился к окну. Оно находилось достаточно высоко, и Стасик ничего не смог увидеть, кроме косога света отдаленного фонаря. Ночь, значит. Или вечер...

Вдруг вспомнилось: он вышел из дома. Был еще день, светло... Прошел, не останавливаясь, мимо пивнушки – твердый зарок пить пиво не чаще раза в неделю. Странно, однако, что у него привкус пива во рту... Или он все-таки выпил? Потом поехал на Митинский рынок – нужно было кое-что присмотреть для компьютера... Правильно, он еще купил там несколько компакт-дисков для своего интернетовского сайта,

которым занимался вот уже второй месяц... Кстати, у него был с собой пакет со всеми покупками. И где пакет? И вообще, что у него в карманах?

Пошарив по всем карманам по очереди – куртка, пиджак, брюки, – Стасик с облегчением убедился, что все на местах. Главное, портмоне. Он прилично потратился на рынке, но все-таки рублей триста у него оставалось, а это деньги... Пакета, однако, нигде не наблюдалось, но в скудном ночном свете этого крошечного окошка разве чего рассмотришь? Стасик решил оставить поиски на потом, сейчас его больше всего занимало окно. Он надеялся увидеть из него хоть что-то, что могло бы навести на мысль, где он находится. А уж там, глядишь, и вспомнится, отчего да как...

Он огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить ему подставкой для ног, ящик например... В углу что-то вроде бы лежало, и Стасик направился туда. Ящика не нашел, но увидел край довольно толстой трубы. Ее диаметр был явно недостаточен, но вдруг это только обрезок?.. Тогда его можно будет поставить вертикально, встать на него и посмотреть в окошко, пыхтел он, пытаясь вытащить трубу из-под какого-то хлама.

Тело его по-прежнему ломило, движения отдавали болью, и потому тихий стон, долетевший до его слуха, поначалу показался его собственным.

Второй стон был громче и отчетливее, и Стасик замер, покрываясь мурашками: это был не его стон, это был чужой – кто-то еще находился здесь, в подвале, в углу, в хламе...

– Кто здесь? – неуверенно проговорил он, обмирая от страха.

Еще один стон раздался ему в ответ. Женский.

Стасик осторожно продвинулся в угол, всматриваясь в неясные очертания предметов. Геометрия контуров выдавала лишь минимальную информацию: было непонятно, что это, но было понятно, что не тело.

Наконец, намного левее, у стены, он увидел нечто, напоминавшее человеческие очертания: мягкий холмик пальто. Он же источник звуков, что не замедлило подтвердиться новым стоном. Тут память услужливо вернула новый фрагмент воспоминаний... Он вышел из метро «Бабушкинская» и, увидев, что автобуса нет, пошел домой пешком: на автобусе в объезд квартала было пять остановок, а напрямик своим ходом – минут пятнадцать... В одном из дворов женщина подбирала бутылки у мусорного контейнера. Стасик намеренно свернул правее, чтобы ее обойти: его очень стесняло зрелище опустившейся нищеты. Но в этот момент женщина повернула к нему лицо и произнесла игриво: «Эй, красавчик, дай десятку, а? Жрать нечего...» Стасик растерялся. Не дать денег было неудобно: нищая, хоть и пьяная, женщина... К тому же, кажется, – насколько позволяют ему судить расстояние и темнота – довольно молодая...

Но, с другой стороны, ей не есть нечего, а пить – на бутылку просит, это ясно... А при таком раскладе и десятки жалко! Стасик даже притормозил в сомнениях. Женщина смотрела на него с усмешкой, будто читала его мысли. Стасик окончательно смутился и торопливо полез за бумажником...

Что же было дальше? Вот этого-то он и не помнит... И вот теперь он в каком-то подвале, в обществе подозрительной женщины... Той бомжихи? Бог мой, но как же... Зачем?!

Память снова расщедрилась и донесла до Стасика фразу бомжихи: «А то, хочешь, расплачусь?», сопровождаемую ее недвусмысленной пьяной усмешкой.

Но не мог же он, в самом деле, пойти с ней в этот подвал?! За ее жалкой и совершенно ненужной ему «расплатой»?! А потом... Потом, допустим, он упал на лестнице, ушиб голову и потерял сознание...

Собственно, зачем ему окно понадобилось? Че-го это он, словно загипнотизированный, потащился к этому скудному прямоугольничку серого света? Ему дверь нужна, дверь! Слава богу, не только память, но и

мозги наконец включились! Стасик рванул в темноту, туда, где лестница...

Но остановился. Бомжиха – не бомжиха, а все-таки человек. Может, ей помощь нужна? Он нехотя вернулся к стене, где примостилось пальто.

– Эй! – позвал он. – Вы меня слышите?

Мозги снова засвидетельствовали свое почтение: Стасика осенило, и он достал из кармана зажигалку. Выпустив язычок пламени, склонился над серой массой и вгляделся. Перед ним лежала женщина – кажется, без сознания. Пальто ее, как и находившиеся под ним шерстяная кофта, тонкая блузка, было расстегнуто, юбка задрана, а лифчик спущен под голые груди, неуместно и жалобно выглядывавшие из зимней одежды наружу в этом сыром холоде. Стасик отпрянул. Но не могло же такого быть, чтобы он с бомжихой...

Его снова повело к лестнице, но совесть исправно прихватила за воротник. Он вернулся, запахнул голую грудь – не посмел, конечно, дотронуться до лифчика и водрузить его на место, просто свел полы пальто – и потряс женщину за плечо. Ответом ему был очередной стон, но век она не разомкнула.

Стасик немного поразмыслил. В конце концов, он сейчас уйдет отсюда и вызовет «Скорую». Вот и все. Он снова засветил зажигалку, бросил на женщину последний взгляд: лет около тридцати, накрашена, довольно милостива... Господи, но это же не повод! И он не был пьян, нет! Он только не удержался и выпил все-таки кружку пива... И все. Вот почему у него привкус пива во рту: он выпил, выйдя из метро, по дороге домой... Но от пива же не теряют голову! Пойти в подвал с бомжихой? Ну не мог же он, в самом деле!..

Стасик изучающе рассмотрел женщину и вздохнул облегченно: рейтузы и колготки на своем месте, не похоже, чтобы их пытались снять. Слава богу. Не хватало только болезнь какую-нибудь подцепить.

Долой отсюда, долой! И «Скорую» – пусть ею занимаются. А ему здесь делать нечего.

И снова Стасик замер у подножия лестницы в нерешительности. Если он уйдет... Он так ничего и не узнает. Потому что его собственная память наотрез отказывается подсунуть ему что-нибудь приличное в качестве объяснения. И это уже не в первый раз такие провалы. А тут, по крайней мере, есть свидетель его поступков: человек, который должен знать, что и как делал Стасик в беспамятстве...

Он решительно наклонился и потряс женщину за плечо. Голова ее затряслась в такт, но никаких признаков жизни бомжиха не подала. Конечно, она была жива, он же слышал стоны, но сознание ее где-то прогуливалось и не желало возвращаться к унылой действительности. Тогда Стасик принялся брезгливо похлопывать ее по щекам, пытаясь привести в чувство.

И женщина наконец открыла глаза.

## Во многом знании...

Счастливая новость почему-то ударила под дых. Ударила больно, по-настоящему, и Вера вслушивалась в телефон, согнувшись пополам.

– Повтори, пожалуйста, – сдавленно произнесла она. – Я не совсем расслышала.

Она расслышала. Просто не могла поверить.

– Я уйду от Ирины. И я ей об этом сказал, – едва заметно усмехаясь, послушно повторил Анатолий. Он все прекрасно знал: и что расслышала, и что не верит своим ушам.

– То есть... Это правда?

– Конечно, Веронька. Такими вещами не шутят.

– И... И что Ирина?

– Какая тебе разница, малыш? Я с ней все улажу.

– Но... Как она приняла известие?

– У нее любовник. Уже несколько месяцев. Так что ей есть чем заняться после развода.

– Бог мой... – Вера начала потихоньку приходить в себя. – Любовник? У Ирины? Ты это точно знаешь?

– Молодой человек, на двадцать пять лет моложе Ирины, по имени Роман.

– И значит...

– Значит, это очень упрощает мою задачу.

– То есть Ирина согласна?

– При некоторых условиях.

– Какого рода?

– Например, покупка квартиры для нее. И ряд других, чисто материальных условий.

– И тогда она даст тебе развод?

– Ну да.

– Вот так просто, без боя? – В голосе Веры сквозило недоверие.

– Я же тебе сказал: у нее любовник. Развод ей развязывает руки.

– Я не о том... Ты извини, так, может, нехорошо говорить, но я думала, что она будет торговаться до последнего...

– Она и пыталась. Но ты же знаешь законы: если даже она и не даст согласия, нас все равно разведут. Ей куда выгоднее договориться со мной полюбовно. Мы с ней и сторговались: как только я куплю ей квартиру, она сразу даст согласие и подпишет. Это не займет и месяца.

– Анатолий...

– Что, радость моя?

– Я даже не знаю, что сказать... Я оглушена. Я... Я не могу поверить...

– Конечно, ты же у нас пессимистка. Потому и не веришь.

«Пессимистка». Так частенько называл ее Анатолий. Вера пессимисткой себя не считала, но что правда, то правда – в ее мироощущении было немало горечи.

Возможно, виной тому ее особое восприятие жизни? Сколько она себя помнила, у нее словно был дар – видеть жизнь как бы сразу в нескольких измерениях. Не только то, что происходит, но и то, что могло бы произойти. Люди обычно воспринимают поступки других как некую данность, к которой они затем, уже приняв эту данность, относятся так или иначе, одобряют или осуждают, восхищаются или отвергают...

Вера же воспринимала каждый малейший поступок не как данность, а как процесс выбора. Даже слово, предпочтенное из ряда возможных синонимов, уже было выбором: можно было сказать: «трахаться», а можно – «заниматься любовью», можно было сказать: «некрасивый», а можно – «урод», и так далее, и за этим выбором всегда стояли определенные причины, связанные с личностью человека. Что уж говорить о поступках разного масштаба: смотрит человек в глаза или отводит взгляд; тихо говорит или кричит; лжет или говорит правду; оправдывается или отмалчивается; проводит вечер у телевизора или в дискотеке – бесконечное множество разных «или». У всех этих «или» были свои причины, за каждым выбором стояли отвергнутые, неиспользованные возможности поступить иначе, и выбранный из широчайшей амплитуды этих возможностей вариант многое говорил Вере о человеке. Жизнь для нее была без загадок, как художественный фильм для знатока: каждый ракурс, каждый кадр, проглатываемый без рефлексий большинством, – знатоку говорит многое о замысле режиссера, обнажает режиссерское мироощущение, его зашифрованное в фильме послание миру...

Это многомерное видение людей и их поступков было каким-то врожденным качеством, и Вера, пойдя на психфак и перелопатив гору специальной литературы, почти ничего нового там для себя не открыла, разве что поднабрала терминов, которыми можно было кратко обозначить давно известные ей вещи: она и так знала людей, она их чувствовала, она читала их лица, видела насквозь малейшие движения души и мысли и угадывала схему дальнейшей судьбы.

И никогда не ошибалась.

А во многом знании, как известно, есть много печаль. Человек представлялся столь жалким и несовершенным, что Вера испытывала что-то вроде скорби. Нет, она любила людей, относясь к прозрачным для нее душам примерно так, как взрослые относятся к наивным хитростям детей: и видят, и умиляются, и прощают одновременно... Но все-таки это были не дети, это были взрослые люди, обремененные ответственностью своей взрослой жизни, и их хитрости были не детскими и не безобидными, их хитрости разрушали чужие жизни и судьбы, и Веру они не умиляли... В общем, «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»...

И Анатолий, любимый и родной человек, принадлежал, как это ни горько, к той слабой породе людей, у которой не имелось от Веры секретов. Она была уверена, что он никогда не решится развестись с Ириной, – он, как все, жил в плену у множества конкретных житейских соображений и привычек, он жил в путях годами сложившейся психологической зависимости от жены, зависимости, в которой он обрел определенный комфорт (что часто случается с мужчинами). И такие абстрактные вещи, как «любовь», не служили мотором для того, чтобы из этого плена вырваться, чтобы жизнь построить заново. Все и так было чудесно: «любовь» была пикантной приправой к привычному остальному... Мотором обычно служат низменные страсти, всегда более активные и действенные: был бы, например, Толя дешевой, решил бы он попросту сменить старую жену на молодую – он пошел бы до конца. Правда, и в этом случае Вера осталась бы в стороне от трассы, прокладываемой этим действенным мотором: тогда бы Толя нашел себе совсем юную девицу, как это сейчас многие делают... Впрочем, *такой* Толя ей был бы не нужен.

И теперь, после этого звонка, после этой новости, Вера с трудом сдерживала рыдания: они рвали горло от сознания, что она была не права. Она не сумела разглядеть в Толе мужества сделать выбор!

И она – о радость! – ошибалась в нем!

Конечно, надо признать, что судьба вмешалась и облегчила его задачу: у его жены оказался любовник... И где-то в мозгу крутилась мерзкая и привычно-циничная догадка, что Анатолий не только (и даже не столько) любовью к Вере руководствовался, сколько нежеланием быть посмешищем с ветвистыми рогами... Но так хотелось поверить в ничем не омраченное счастье!

И Вера охотно послала все эти подспудные гнусные мыслишки подальше. «Пессимизм» был списан на издержки профессии и крепко припечатан словом «глупости».

В ней совершился переворот, словно тяжесть, душившая ее годами, упала с плеч, и она вдруг обрела легкую веселость и беспечность, которой у Веры и в молодости не было. Сугробы начали таять с невероятной быстротой, в душе залились пением птички, и приход солнечной весны озарил ее лицо тем внутренним светом, который бывает у по-настоящему счастливых женщин.

И Анатолий, восхищенно глядя на нее, радовался, что сумел сделать этот трудный шаг.

Вера радостно кинулась в эйфорию проектов, планов, обсуждений устройства будущей жизни. Вот ей чего не хватало: планов на будущее! Только сейчас Вера поняла, до какой степени ее душило, угнетало отсутствие перспектив. Зато теперь их целое море: и как свадьбу будут праздновать, и куда в отпуск поедут, и главное – Толя дал ей понять, что хотел бы ребенка! Вера уж было поставила крест на своем желании иметь дочку. В первом браке у нее случился выкидыш, а потом... Оказаться матерью– одиночкой она не хотела, а не одиночкой все никак не получалось... Ну и что, что сорок один? На Западе и в сорок пять рожают, и ничего!

И Вера навестила гинеколога, чтобы избавиться от спирали. Чего тянуть! Ребенок появится на свет, как известно, только через девять месяцев, а за это время они все устроят!

## Лифчик бомжихи

...Женщина кричала так долго и так страшно, что Стасик перепугался насмерть. Она ухватилась за свое пальто, пытаясь его запахнуть, и орала изо всей мочи, как если бы Стасик был насильником.

Он запоздало отпрянул от бившейся в неистовстве женщины.

– Нет, – кричала та, размахивая руками, – не смейте! Помогите! На помощь! Милиция! Не прикасайтесь ко мне! Не-е-ет!

– Я вас не трогаю, помилуйте, – прошелестел Стасик едва слышно, он едва не потерял дар речи от такого поворота дел. – Да не кричите так, я вас умоляю, у меня аж уши заложило... Вас все равно никто не услышит – мы в подвале...

– Помогите-и-те!!! – еще истошнее завопила женщина. – Не трогайте меня!!!

– Да я же вас не трогаю! – рассердился Стасик. – Ну сами посмотрите: где вы и где я! Перестаньте орать, в самом деле!

Лицо женщины приобрело чуть более осмысленное выражение. Она вцепилась взглядом в физиономию Стасика, который все еще держал в руке зажигалку, освещавшую слабым и неровным светом эту странную сцену. Глаза бомжихи с недоверием ощупали Стасика с головы до ног: его одежду, его фигуру, неуверенно замершую на почтительном от нее расстоянии...

– Что вам от меня нужно? – спросила наконец женщина.

– Ничего, – удивился Стасик. – Это вам от меня что-то нужно! Зачем вы меня затащили в подвал?

– Я – вас? В подвал? – Женщина явно была не в состоянии осмыслить происходящее.

– А кто же тогда? Не сам же я сюда пришел?

– Вы сказали, что это подвал? А как я сюда попала?

– Наверное, открыли дверь и вошли. Я одного понять не могу: зачем я вам понадобился? Вы меня даже не обокрали – кошелек на месте... Что со мной случилось, скажите мне? Я потерял сознание?

– Вы? Да вы что, в самом деле? Это я потеряла сознание! И вы меня сюда приволокли!

– Я вас тут нашел! Вы тут лежали! Без сознания!

– Врете! – женщина приподнялась на локте. – Врете! – убежденно повторила она. – Вы меня сюда затащили!

– Да вы что! С какой стати...

– Вы хотели меня изнасиловать!

– Это вы мне себя предложили! За десять рублей!

– Я-а-а?!!! – Женщина даже села от подобного утверждения, и полы ее пальто разошлись, вновь частично обнажив грудь. Но она, кажется, не заметила, а Стасик не посмел ей об этом сказать. – За кого вы меня принимаете? Вы... вы...

– «Вы, вы», – передразнил ее Стасик. – Не я, а вы! Вы собирали бутылки у помойки, а я мимо шел, и вы...

– Я?! Бутылки у помойки?! Да как вы смеете? Вы сумасшедший, да?

– Я очень хорошо помню! Вы собирали бутылки и попросили у меня десятку. Я не ответил, подумал,

что вам эта десятка послужит, чтобы снова надраться... И тогда вы мне предложили, – Стасик даже немного приблизился к женщине, вглядываясь в ее лицо, чтобы убедиться в том, что так оно и было и память его хоть на сей раз не подводит, – и тогда вы мне предложили эту десятку отработать...

– Не смейте приближаться ко мне! – взвизнула женщина. – Вы бежали за мной, я побежала от вас... Но вы меня догнали и ударили чем-то по голове, оглушили, я прекрасно помню! И потом вы затащили меня в этот подвал... – Она наконец посмотрела на свое пальто и, увидев оголившуюся грудь, быстро запахнулась. – Вы пытались меня изнасиловать! – вновь завизжала она. – Отойдите, я вам сказала! Не смейте!

Стасик хмуро отодвинулся и погасил зажигалку – нагретый металл уже обжигал пальцы. В слабом сером свете он видел, как женщина, подозрительно косясь на него, развернула торс к стене, поправила лифчик, затем, уже не прячась, застегнула одежду: блузку, кофточку, пальто...

И в этот момент до Стасика дошло, что это и впрямь не бомжиха! Не потому, что он ее узнал – темнота и расстояние мешали разглядеть лицо, – но вещи! Вещи были приличные, хорошие, ничего помоечного! Теперь он сразу вспомнил, что и ее лифчик ему показался незаношенным... Не то чтобы он знал, как может выглядеть лифчик бомжихи, но в тот момент, когда он склонился над женщиной, пытаясь привести ее в чувство, где-то в глубине сознания приятно отметилось, что она опрятна... Да, именно: он ожидал учуять запах давно не мытого тела... И запах перегара! Его тоже не было! Он точно помнит – не было! Даже наоборот, какое-то слабое дыхание духов...

Та-ак, час от часу не легче. Что же это за дамочка и как она сюда попала?

– Послушайте, – заговорил он, не двигаясь с места, чтобы снова ее не напугать. – Только послушайте меня спокойно, прошу вас!.. Я не бандит, я вовсе не собирался вас насиловать, и мне от вас ничего не нужно. Поговорим спокойно. Лады? Как вы сюда попали?

– Ха, он еще спрашивает! Вы за мной гнались, потом ударили чем-то по голове, затащили в подвал, а теперь спрашиваете?

– Я не гнался за вами! Уверю вас, это был не я! Возможно, кто-то другой, но не я.

– Кто-то другой? А что же вы-то делаете в этом подвале? Ведь здесь именно вы, а не «кто-то другой»!

– Я... Понимаете, у меня какой-то провал в памяти. Я шел мимо мусорных баков, там была женщина... Пьяная, примерно вашего возраста, она собирала бутылки. И попросила у меня денег. Десятку. И сказала, что готова ее отработать. Вот почему я подумал...

– Это была не я! Это была другая женщина!

– Вот и я вам объясняю, что за вами гнался не я...

– Так как же мы оба тут оказались?

– Не помню. Ничего не помню с того момента, как она мне предложила отработать десятку! – сокрушенно ответил Стасик. – Вы вот хоть помните, что вас по голове ударили, а я просто ничего не помню, и все...

– Зажгите ваш огонь, – распорядилась женщина.

Стасик послушно зажег. Женщина некоторое время вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, можно ли ему верить. На лице у Стасика отразилось почти детское отчаяние – он был растерян, повержен, раздавлен этим странным происшествием.

– Помогите мне встать, – уже спокойнее произнесла женщина, видимо, удовлетворенная результатами разглядывания Стасика.

Он с готовностью бросился, протянул руку крендельком, другой поддержал за локоть.

– Вы вправду ничего не помните? – переспросила она.

– Клянусь!

– Странная история. Значит, вы за мной не гнались?

– Нет. А вы не собирали бутылки у мусорных баков?

– Нет. Потрогайте. – Она взяла руку Стасика и приложила к своей макушке. – Меня вправду чем-то ударили по голове. Чувствуете шишку?

– Чувствую... – растерянно подтвердил он. – Но это не я, уверяю вас...

– Так вы же не помните? Может, и вы!

– Скажите... А вы где шли?

– По тропинке вдоль дома номер двадцать пять, там с обратной стороны тропинка, знаете? Я от родителей одного моего ученика возвращалась, такой тяжелый мальчик, пыталась как-то с родителями объясниться... Впрочем, к чему это вам... И вдруг услышала за собой шаги. Я пошла быстрее – шаги ускорились, я побежала – человек тоже. И вдруг – удар по голове... Дальше ничего не помню.

– А это где – дом двадцать пять?

– Послушайте, чего мы тут стоим? Дверь в подвал открыта?

– Я не успел проверить...

– Пошли! – Женщина подхватила свою сумку, лежавшую на полу, и пересмотрела ее содержимое. – Ничего не взяли... Пошли!

Стасик, вспомнив о своем пакете, обвел пространство вокруг огоньком зажигалки. Пакет валялся у подножия лестницы. Все приобретения Стасика были на месте.

Дверь оказалась не заперта. Они вышли на улицу, осмотрелись. Лестница, ведшая в подвал, находилась в торце многоэтажного дома, над ней был козырек. Прямо напротив торца стояли мусорные баки, Стасик узнал их.

– Вон там эта дорожка, видите? – Женщина показывала рукой на дом, находившийся правее и выше.

– Я там не был, – уверенно заявил Стасик. – Я с другой стороны шел, от метро. А бомжиха, она вот тут копалась, видите эти баки? И все, потом я ничего не помню.

Женщина покачала головой:

– Раз вы ничего не помните, так можете не помнить и того, что гнались за мной!

– Да как же я мог бы забыть такое? И потом, смотрите сами, у меня ничего тяжелого нет!

– Мало ли, – пожала плечами женщина, – камень подобрали... Ладно, – повернулась она к нему, – вы у меня ничего не украли, меня не изнасиловали, не убили. Может, и впрямь это кто-то другой был... Хотя очень странно, что этот другой затащил меня в подвал, при этом никак не воспользовавшись моим положением... Зачем тогда было тащить? И, главное, зачем было тащить туда еще и вас?

– А вдруг человек этот вас затащил, а потом бомжиха решила меня затащить и вашего человека испугала? Он и сбежал.

– А зачем бомжихе было вас сюда тащить? Допустим, вы отчего-то потеряли сознание: быстренько свистнула кошелек – и привет!

– Ну, мало ли, дело на дороге было, сами видите... Здесь света много.

– Предположим. Но тогда что ей помешало вас ограбить здесь, в подвале?

– Может, этот человек, который затащил вас, испугал ее?

– Она его, а он ее?

– Почему бы и нет, в конце концов?

– Рассказать кому-нибудь – не поверят! – Женщина снова покачала головой.

– Но вы мне верите? – с надеждой спросил Стасик.

– Даже не знаю... Кажется, верю, – вздохнула она. – Ладно, чего не было – того не было. Жива, цела, здорова, и кошелек на месте – в милицию не заявишь. Мне домой пора.

И, не попрощавшись, женщина торопливо пошла прочь, придерживаясь освещенной части дороги, и вскоре исчезла за поворотом.

Стасик, провожавший ее взглядом в каком-то оцепенении, встряхнулся, помотал головой и направился в свою сторону.

## Насилие от сбербанка

Теперь их свиданиям ничто не мешало: Ирина Львовна съехала к любовнику, и они встречались практически открыто у Толи дома – Толя говорил «у нас дома», потому что, как только они поженятся, Вера переедет к нему.

У нее была своя чудесная двухкомнатная квартирка на Соколе: Вера продала однокомнатную, добавила денег, и Анатолий помог. Убранная и обставленная именно так, как ей всегда раньше хотелось и мечталось, квартира эта соответствовала во всем ее вкусу и мироощущению. И все эти три года была их с Толей домом, местом их тайных, урывками, свиданий, часов блаженства, уюта и единения. Они вместе украшали ее, Толя самолично заказывал мебель и сантехнику, принес дорогие безделушки из дома, из-за которых, как потом выяснилось, Ирина устроила ему скандал. В старинном, антикварном книжном шкафу разместил несколько роскошных изданий восемнадцатого века: «Им здесь место, – говорил Анатолий, – у тебя. Эти книги с тобой дружат, они тебе что-то говорят, а дома, – тогда «дома» было у него с Ириной Львовной, – а дома они молчат, им неуютно с Ириной...»

И хотя Веру радовало это новое Толино выражение «у нас», хотя она уважала его любовь к старому дому в центре, где жили три поколения Толиной семьи, ей было жалко расставаться со своей квартиркой, которую практичный Толя предложил сдать, как только она переедет к нему...

В Толиной же квартире еще витал дух Ирины, ее помпезные, тяжелые вкусы душили Веру. Она горела от нетерпения многое, если не все, поменять в обстановке, они с Толей уже начали прикидывать, как и что будет сделано и куплено, и это мирило Веру с мыслью о переезде... Но пока развод не состоялся, она решила ничего не трогать, только предвкушала грядущие изменения.

Это тоже было частью упоительных планов на будущее.

Единственное, что ее угнетало, – что у Ирины остались ключи от квартиры и она могла, теоретически, появиться в любой момент, даже самый интимный.

Но, по крайней мере, сегодня Вера была спокойна: Толя сказал, что Ирина зачем-то заходила с утра, а потом уехала на дачу. Сезон не дачный, январь, – но за какими-то вещами. Так что она им не помешает.

К дому Анатолия Вера подъехала довольно поздно, около восьми, – забежала после работы к себе, взяла кое-какие мелочи. Входя в подъезд, глянула на весело, ярко освещенные, ждущие ее окна. И, уловив радостный всплеск, поднимающийся к сердцу, вновь укорила себя: вот, пессимистка, вот оно – твое счастье, а ты не верила...

На лестничной площадке возле соседней квартиры стоял мужчина, будто в ожидании, что ему откроют. Покосившись на него, Вера направилась к двери Анатолия и вставила ключ. Но не успела его повернуть, как ее сжали сильные руки и на ее груди сомкнулись замком черные перчатки.

– Опаздываешь, голубушка! – тихо упрекнул Веру незнакомый голос.

Боковым зрением она заметила, как по лестнице к ней кинулись еще трое. Она успела слабо вскрикнуть, но кожаная перчатка закрыла ей рот.

Ее втолкнули в квартиру.

– Верочка, это ты? – раздался голос Анатолия и его легкие шаги. Двое мужчин отделились от Веры, и она увидела, что у них на головах натянуты шапочки, вроде лыжных, полностью скрывавшие лица; и не успел Анатолий появиться в коридоре, как он был схвачен, скручен и дуло пистолета вырисовалось в одной

из черных перчаток.

Человек мотнул пистолетом в направлении комнаты. Веру и Анатолия втолкнули в спальню. Анатолий развернулся лицом к бандитам и произнес громко и уверенно:

– Объясните, что вам надо! Мы сопротивления оказывать не будем! Вам нужны деньги? Я их дам. Только не трогайте, пожалуйста, мою жену!

«Жена»! Даже в этих самых неподходящих обстоятельствах у Веры радостно встрепенулось сердце.

Анатолию, однако, никто не ответил. Его молча подпихнули к креслу, насильно усадили, примотали руки к подлокотникам широким техническим скотчем, а щиколотки слепили между собой и притянули к одной из ножек. Анатолий попытался что-то сказать, но один из мужчин приблизил пистолет к его губам и приложил ствол ко рту, требуя замолчать. Но, едва он отвел пистолет от его губ, Анатолий снова заговорил властно и требовательно:

– Вы пришли, чтобы нас ограбить? Я готов отдать вам все ценности, которые есть в доме. Я отдаю, и вы уходите – договорились?

Мужчина с пистолетом запустил руку в карман, вытащил какую-то бумажку и аккуратно положил Анатолию на колени. Анатолий с изумлением опознал театральный билет, уже использованный, с жирным шрифтом внизу: «Партер». Он поднял глаза на бандитов:

– Что это означает? Что за приглашение на спектакль?

Мужчина с пистолетом – он явно был в группе главным – махнул одному из державших Веру, и тот, приблизившись к Анатолию, заклеил ему рот скотчем. Убедившись, что Анатолий привязан надежно и кричать не сможет, мужчина повернулся к Вере и снова махнул пистолетом.

– Раздевайся, – произнес один из бандитов. Голос был молодой.

Вера впала в ступор. Она не ослышалась? Он сказал...

– Раздевайся, – нетерпеливо повторил парень.

Вера посмотрела на Анатолия. В его глазах застыло отчаяние. Она медленно подняла руку к груди и дотронулась до застежек голубой песцовой шубки. Четыре пары глаз в амбразурах масок следили за ее движениями. Шубка упала с плеч. «Может, они хотят забрать шубу?» – все еще надеялась Вера. Но робкая надежда тут же пропала: человек с пистолетом вновь мотнул дулом, показывая: «дальше!» Вера медленно расстегнула пиджак костюма, глядя на Толю, в его напряженные и беспомощные глаза. А главный, которого она определила по пистолету, уже указывал на ее сапоги. Двое склонились к ногам Веры и быстро освободили их от обуви. Теперь она стояла в одних колготках на роскошном белом ковре Анатолия, покрывавшем весь пол спальни. И опять дуло пистолета указало: пуговицы блузки. Вера медлила. Анатолий не мог ей помочь, это ясно... И, кажется, никто не сможет ей помочь в этой ситуации... Она снова посмотрела на любимого, и ей сделалось совсем худо: у Толи в глазах стоял ужас беспомощности...

Пистолет нетерпеливо дернулся.

Вера медлила.

Пистолет прижался к ее виску.

Не глядя на Анатолия, Вера начала бег по пуговицам, пистолет торопил ее движения. Блузка была снята, за ней последовала юбка, затем колготки. Вера осталась в одном боди. Чудного пепельного цвета с кружевами. Мужчины окружили ее, и, даже не видя их лиц под масками, она почувствовала, как они заухмылялись, разглядывая ее. Наконец хоровод приостановился, и главный снова сделал указующий жест. Один из бандитов опустился на колени и расстегнул боди, которое, как известно, расстегивается

снизу...

Сзади просунулись две руки и спустили верхнюю часть боди ей под грудь. Между ее бедер сзади вснулось колено, заставляя ее расставить ноги, и стая черных перчаток осела вороньем на ее тело.

В этом было что-то дикое, странное до ужаса, ирреальное. Что-то бредовое, как детский «ужастик» о черной руке, рассказывавшийся по ночам страшным шепотом в пионерских лагерях.

Вера закричала, как кричат в кошмарном сне. И тут же получила довольно чувствительный удар по лицу. Она задержалась молча, пытаясь вырваться, но крепкие руки держали ее, не давая сделать ни шагу.

«Воронье» перелетало с места на место, Веру гнули и наклоняли во все стороны, и черная, грубая, холодная кожа бесстыже приникала и проникала повсюду, безошибочно находя самые чувствительные точки.

Она боялась смотреть на Анатолия. Тот попытался закрыть глаза, чтобы не видеть, что делают с Верой. Но тут же дуло пистолета коснулось его лба:

– Не нравится, папаша? Чего морду-то воротишь, зенки закрываешь? Не рад, значит, что мы тут вчетвером твою бабу щупаем? А ты как думал? Баксами помашешь, так все сучки твои? – раздался тот же молодой голос. – А мы, видишь, и бесплатно пользуемся! У нас, как при коммунизме, – все вокруг народное, все вокруг мое! – Парень довольно захихикал. – Тебя как учили в детстве? Что человек человеку?.. Правильно: друг, товарищ и брат. А с другом, товарищем и братом надо – что? Делиться! Вот ты и делишься свои добром, как хороший мальчик... Вернее, как хороший дедушка!

И он издевательски заржал. Ему вторили несколько приглушенных смешков остальных.

Под аккомпанемент этих смешков Веру рывком развернули спиной к Анатолию и вынудили наклониться. Все четверо образовали полукружье, но так, чтобы не заслонить Веру от Анатолия, которому был отведен «партер», – расстегнули как по команде свои одинаковые черные пальто, спустили «молнии» на брюках и оцетинились крепкими пенисами, на которые начали дружно натягивать презервативы.

Анатолий забился в кресле, отчаянно замычал, чем только развеселил насильников.

Вера с трудом осмысливала происходящее. Все это и вправду напоминало какой-то дикий спектакль... До такой степени странный, неправдоподобный, что, казалось, вот-вот кто-то из них рассмеется и скажет: «Ну будет, мы вас разыграли!»

Но это был не розыгрыш и не шутка. Если это и был спектакль, то Вере была в нем отведена роль жертвы изнасилования, и роль свою, похоже, ей предстояло исполнить по-настоящему...

И нешуточная реальность этого кошмара не замедлила подтвердиться.

– Смотри, смотри, глазенки-то не закрывай! – комментировал все тот же голос. – Хороша твоя женушка, а? Нам тоже нравится!

Вера на мгновение представила, на что именно сейчас должен смотреть Анатолий, и с трудом сдержала стон – стон стыда, унижения и бессильной ярости.

Она изо всех сил пыталась отключиться от происходящего, отделиться от собственного тела, содрогавшегося от движений мужчины в лыжной шапочке и черном пальто. Она старалась сосредоточиться, найти какой-то выход, что-то предпринять – что-то такое, что способно было бы положить конец этому дикому и бесстыдному спектаклю...

Зачем они сделали Анатолия зрителем? Они ее приняли за жену... Молодую жену, купленную за деньги... «Надо делиться...» Они себя мнят народными мстителями, что ли?!!

Неожиданно ее тело взлетело, оторвавшись от пола. Ее повернули, перевернули, – мелькнуло искаженное мукой Толино лицо, – перебросили с рук на руки, перехватили, и, зависнув в черных перчатках, ее тело стало раскачиваться под сильными и нарочито медленными толчками одного из мужчин, издевательски поглядывавшего на Анатолия.

Черные перчатки жонглировали Верой, как хорошо слаженный ансамбль циркачей. Она потеряла счет, она уже не знала, о какое черное пальто и сколько раз она обтерла нежную кожу бедер. У нее кружилась голова от этого нескончаемого болеро, ее уже начало подташнивать, ей было больно... Мужчины вскрикивали, кончая.

Но Вера, стиснув зубы, молчала, боялась за Анатолия. Она не видела его лица, до нее не доносилось ни звука с его стороны, лишь один раз она услышала, как все тот же голос снова потребовал от него открыть глаза.

– Смотри, смотри, папашка, наслаждайся! Когда еще так повезет! Такого и в порнушке не увидишь! А тут прямо с твоей б...ю в главной роли!

Анатолий забился в кресле и застонал.

– Что, старичок, обидно, да? Хочешь тоже поучаствовать? А что, мы не жадные! – проговорил молодой.

Один из мужчин направился к Анатолию и расстегнул ему ширинку.

– Давай, – Веру выпустили из плена тел и подтолкнули к Толе, – побалуй муженька!

Ее заставили наклониться над пахом Анатолия. Пистолет был рядом с ее ртом, понукая приступить к действиям. Сзади кто-то снова пристраивался к ней.

– Давай, давай! – требовал голос.

Вера плакала, и слезы падали на темные волосы.

– Давай, – нетерпеливо повторял молодой, пригибая ее голову. Вера прижалась губами к Толиному паху, мокрому от ее слез. Она боялась поднять глаза, но все же подняла и увидела, что Толино лицо искажено страшной гримасой. Он пытался хватать воздух, но заклеенный рот не позволял ему сделать глубокий вдох.

Сердце! У Толи сердечный приступ! Вера резко рванулась из рук насильников, но ее снова пригнули к Толиному паху.

– Чего растерялась, красавица? Не знаешь, как это делается? Чего ж он на тебе женился-то, богатенький Буратино? Чем же ты его взяла, если дела сделать не умеешь, а? Ну, не волнуйся, мы тебе поможем. Гляди, это делается вот так...

Черная перчатка сжала Толину мошонку.

Рыдания мешали ей говорить, но все же Вера выкрикнула отчаянно:

– Сердце! У него приступ!

– Да это от зависти, – ответили ей. – Что ж ты муженька-то обделяешь? Гляди, помрет без женской ласки! Обслужи уж...

Вера захлебывалась от плача.

– «Скору-ую», – выла она, пока ее отрывали от Анатолия и распластывали снова на полу перед ним. – Умоляю вас, «Скоруую»! Он же умрет, у него сердце большое...

– Зачем нам «Скорая»? Мы и сами управимся! – с издевкой комментировал голос. – Мы и сами скорые ребята... Ну-ка, раздвинь пошире... Пошире, я сказал!

Вера закричала. Она уже не думала ни о жестких ударах, которые должны были посыпаться на нее, ни о том, что их четверо, что у них пистолет – она кричала, но не от боли, не от ужаса, не от унижения – а оттого, что Толя умирал.

Однако, как это ни странно, ударов не последовало. Ей просто накрыли перчаткой рот.

Вера изо всех сил укусила перчатку.

Раздался вопль, и бандит резво отскочил от нее. К ней склонился другой.

– Ты чего? – тихо удивился он. – Больно, что ли?

– Мать твою, – увертываясь от перчатки, снова закричала Вера, – ублюдок несчастный, отморозок паршивый – да какими же словами тебе объяснять, что человек умирает? Его же спасти нужно!!!

Кажется, теперь они удивились все разом. Повернулись и уставились на Толю.

Вера, воспользовавшись моментом, буквально раскидала двоих, державших ее. Они почему-то позволили ей это сделать. Вера потянулась ко рту Анатолия и сорвала пластырь с его губ.

Четверо мужчин в черных пальто и масках не препятствовали ей, молча наблюдая.

– Дыши, дыши, Толечка, сейчас я врачей вызову, дыши потихоньку, я тебя прошу... – горячно шептала она.

Анатолий хрипло и трудно дышал, дыхание причиняло ему боль. Лицо было мертвенно-бледным, с синюшным оттенком, глаза прикрыты. Он почти не реагировал на окружающих, сосредоточившись на неимоверной боли, разрывающей грудную клетку.

– Нужно немедленно позвонить в «Скорую»! У него приступ! – неизвестно зачем кричала она бандитам, торопливо набирая номер.

Никто не помешал ей это сделать. Вера краем сознания удивилась: все четверо застегнулись, запахнулись, словно гости, которые выполнили долг вежливости и готовы отбыть, и если еще не ушли, то только потому, что хотели попрощаться с хозяйкой.

– Все, они выезжают немедленно! – Вера повернулась к неподвижному Толе, игнорируя молчаливых насильников. Ей даже не пришло в голову вызывать милицию: какими бы вдруг покладистыми ни выглядели насильники, они бы этого не потерпели...

Бандиты тихо пошептались между собой.

– Зачем ты так торопишься? – вдруг укоризненно проговорил все тот же голос. – Подождала бы еще минут пятнадцать! И нам совсем времени не остается! Пошли, мужики!

Они вышли из комнаты, не обернувшись на Веру, которая застыла от изумления, сраженная этим наглым текстом. Как будто она их сюда в гости пригласила! Они ей еще выговаривают, вы видели! Но, слава богу, они, кажется, отсюда выметаются...

Она очнулась от столбняка и снова кинулась к Анатолию. Нужно лекарство! Нужен нитроглицерин! Он где-то должен быть у Толи!

– Родной мой, – Вера присела на корточки у его колен, – подскажи мне, где нитроглицерин, – нежно произнесла она, поглаживая Анатолия по приклеенной к подлокотнику руке: нужно будет его освободить и помочь ему лечь, но сначала – лекарство.

Анатолий не ответил. Он сидел, свесив голову на грудь, глаза его были закрыты, лоб покрывал липкий пот, и грудь медленно и болезненно вздымалась. Вера заглянула любимому в лицо и поняла, что он без сознания. Она поднялась, бессмысленно оглядываясь, никак не приходя в себя и не понимая, что нужно предпринять... Легкий шум, донесшийся из гостиной, свидетельствовал о том, что бандиты еще не покинули квартиру.

Ей внезапно сделалось холодно, и она поискала глазами свою одежду. «Скорая» обещала быстро прислать реанимационную машину, негоже, чтобы Веру застали в таком виде... Зябко поведя плечами, она стала одеваться. Застегнула боди, поправила бретельки. Колготки, юбка, кофточка.

На пороге комнаты снова возникли бандиты. В руках у них были неизвестно откуда взявшиеся пластиковые пакеты, чем-то набитые. «Еще и ограбили», – равнодушно подумала Вера. Бандиты оценивающе глянули на Анатолия через узкие щели черных забрал и покивали головами.

– Все, хозяйка, как в сбербанке. Бывай.

Вера оцепенела от подобного хамства. Пиджак, который она в этот момент надевала, так и повис на одном плече.

Один вдруг выступил из группы и направился к ней.

– Ручки!

Он вытащил из кармана веревку и картинно покрутил ею в воздухе в ожидании, пока Вера подставит ему руки.

Что-то подобралось к самому горлу, Веру словно подбросило неведомой волной.

– Убирайся вон! – разъяренно прошипела она и отпихнула бандита. – Пошел, сволочь! Пошел отсюда!

Она чуть не пинками вытолкала его к порогу комнаты, где стояли остальные, в полном изумлении разглядывая Веру. Поймав один из взглядов, она, задыхаясь от ненависти и отчаяния, кинулась к тому, что стоял ближе, и резко стянула лыжную шапочку с его головы. Бандит от неожиданности растерянно уставился на Веру, и, пробормотав: «Ты чего, рехнулась?», выдернул свою шапочку из ее рук и бросился вон.

Остальные вслед за ним быстро покинули квартиру Анатолия.

Вера в полном недоумении застыла на пороге. Если бы она знала, если бы она только могла предположить, что с ними так легко управиться! Она бы сразу вытолкала их из квартиры! Взяла бы швабру – и по задницам! Или сковородку – и по пустым головам! Трусы ничтожные, пришли с пистолетом, а женских кулачков испугались!

Она перевела взгляд на Анатолия. Он сидел по-прежнему, свесив голову на грудь. Надо разыскать нитроглицерин и попробовать запихнуть ему в рот! Толя без сознания, рассосать его не сможет, но ведь таблетка потихоньку и сама растворится?

Нитроглицерин нашелся в прикроватной тумбочке. Вера сумела вложить таблетку в приоткрытый рот Анатолия. Таблетка выпала. Вера снова вложила в рот таблетку, на этот раз поглубже. Затем разрежала витки липкого скотча, которыми Анатолий был привязан к креслу, отнесла их в мусорное ведро.

И села у его ног ждать «Скорую».

## Что почем

Марина была до отвращения богата. Вернее, богат был ее отец, но ей ни в чем отказу не было – у нее всегда были и щедрые «карманные», и безотказная кредитка, соответствовавшая неиссякающему счету в банке. Отдельно оплачивались ее дорогостоящие прихоти, такие, как поездка в Австралию или Калифорнию. Короче, не жизнь, а малина.

Однако малина была с гнильцой. Марине ее богатство казалось таким наркотиком – и кайф, и привыкание, и тяжкое похмелье, и нет сил отказаться... Эйфория бездумных трат и чувство гадливости. Легкость жизни и тяжесть мыслей. Красивые вещи как следствие некрасивых поступков...

Марина не любила деньги. То есть она, разумеется, любила их тратить. Она была девушкой неглупой, отнюдь не ханжой, и превосходно понимала, что деньги дают свободу. Во всяком случае, ей. Папе было хуже: это ему нужно было эти деньги зарабатывать, а следовательно, свободы никакой у него не было, наоборот, сплошная зависимость – от нескончаемых дел, от партнеров, от «наездов» всех желающих поживиться за его счет, от взяток и подмазков нужных людей...

Марина старалась не слишком вникать, как и что именно делает папа, поскольку вся эта его деятельность – как, впрочем, любая другая деятельность, связанная с крупными доходами, – дурно пахла. А когда запах начинал долетать до нее, то ей сразу казалось, что это трупный запах. Конечно, папа никого не убивал, он работал в финансовых сферах и что-то там умело крутил, но... Как говорила мама, когда была жива и когда папа хвастался первыми успехами в бизнесе: «...А совесть не боишься потерять, Володя?» Мама была филфакской, и ее представления о добре и зле были вскормлены великой и совестливой русской литературой – и ограничены ею же.

– А ты в бедности хочешь жить, Ася? – в тон ей отвечал папа. Тогда он был простым банковским служащим на весьма скромной зарплате и только начинал входить в «сферы», оцененный и приближенный к значительным лицам за профессионализм и предприимчивость. – И дочку хочешь растить в нищете? Она тебе, думаешь, спасибо потом скажет? Еще полгода назад мы даже мечтать не смели о том, что сможем ей Барби купить! А теперь посмотри – кукол у нее навалом, самых лучших, и сама одета, как куколка. Ты думаешь, будет справедливо ее всего этого лишить? – припирал папа маму в угол.

Дочка была мощным аргументом, и мама сдавалась.

Со временем папа от финансового специалиста плавно перешел в самостоятельные бизнесмены; мама от статуса преподавателя и кандидата филологических наук перешла в безработные: это были годы, когда вузы опустели и преподаватели гуманитарного профиля оказались никому не нужны.

Чем успешнее шли дела у папы, тем больше замыкалась мама. Дневная пустота квартиры и собственная бездеятельность угнетали ее, а сияющее папино самодовольство вызывало растущее отвращение.

Скоро от тихого несогласия она перешла к депрессии. Папа все еще пытался ее урезонить:

– Я ничего плохого не делаю, Ася, поверь мне! Я просто умею зарабатывать деньги!

– Ничто не берется ниоткуда и не уходит в никуда – так, кажется, гласит закон физики? – усмехалась мама. – Я телевизор смотрю, Володя, и газеты читаю: я знаю, от кого и откуда к тебе притекают деньги и от кого они утекают, чтобы пополнить твои счета... Ты раньше руки не подавал непорядочным людям, а теперь принимаешь от них щедрые подачки и кланяешься...

Но снова папа вынимал из кармана свой джокер – Маринку, перешедшую к тому времени от Барби к

дорогим шмоткам и дискотекам. И снова мама сдавалась, тихо и неотвратно погружаясь в депрессию...

Чем больше замыкалась в отчуждении мама, тем больше чувствовал себя виноватым папа.

Чем больше чувствовал себя виноватым папа, тем больше он баловал Маринку, словно у дочери пытался вымолить поддержку и прощение, выиграть ее как аргумент в споре с мамой.

Чем больше баловал Маринку папа, тем больше она отдалялась от мамы...

Чем больше отдалялась Марина, тем больше замыкалась в отчуждении мама.

У папа была собака. Гонка по бесконечному и бессмысленному кругу.

...Мама сдалась окончательно, она полностью проиграла этот мировоззренческий поединок с мужем, и депрессия уже не покидала ее.

Потом мама начала пить.

Потом папа завел любовницу. Марина с ужасом ждала развода – ей было уже шестнадцать, и она все прекрасно понимала...

...Как же так вышло, что Марина объединилась с отцом против мамы? Она никогда этого не хотела...

Марина с папой не расставалась. Папа брал ее с собой повсюду. Ему Марина несколько не мешала, наоборот: юная дочь его очень украшала и придавала его деловому имиджу трогательный оттенок заботливого отца и безропотно несущего свой крест мужа-страдальца – все знали, что жена Кис-ловского пьет. Марина быстро пристрастилась к этим вечерним выходам, к этим деловым ужинам, к этим шикарным ресторанам и к оценивающим, хоть и прикрытым почтительностью, взглядам взрослых мужчин.

Мама смотрела с неприкрытым презрением на этот союз слабого мужчины, искавшего поддержки у неразумного дитя, и дочери, подкупленной не столько щедрыми подарками, сколько взрослой ролью подруги и доверенного лица, безраздельного владельца отцовских секретов и чувств.

Но что мама могла Марине предложить взамен? Свой полупьяный разговор?

...Как-то отец уехал в Питер по делам, они с мамой остались одни. Обычно Марина после школы готовила что-то поесть, звала мать. Молча ели, и Марина, сославшись на уроки, исчезала в своей комнате. В этот раз мама вдруг перегородила ей дорогу:

– Сядь.

В ее дыхании чувствовался алкоголь. Марина села.

– Скажи, тебе иногда приходит в голову, что ты и моя дочь? Не только папина?

Марина пожала плечами.

– Ты стала чужая... – горько произнесла мать. – За что? Чем я это заслужила?

– Но мама... Ты же сама не хочешь общаться с нами!

– Как это вышло, девочка моя, что ты так прочно объединила себя с папой? Да, у нас проблемы с твоим отцом... Но при чем тут ты?

– Ты так с ним себя ведешь... Мне его жалко! Потому что нормальная жена не должна себя вести так, как ты! Ты папу презираешь! А я его люблю! И мне не нравится, как ты...

– Погоди... А за что я его презираю, ты знаешь?

– Его не за что презирать! Он лучший папа в мире! Ты не имеешь права!

– Марина, ты ведь уже большая... Неужели ты не понимаешь, что он просто купил тебя?

– Не смей! – Марина плакала.

– Купил на грязные, ворованные деньги! Эти деньги делают несчастными всех: тех, у кого они отняты, тебя, меня... Меня он предал, тебя он развратил...

Мама протянула дрожащую руку, чтобы погладить дочь по голове.

– Девочка моя, ты взрослая уже, ты должна понимать такие вещи...

Марина отклонилась от материнской руки.

– Не смей! – повторяла она, губы дрожали, слезы крупными частыми горошинами катились из глаз. – Не смей так о нем говорить! Папа не ворует! Он зарабатывает! Он занимается бизнесом!

– Бизнесом? – с издевкой проговорила ма-ма. – Проснись, дочка! В нашей стране нет бизнеса. В нашей стране есть только один промысел, только один способ разбогатеть: грабеж. Ты газеты читаешь? Или просто прикидываешься наивной дурочкой? Так удобнее, да? Совесть молчит, и ничто не мешает получать подарки?..

Марине захотелось маму ударить. Она вскочила и кинулась прочь из кухни, чтобы этого не сделать; заперлась у себя в комнате и долго рыдала.

Пару недель спустя мама вышла из своей комнаты на кухню, где папа с Мариной ужинали. В руках у нее был стакан, на треть наполненный неразбавленным виски.

Размашисто села на табуретку, чуть не упав. Старый неопрятный халат расползался на груди и на коленях. Марина посмотрела на мать с возмущением: как она может! В таком виде! При папе!

– Ну как, – произнесла с пьяной улыбкой ма-ма, – уже дошел до инцеста?

Марина задохнулась от стыда за мать.

– Тебе нужно прилечь, – холодно ответил па-па. – И не стоит вести такие разговоры при ребенке.

– Ребенок? Ты из этого ребенка давно сделал себе жену!

Папа ударил маму по лицу.

Марина проследила за его жестом с мстительным удовлетворением.

Мама выплеснула ему виски в лицо.

...Назавтра папа пришел с подарком для мамы. С колье из бриллиантов и сапфиров.

Но никто из них не верил в возможность что-то исправить.

На следующий день мама покончила с собой. Отравилась газом.

Марина очень плакала на похоронах. Она знала, что маму убили деньги. И еще она знала, что папа был на их, проклятых денег, стороне, – он был против мамы. И еще она знала, что сама она была – оказалась – на стороне папы. То есть против мамы.

Она не понимала, как это получилось, что они с папой оказались против мамы. Она маму любила. Папа маму тоже любил – когда-то...

Они были жестоки с мамой и потому потеряли ее.

Себя она извиняла недомыслием юности.

Папу она извиняла просто так: она его любила. За долгие, окрашенные в мрачные тона маминой депрессией годы он ей заменил всех – маму, друзей... Как она могла его не любить? Как она могла его осуждать? Он был самый родной, самый близкий, самый щедрый, самый красивый, самый...

Поэтому виноваты во всем были только деньги. Они были отвратительны. Но отказаться от них у нее не было сил. Марине, несмотря ни на что, нравилось быть богатой.

И, несмотря ни на что, ей нравилось быть «папиной дочкой». После маминой смерти, после шока и траура их совместные выходы участились – теперь некому было смотреть на них презрительно-осуждающим взглядом, когда они поздно ночью возвращались домой с делового ужина.

Марина эти выходы обожала. Упивалась атмосферой роскоши и вечного праздника, восхищенными взглядами, сопровождавшими их повсюду: красивый моложавый папа с красивой юной дочкой – какая пара! Марине не нужен был никто другой. Никто не мог оказаться достойным занять место у ее локтя. Никто не способен был вызвать такое завистливое восхищение. Никто не был так изыскан в одежде и манерах, так благороден лицом...

Никакой другой мужчина.

Она бы так, кажется, всю жизнь и прожила: с папой.

...Когда папа впервые привел домой свою любовницу, чтобы представить дочери – и Марина мгновенно поняла, что отец собирается жениться, – ее это потрясло. Молодая женщина была всего на восемь лет старше ее самой. Высокая, стройная – правда, на вкус: узкие плечи и грудная клетка, широкий таз, длинные, полные в ляжках и тонкие в щиколотках ноги, – она напоминала породистую кобылицу. Марине сразу представилось, что у мужчин Наталья должна вызывать подсознательное желание ее оседлать, обхватить ногами этот мощный круп, стиснуть коленями этот умопомрачительный переход от тончайшей талии к крутому разливу бедер.

Ну кобыла так кобыла, дело совсем не в этом... Лицо! Оно было красивым и наглым. Откровенно наглым и блудливым. До сих пор Марина думала, что такие лица бывают только в кино – как раз на ролях молодых хищниц, охотниц за богатыми мужьями, – с печатью продажности на лице, с прозрачными распутными глазами, с большим ярким рыбым ртом, готовым заглотнуть все, что имеет приличный денежный эквивалент.

– Папа, – только и сумела выдохнуть она, оставшись наедине с отцом, – неужто ты не видишь?!

– Не вижу – чего? – Конечно, отец не понял.

– Но ей же нужны только твои деньги! У нее это на лице написано!

– С каких это пор ты стала читать по лицам? – сухо осведомился отец. – Тебе восемнадцать лет, у тебя нет никакого опыта – что ты можешь знать о людях? – неприязненно продолжал он. – Наталья меня любит! Она так настрадалась в первом замужестве, она поняла, что почему в этой жизни! И во мне она ценит...

– Именно, именно: она прекрасно знает, что почему в этой жизни! И в тебе она ценит как раз это «почему»!

– Замолчи сейчас же! – повысил голос отец. – Ты уже взрослая, сама скоро замуж выйдешь, оставь мне устраивать мою личную жизнь так, как я хочу! Если тебе не нравится Наташа, так не ты ведь на ней женишься!

– Я не буду с ней жить! – выкрикивала Марина, глотая слезы. – Она дрянь! На ней печати негде ставить! Продажная девка, вот она кто! Как ты можешь не видеть, она же глазами все тут же оценила, все ощупала, всему стоимость прикинула! У нее вместо зрачков долларовые знаки!

– Та-а-ак, – сказал папа холодно и спокойно. – Довольно! Повторяю: ты уже взрослая, и у тебя своя жизнь, а у меня своя. Тебе не придется жить с Наташей. Я тебе куплю квартиру, и ты будешь жить отдельно. Тема закрыта.

Так Марина и отселась. Своя квартира, свой счет. Своя одинокая ревность, своя неразделенная боль.

Независима.

Самостоятельна.

Отверженна.

Точно так же, как когда-то – мама.

Папа больше не приходил утешить ее во всех печалях, папа больше не спешил развлечь ее и побаловать очередным подарком, папа больше не брал ее с собой на деловые встречи. Папа больше не говорил: «Моя любимая девочка».

Любимой стала другая. Дрянь.

Ну что ж, она научилась жить без папы. С папиными деньгами, да, – но без него.

Она закончила искусствоведческий факультет МГУ, устроилась на работу – хотела без папиных связей, но не вышло: информация о том, чья она дочь, бежала впереди нее, – в одну фирму дизайнером по рекламе. Зарплату ей дали хорошую... Смешно: она ни в чем не нуждается, и всем это известно, а поди ж ты, именно ей платят такие бабки, о каких другие и мечтать не смеют...

Марина давно поняла, что жизнь – нет, не жизнь, а люди, но это ведь они делают «жизнь»! – до изумления несправедлива. Деньги идут к тем, кто их уже имеет, успех к тем, кто уже и так выделен из толпы красотой или талантом. Марина понимала это без возмущения, можно даже сказать – принимала жизнь такой, какой успела ее увидеть и познать, разве что с оттенком брезгливости...

В ней словно жили два человека: ленивая сибаритка, которая любит роскошь и сорит деньгами, и трезвая, с ясным и скептическим умом женщина, прекрасно отдающая себе отчет и в том, что деньги – это свобода и красота жизни, и в том, что они развращают – ее, в частности... Это из-за них перед ней все заискивают, отчего ей тошно и противно, а слетающиеся, как мухи на мед, воздыхатели слетаются вовсе не на нее, а на ее богатство...

Она считала себя достаточно красивой: прямые темные волосы, голубые, небольшие, но очень яркие глаза – сочетание удачное, хотя, по мнению Марины, слегка подпорченное тяжеловатым подбородком. К тому же она умела себя подать. Но Марина была убеждена: будь она дурнушкой, это ровным счетом ничего не изменило бы. ореол ее богатства слепил так, что за ним просто невозможно было рассмотреть, что же такое Марина сама по себе.

Может, она была слишком придирчива, слишком подозрительна, кто его знает... Но Марина никому не верила. И никого не любила.

Когда-то она очень любила папу, но он ее предал. Как маму.

Когда-то она очень любила маму, но предала ее. Как папа.

В конце концов, она твердо знала: в жизни все выигрывают деньги. Все портят. Все сжирают на своем пути. Как они сожрали маму. Но выигрывают.

Марина привыкла к своей обеспеченной жизни в одиночестве, она его любила, как любила свою очаровательную трехкомнатную квартирку, которую постоянно вылизывала и украшала, как любила свою собаку Шаньку, трехлетнюю спаниельку. По крайней мере, в Шанькиной искренности можно было не сомневаться.

Она жила внешне спокойно и благополучно, изредка навещая отца и сухо здороваясь с Натальей Константиновной, стараясь не думать о том, на чем основан этот супружеский союз и к чему он может привести ее отца. В конце концов, он сделал свой выбор, и не было никакого смысла пытаться ему раскрыть глаза на Наталью. Он ее любит, она, должно быть, взяла его постелью – при взгляде на мачехин рот сразу представляется профессионализм в технике орального секса...

Марина не удивилась бы, узнав, что Наталья, будучи помоложе, работала проституткой по вызову (для панельной она была слишком роскошна и претенциозна). Или, например, снималась в порнофильмах. По ее мнению, Наталья должна была, просто обязана по жанру, изменять отцу; но отец, кажется, жил спокойно: не изменяла или не знал.

Марина была убеждена, что рано или поздно этот брак рухнет, так или иначе – но распадется, и Наталья покажет наконец свое истинное лицо отцу (остальным-то это лицо было ясно с первого взгляда!): либо откроются ее шашни на стороне, либо она бросит отца, если найдет себе другого идиота, еще богаче...

## Пить вредно. Курить тоже...

Врач качал головой: «Здоровы, юноша. Клеptomаны, чтоб вы знали, своих краж, как правило, не забывают. Они получают от них острое удовольствие и потом долго смакуют... Просто у вас нервная система не совсем в порядке, переутомление имеется... Впрочем, если будете так продолжать, то и нарушения психики не замедлят появиться. Вот вам рецептик на таблеточки успокоительные, принимать три раза в день... Алкоголь не употреблять в течение всего курса лечения. Да и вообще – не следовало бы злоупотреблять. А то не только память станет пропадать, а кое-что еще, чтоб вы знали. Пока вас девушки интересуют – не советую совмещать их с алкоголем. Так-то, юноша...»

Стасик вышел на улицу огушенный. Разумеется, ему вовсе не хотелось, чтобы психиатр обнаружил у него какие-то расстройства, но... Но это бы все объяснило, вот в чем дело! А теперь – он здоров, и ничего не понятно.

Галка – та вообще не поверила в эту историю с подвалом. Губы поджала, глаза сузила, а потом сказала: «Знаешь, Стас, если ты завел кого-то, то лучше так прямо и скажи. А рассказывать мне сказки для младшего дошкольного возраста не надо».

Потом были Галкины слезы и клятвенные заверения Стасика, что все это чистая правда, что женщину ту он раньше в глаза не видел, и что-то с ним странное приключается в последнее время, и с головой у него явно проблемы...

Он уж почти отважился рассказать о ловле спелых звезд на крыше пятиэтажки, как Галя вставила: «И с алкоголем тоже!»; и история так и заглохла где-то в глубинах его гортани... И снова Стасик клялся, что сходит наконец к психиатру...

Вот, сходил. С чем пришел, с тем и ушел.

Страшно захотелось курить. Он бросил уже три месяца назад, и так трудно, так мучительно бросал, не следовало бы теперь... Но мочи нет, как захотелось! В такой нервной ситуации как не закурить?

И Стасик направился к ближайшему ларьку. Купив «Парламент» и зажигалку – она неприятно напомнила ему тот инцидент в магазине, – он попытался прикурить, но порывы холодного ветра сбивали пламя. Стасик развернулся спиной к ветру, склонился к зажигалке и тут – боковым зрением – увидел что-то странное: какое-то резкое движение. Подняв глаза, он еще успел заметить, как какой-то паренек в синей куртке подпрыгнул, словно наступил на пружину, и та откинула его за крайний киоск.

Стасику было о чем подумать, голова его была прочно занята безответными вопросами, которые только разбередил в нем визит к психиатру, и посему, пожав плечами – мол, всякие странности в жизни бывают, – он с наслаждением затыкнулся и побрел в сторону метро «Новослободская». Он шел не спеша, надеясь, что мысли как-то сами придут в порядок и он вдруг поймет, что с ним на самом деле происходит... Заново перебирал в уме все эти недавние события, пытаясь восстановить самую крайнюю точку воспоминаний, нащупать грань, отделявшую сознание от беспомысленности... Что он делал в тот момент? Почему, например, сел в метро и поехал в центр? Как забрался на крышу? Что произошло после предложения бомжихи отработать десятку? Но память решительно бастовала и отказывалась подсунуть ему хоть что-нибудь вразумительное.

Стасик миновал лотки с выпечкой и сладким, но вдруг притормозил и пошел обратно: нужно было купить хлеб, да и пряники не помешали бы...

Похоже, что парнишка в синей куртке все еще упражнялся в скачках: снова Стасик стал свидетелем его стремительного подпрыгивания с последующим исчезновением за одним из киосков.

«Прячется от кого-то», – подумал Стасик. Мысль показалась ему забавной и, главное, отвлекала от собственных грустных мыслей, и теперь он шел, оглядываясь время от времени, чтобы наткнуться вновь на смешные подскоки и чужую игру в прятки. Но что-то мальчишку было больше не видать, и Стасик вновь погрузился в размышления. Только садясь в поезд метро, он заметил потрепанную синюю куртку, пулей промчавшуюся мимо его вагона и вскочившую в соседний.

Всю дорогу паренек смирно простоял в толпе пассажиров затылком к Стасику и, лишь подъезжая к «Бабушкинской», на которой Стасик выходил, резко развернулся к дверям и даже слегка растолкал соседей, желая оказаться первым у дверей.

Тут-то Стасика внезапно осенило: паренек следит за ним!

Догадку следовало проверить, и Стасик, быстро поднявшись наверх, притаился за одним из ларьков.

Парнишка в синей куртке растерянно крутился в разные стороны, встав посреди площадки перед входом в метро, вытягивал шею, обшаривал глазами прохожих. У Стасика была неплохая возможность его рассмотреть: невысок, молод, лет двадцать максимум; волосы под вязаной шапочкой не видны, но светлая кожа и глаза выдавали русую масть. Морда проказливая, глаза быстрые, смешливые – нахаленок, одним словом. Воришка? Стасик пошарил по карманам: вроде бы все на месте.

Стасик был уверен, что никогда раньше Нахаленка не видел и с ним незнаком. Однако выходило, что раз парнишка за Стасиком следит, то он Стасика знает? Интересная картина получается...

Стасик вышел из укрытия и направился к киоску с дисками, краем глаза не упуская синюю куртку из поля зрения. Куртка враз присмирела, перестала крутиться и выжидательно приткнулась у лотка с книжками. Стасик двинулся, оглянулся: куртка тоже двинулась, но тут же развернулась к очередному лотку. Сомнений не было: парнишка следит за Стасиком.

Рука, не внемля доводам разума, снова нашарила сигареты и зажигалку. И в тот момент, когда Стасик пытался прикурить, он получил довольно чувствительный толчок в спину. Впрочем, его тут же придержали за локоть, чтобы не упал.

Возмущенно обернувшись, Стасик приготовился было обругать неосторожного прохожего, как наткнулся на серые проказливые глазенки и беспечную улыбку Нахаленка.

– Извиняюсь! – вскинул парнишка руки жестом «сдаюсь». – Оступился!

И, помахав ему ручонкой, Нахаленок почесал вперед на всех парах в сторону, совершенно противоположную Стасиковой.

Стасик проводил его взглядом, покачивая осуждающе головой. Шалопай! Небось нарочно! Заметил, что Стасик на него посматривает, и спроказничал... Но зато теперь ясно, что он вовсе Стасиком не интересуется и грабить его не собирается.

Сигарета упала в мокрый снег в момент полученного пинка, и Стасик, направляясь к автобусу, вновь полез в карман за пачкой. Но пачки там не оказалось. Стасик проверил все карманы – пусто. Стасик вернулся на место, где Нахаленок налетел на него, поискал в снегу – нету. Неужто паршивец стырил? Или Стасик пачку обронил, а какой-нибудь шустрый прохожий ее успел подобрать?

Стасик решил, что это знак судьбы и что курить ему не следует.

Дома Стасик вскипятил чай, достал пряники и сел ждать Галю.

Галя влетела десять минут спустя, как всегда румяная и энергичная.

– Был у врача? – с ходу налетела она с расспросами. – Что он сказал?

– Что здоров. А ты, случаем, уж не всерьез ли решила, что у меня сдвиг по фазе?

– Вот еще! Конечно, нет... А что еще врач сказал?

– Чтоб не пил.

– Вот и я говорю: не пей! – горячо поддержала позицию врача Галя. – А то так тебе и черти скоро начнут мерещиться...

# Белый ковер

Врачи засуетились вокруг Анатолия, и Вера отошла в угол и уселась прямо на пол, на белый пушистый ковер, чтобы не мешать, чтобы не быть под ногами, хотя больше всего на свете ей хотелось сейчас сидеть рядом с Толей, держать его леденеющую руку, передавая ему, как при переливании крови, свою энергию. Она сидела в углу, подобрав под себя ноги, ни о чем не думая, ничего не понимая, ничего не слыша... В голове стояла одуряющая пустота, словно ее черепная коробка была комнатой, из которой съехали жильцы, оставив ободранные обои и незакрывающиеся двери; и теперь там, где раньше была жизнь, только гулко прогуливается ветер...

Этот ветер выдул последнее тепло, когда она услышала слова «остановка сердца». Внутри все смерзлось, превратилось в острую льдышку, которая больно колола виски. Так больно, что зрение Веры расфокусировалось и она никак не могла уловить, что происходит в комнате, что делают белые халаты, сгрудившиеся над Толей, что означают слова «кардиограф» и «дефибриллятор», что может означать словосочетание «клиническая смерть»...

Только спустя некоторое, неизвестно какое, время ее сознание зафиксировало движение: белые халаты разогнулись.

А Толя остался лежать.

И не шевелился.

И глаз не открывал.

– Толя, – позвала Вера, – Толенька, ты спишь?

Люди в белом странно посмотрели на нее. Очень странно. Вера медленно выбралась из своего угла, нетвердыми шагами приблизилась к кровати, на которой неподвижно лежал Анатолий, и взяла его холодную руку.

– Ты слышишь меня, Толя? – настаивала Вера, потряхивая эту тяжелую, безответную руку, словно капризный ребенок, старающийся обратить на себя внимание матери, занятой взрослым разговором. – Слушай: у нас будет малыш. Я думаю, девочка... Ты хочешь девочку? А может, и мальчик... Еще рано, чтобы сказать точно...

Она устроилась на кровати рядом с неподвижным Толиным телом и положила его руку к себе на живот, поглаживая.

Один из врачей взял ее за плечо.

– Вы жена?

Вера кивнула. Конечно, жена, кто же еще?

– Дело в том, – начал врач и запнулся, – дело в том, что...

– Тс-с, – приложила Вера палец к губам, – вы его разбудите.

Врач немного растерялся и отступил на шаг, раздумывая.

Вера вдруг поднялась, аккуратно пристроив руку Анатолия на кровати, и, ни на кого не глядя, прошла к окну и распахнула его. В комнату ворвался морозный зимний воздух.

– Свежий воздух... – задумчиво произнесла Вера. – Ему нужен свежий воздух. Нам всем нужен свежий воздух...

С этими словами она забралась на подоконник и, выпрямившись, сделала шаг в морозную тьму, разделяющую окно на седьмом этаже и снег под ним...

Она еще успела подумать: юбка за что-то зацепилась. Порвется, дыра будет, нехорошо с дыркой на юбке...

Тот, который успел ухватить ее за юбку, вряд ли сумел бы удержать Веру за край ненадежной ткани, если бы двое других мгновенно не среагировали и не бросились бы на помощь. В три пары рук они втащили Веру в комнату и уложили на полу. На белом ковре.

– Е-мое, – сказал врач, мужчина лет сорока семи, закрывая дрожащими руками окно, и голос его сорвался.

Он склонился над Верой:

– Обморок.

– Может, нашатырь? – предложил другой.

– Не. Сейчас придет в себя.

Полез за сигаретами, вышел в кухню, открыл форточку, чиркнул спичкой, закурил. Затянулся слишком сильно и закашлялся, выпуская сизый дым.

– Все было, – глухо донеслось с кухни, – с того света сколько раз вытаскивал, а вот из окна еще не доводилось...

– Да, блин, история... – ответил ему другой, молодой, и достал из кармана фляжку со спиртом. – Вовремя ты ее отловил, Вить, а то бы так и сиганула в окно, идиотка... – Он отхлебнул спирта и вытер рот рукавом.

– Знаете что, мужики, – сказал пожилой фельдшер, бессильно опускаясь на подлокотник кресла, – я вот что вам скажу: первый раз вижу, чтобы жена так мужа любила, чтобы из-за его смерти – в окно...

И он покачал головой, то ли уважая, то ли осуждая, то ли завидуя чужой любви...

– Вить, будешь? – протянул молодой флягу со спиртом старшему коллеге, вернувшемуся в комнату.

Виктор молча глотнул и снова склонился над Верой.

– Ну все, очнулась... Сложите пока аппаратуру, – распорядился он.

Вера действительно зашевелилась, глубоко вздохнула, закинула руки за голову, открыла глаза и вдруг резко приподнялась на локте, обводя непонимающим взглядом комнату.

– Я не... Не умерла разве?

– Ты зачем в окно прыгала? – строго спросил ее Виктор, словно нашкодившую девчонку. – Что за дела?

Вера легла обратно на ковер и вытянула руки вдоль тела.

– Я не хочу жить, – сказала она, глядя в потолок. – Мою душу уничтожили. Тело тоже.

– Ты мне это брось! – еще строже произнес Виктор. – Надо же такое придумать! Жить она не хочет! Кто ты такая, чтобы решать? Бог дал – бог взял!

– Вы ведь не верите в бога. Зачем говорить? – слабо произнесла Вера.

– А ты откуда знаешь? – рассердился Виктор. Это он нарочно рассердился – старался втянуть женщину

в разговор, надеясь, что несостоявшийся суицид был вызван шоком, и, придя в себя, она сама испугается своего жеста.

– Знаю, – равнодушно ответила Вера.

– Ну и что, что не верю? – не стал спорить Виктор. – Все равно: это справедливо. Как философия. Никто не имеет права отнимать у человека жизнь. Даже у самого себя. А как ты все же догадалась?

– Я чувствую... – Вера прикрыла глаза. – Толя умер? Его нельзя спасти?

Виктор не ответил.

Вера перевернулась на живот и уткнулась лицом в пол. В белый ковер.

Виктор дотронулся до ее плеча.

Вера не шелохнулась.

– Слушай, – он присел на пол подле нее, – я понимаю, ты мужа, видно, очень любила... Правда?

И, не дождавшись ответа, продолжил:

– Только пойми: горе, даже очень большое, оно все равно не стоит смерти... Это только в первый момент так кажется, что жить больше не хочешь... Поверь мне, я самоубийц повидал... Они все умоляли: «Спасите, доктор!» Все без исключения, понимаешь ты? Думали, что не хотят жить, а оказалось – хотят... Только вот не всех спасти можно было... Это страшно, девушка... Тебя как зовут?

– Вера... – еле слышно проползло сквозь густой ворс ковра.

– Это страшно, Вера... Не делай глупостей, очень тебя прошу! Ты молодая, красивая женщина, ты еще будешь счастлива... Я понимаю, сейчас ты в это не веришь и даже не хочешь быть счастливой без него – без человека, которого ты любила... Но ты должна жить, ты не вправе лишать себя этого дара... А будешь жить – будешь и счастлива... Слышишь, Вера, ты мне пообещай, что больше глупостей не будешь делать, а?

Он погладил ее по плечу. Плечи дрожали.

– Поплачь, поплачь, это самое лучшее в такой ситуации. Худо, когда слез нет...

Вера приподнялась на локте и посмотрела на врача. На ее лице не было никаких следов слез, более того – оно было спокойно и почти безмятежно.

– Обещаю, – внятно произнесла она. – Больше глупостей не буду делать.

Виктор взгляделся в ее лицо, в эту странную и очень подозрительную безмятежность.

– Знаешь что, милая, давай-ка мы тебя в больницу отвезем. Тебе нельзя оставаться одной...

– Я никуда не поеду.

– Полежишь пару дней, отойдешь от шока...

– Нет.

– У тебя шок, понимаешь? Мало ли, вдруг плохо станет...

– Не станет. Я в полном порядке.

Виктор недоверчиво молчал.

– Все в порядке, уверяю вас! Не стоит воспринимать это всерьез... Это так... Нервы. Шок, как вы говорите. Но он уже прошел. Больше не буду.

И Вера снова спрятала лицо в ворсе ковра, занавесившись волосами.

Виктор с сомнением покачал головой. Он ей не верил.

– Послушай, денечка два полежишь – и домой пойдешь! За тобой там последят, нервишки в порядок приведут, психологическую поддержку окажут...

– Я сама психолог. В поддержке не нуждаюсь.

Виктор снова пустился в уговоры ехать в больницу, но получил такой же решительный отказ.

– Ладно, я тогда тебе укол успокоительный сделаю... – Виктор надеялся, что под действием укола женщина окажется сговорчивее. – Не спорь!

Вера не спорила. Казалось, она была готова на что угодно, лишь бы ее поскорее оставили одну.

Фельдшер оголил Верину руку, протер кожу спиртом, аккуратно ввел иглу, выдернул и прижал ватку к месту укола.

– Пойдем в другую комнату, а? – предложил Виктор. – Ты там на диване сможешь полежать. Негоже на ковре-то...

– Меня изнасиловали, – вдруг выдохнулось и утонуло в пушистом белом ворсе. – У Толи на глазах...

Виктор еще не успел толком осознать услышанное, как Вера вдруг застонала. Спина ее выгнулась, пальцы вцепились в ворс ковра, колени заерзали.

Врачи захлопотали вокруг нее, не понимая, в чем дело.

– Перенесем ее на диван, – распорядился Виктор, – помогите мне.

Он приподнял Веру, фельдшер подхватил ее ноги, и только тогда они увидели, как на белом ковре, там, где только что находилось ее тело, расцвело алым цветом кровавое пятно.

– Срочно в гинекологию, – произнес Виктор. – Кажется, не будет у нее ни девочки, ни мальчика...

## Гетеро в гостях у гомо

Как это ни странно, но Стасик помнил, как он сюда шел. То есть как пришел – не помнит, зато помнит, как шел: покинув пивнушку, собрался было домой пойти, а тут мужик – закурить попросил. Стасик курить бросил, что мужику и объяснил. Мужик горячо одобрил мужественное решение, принятое Стасиком, и пустился в доверительные и подробные объяснения, как он-де пытался бросить и как-де у него не получилось.

Стасик чувствовал, как выпитое пиво начинает почему-то пениться в крови, и хмель ползет океанским приливом на и без того зыбкую твердь его мозгов. Странно, в этот раз он ни с кем водку не доливал... На какие-то мгновения закружилась голова, появилась слабость, и Стасик уж хотел невежливо перебить разговорчивого мужика и откланяться, как вдруг ощутил неожиданную легкость в членах и веселье – казалось, волна окончательно накрыла и понесла его, лелея, на своем пьяном гребне... Еще через десять минут они уже были друзьями, и мужик уже волок куда-то Стасика со словами: «Вот увидишь, они классные ребята...» Дальше он не помнил ничего.

И теперь, постепенно приходя в себя, Стасик обнаружил, что лежит на продавленном диване, возрастом сравнимом с его прадедушкой; что помещение сурово прокурено; что в дымовой завесе движутся силуэты каких-то странных людей.

Стасик прислушался к своим ощущениям: ему было плохо. Тошнило, мучила жажда. Что он здесь делает, как сюда попал, понять было невозможно. Должно быть, мужик таки затащил его к «классным ребятам».

Стасик взгляделся в сизый туман. Двое «классных ребят» занимались любовью на столе. Две пары спущенных штанов на щиколотках двух пар голых волосатых ног. И белая тощая задница, на которой курчавилась, редея, шерсть, размеренным движением накрывала другую плоскую задницу, уместившуюся на столе.

Стасик ничего не имел против гомосексуалистов. Но он был явно против собственного присутствия при их половом акте. И если учесть, что его и без того тошнило, то сейчас состояние приблизилось к критическому. Лучшее, что он мог сделать сейчас, – это пойти прямо к унитазу. Или хотя бы выпить холодной воды. Но в комнате были еще какие-то люди, и мысли Стасика приняли другое направление. О «голубых» он знал только понаслышке и теперь пытался решить вопрос: опасно ли для него это соседство? Те двое заняты друг другом и не обращают на Стасика ни малейшего внимания... А вот кто это там в углу?

В углу сидел лохматый человек неопределенного возраста, толстый и грязный, и тихо и нестройно брэнчал на гитаре, вслушиваясь в издаваемые инструментом жалобные звуки, как если бы пытался уловить неслышную уху песнь ангелов.

Стасик решил, что этот тоже не опасен, и обратил свой взор в другой угол. В том углу некто закрутил жгут повыше локтя, после чего навострил шприц... Наркоманы! Боже, куда это он попал! И запах в комнате стоит... Не сигаретный запах, какой-то травяной... Они не табак курят! Травяной запах – от «травки»! Ну и ну! Ну и вляпался... А где ж этот подлец, который притащил его сюда?

«Подлеца» не было видно, зато видна была дверь в другую комнату. Возможно, негодяй в ней. И во всех случаях где-то за нею должен быть выход. Только бы попить сначала... Эти геи-наркоманы, кажется, люди мирные, попросить у них, что ли, воды? Или самому найти кухню и напиться? Так будет лучше, пожалуй, – вступать в разговоры с непонятными ему людьми Стасику не хотелось.

Он спустил ноги с дивана и с удивлением обнаружил, что они босы. Стянув с себя истертое до прозрачности одеяло, Стасик констатировал, что на нем вообще не осталось ни нитки.

Стасик не был уверен до конца, что он не спит. Поэтому для верности ущипнул себя. Щипок оказался всамделишным. И небесплодным: у окна в горке какого-то тряпья он, кажется, различил свою одежду.

Стасик встал, решительно шагнул к куче и уже почти наклонился, как его правая ягодица неожиданно тоже ощутила щипок – вполне всамделишный. Поскольку Стасик твердо знал, что с контрольными самощипками он уже покончил, то немедленно и справедливо решил, что щиплет его кто-то другой.

Он обернулся. Позади, радостно ухмыляясь, стоял какой-то маленький бритый человечешка с редкими дурными зубами и с энтузиазмом теребил Стасикову ягодицу.

Не успев даже подумать, правильно ли он делает, Стасик резко ударил мелкотравчатого по руке. Человечешка обиделся. Нахмурясь, он посмотрел на Стасика сурово. Стасику очень хотелось взять свои джинсы из кучи и сбежать отсюда поскорей, но он боялся наклониться – похмуревший жизнерадостный, стоявший у Стасика за спиной, мог неправильно понять его позу.

– Ты с кем здесь? – процедил бритый, картинно сплевывая через плечо. Его плевков попал прямо на одну из двух голых задниц, трудившихся на столе, но был ими полностью проигнорирован.

Стасик лихорадочно заработал мозгами. Если один – значит, ничей. Ничей – значит, свободен. Свободен – значит...

А если не один – то с кем? Как звать того мужика, что завел его в этот притон, Стасик не представлял. Может, тот и сказал, а Стасик забыл. Так что же делать?!

– С Лехой, – наобум сказал он, надеясь в глубине души, что какой-нибудь Леха в этих местах водится. И он не ошибся.

– Леха! – не сводя недобрых глаз со Стасика, позвал мелкий-бритый. – Леха, слышь! Поди сюда!

Из соседней комнаты выдвинулся шкаф. Шкаф тоже был брит, могучая шея, не дрогнув изгибом, перетекала в череп, отчего все наплечное сооружение напоминало собой половину ташкентской дыни. Уши, нос, рот и подбородок были для верности отмечены металлическими колечками разных размеров. Огромные предплечья размером с целую ташкентскую дыню были разукрашены татуировкой.

Вся эта комбинация азиатских дынь придвинулась к Стасику, по-прежнему не смевшему наклониться и поднять с пола свои штаны.

– Ты его сюда привел? – спросил мелкий.

– Не, – отозвался Леха утробным ревом, – Колян.

– А Колян где?

– Ушел. Этот недоносок вырубился, и Колян не стал ждать.

– Значит, он свободен?

– Выходит, что так, – согласился Леха.

Звонкий шлепок, от которого загорелась вся ягодица Стасика, припечатал Лехины слова.

– Постойте, – залопотал Стасик, – тут какое-то недоразумение...

– Кто будет первый? – спросил мелкотравчатый.

– Давай ты, Сень, – великодушно уступил Леха. – У меня на него чего-то не стоит. Может, потом, на вас глядя...

– Погодите... – Стасик опасливо ступил назад и прижался спиной к подоконнику. – Погодите же! Тут недоразумение, я вовсе не по этой части, я совершенно случайно...

– Это по какой такой «части» ты не? – прогремел шкаф. – Вот по этой? – Леха протянул правую ташкентскую дыню и ухватил Стасика за мошонку. – Так мы это дело быстро поправим!

И Леха, прихватив в щепоть съездившийся от страха Стасиков пенис, резво задвигал рукой. Мелкий Сеня, оскалив редкие кариесные зубки в радостной улыбке, принялся проделывать синхронные действия со своим пенисом, который оказался отнюдь не мелким.

– Нет! – затравленно закричал Стасик. – Нет, я не хочу! Не трогайте меня!

– А чего ж ты сюда пришел? – уставился на него Леха, и на лице Сени тоже нарисовался недружелюбный вопрос.

– Я по ошибке, – торопливо принялся объяснять Стасик. – Мы разговорились на улице с одним человеком, он предложил пойти к хорошим ребятам, а потом...

– Ну, так ты же пошел? Чего ж теперь вые...ся? Или мы не «хорошие ребята»?

Стасик, учуяв опасность вопроса, снова зачистил:

– Мне нехорошо стало, я потерял сознание на какое-то время, а очнулся уже здесь, не знаю, как он меня сюда доставил, но я не хотел... Я не гомосекс...

Мелкий уже начал пристраиваться сзади. Надавав Стасику шлепков, он распорядился: «Пригни его, Леха!» И Стасик уже почувствовал прикосновение его немелкого, кривого, как ятаган, пениса...

– А-а-а! – заголосил Стасик и, вырвавшись из рук, ухватил из кучи несколько вещей без разбору и дал деру.

Леха догнал его – даже не в два скачка, а просто в два своих великанских шага.

– Ку-у-да? – рыкнул он, приобняв Стасика за талию, как девушку. – И куда ж это ты собрался, голуба?

И, отведя Стасика, словно в танце, от себя на расстояние вытянутой руки, заехал ему свободным кулаком в челюсть.

Свет померк в глазах Стасика, и он еще успел подумать, погружаясь в нокаут: «Хоть ничего чувствовать не буду...»

Очнулся Стасик в метро. За плечо трясла старушка.

– Милок, тебе где выходить-то? А то ты спишь-спишь, чай уже не первый круг едешь! Тебе на какой станции-то сходить, а?

Стасик схватился обеими руками за ширинку. Одет! Одет!!! Вот счастье-то!

– Ты чего это, мил-человек, – обиделась старушка, – я ж только спросила, где тебе выходить....

Стасик вылетел вон на первой же станции Кольцевой линии. Добравшись до дому, он резво кинулся в ванную и, бросив всю одежду в бак для грязного белья, встал под душ. Отмывая изо всех сил промежность душистым гелем, он отметил, что больно не было. Но Стасик не знал, бывает ли после «этого» больно...

## Спи спокойно, дорогой товарищ...

Совершив свой ритуальный прямой беспосадочный рейс от порога в постель (все радости цивилизованной жизни, как то: душ, еда, чай – он был способен воспринимать только после крепкого сна), Виктор сомкнул глаза, ожидая, что сейчас, как обычно, тихо закружатся и провалятся в теплую тьму обрывки образов и звуков.

Но сна не было, хотя за окном уже заколыхался оттепельный рассвет, сырой и серый. Сквозь короткие обморочные падения в дрему выныривало снова и снова: студеное окошко и край светло-серой юбки, затрепавшей под руками; белый ковер и русые пряди на нем; и выдох: «Меня изнасиловали»; и кровавый цветок на белом ковре, и милиция, и тихие, безжизненные ответы Веры на вопросы, пока за ней не приехала «неотложка»; и осмотр квартиры, и липкие витки скотча, извлеченные из мусорного ведра...

И теперь он не знал, но очень хотел узнать: как она там?

И закрыто ли окошко...

Он мужественно сопротивлялся бессоннице два дня, на третье утро не выдержал и поехал по знакомому адресу прямо со смены. Подходя к дому, невольно глянул на окна: слава богу, закрыты.

На его звонок из дверей квартиры вывалилась полная пожилая женщина в шелковом халате с видом сонным и крайне недовольным, что ее потревожили. И то: времени девять утра, и с чего это Виктор счел столь ранний час приличным для визитов, он и сам не понял.

– Могу ли я поговорить с Верой? – Виктор страшно оробел в присутствии дамы, которую обозначил для себя как Верину мать.

– С какой это стати вы ее тут ищите?! – несолидно взвизгнула дама, и из-за ее плеча возник молодой мужчина, тоже в халате, – его Виктор определил недовольной даме в сыновья.

– А где мне ее искать? Она еще в больнице? – растерялся Виктор: он был уверен, что Веру должны были уже из больницы отпустить. Разве что осложнения... – Простите, вы ее мать?

Женщина сначала покраснела. Потом позеленела. Потом посерела. Она задохнулась от возмущения, ища слова, но, так и не найдя их, попросту отправила дверь в такой полет, что стены содрогнулись.

Виктор растерянно стоял на лестничной площадке, а до его слуха из-за захлопнувшейся двери доносились истерические вопли женщины и успокаивающий голос молодого человека: «Да будет тебе, Ирина, что ты так разволновалась! Подумаешь, какой-то лох обознался! Да ты выглядишь моложе Веры, клянусь!» И, в подтверждение слов «сына», который оказался вовсе не сыном, раздалось несколько поспешных чмоканий.

Через службу «Скорой» Виктору удалось выяснить настоящий адрес несостоявшейся ночной самоубийцы: она проживала где-то на Соколе, в районе Песчаных улиц.

Подумав, он все же рискнул и поехал на Сокол: знал, что покоя ему не будет, пока не удостоверится, что женщина жива и здорова.

Она открыла дверь, не спрашивая «кто?», и молча встала, привалившись плечом к дверному косяку.

– Ты меня помнишь? – начал было Виктор и вдруг исправился: – Вы... Вы меня помните? Я врач, который...

– Вам больше идет «ты».

– Я... То есть? Извините, я...

– Вам больше идет, когда вы обращаетесь к пациентам на «ты», – пояснила Вера без тени улыбки.

– Да? А тогда ты тоже...

– Нет, – отрезала Вера. – Я пациент. И мне больше идет, когда я обращаюсь к доктору на «вы».

– Ну ладно, как хочешь, – поспешно согласился Виктор. – А я могу войти?

– Входите.

Она пропустила его в квартиру, указала на кресло, сама села на диван, не произнеся при этом ни звука.

Виктор тоже молчал, пытаясь сообразить, как объяснить цель своего визита. Он сам толком не знал этой цели.

Наверное, у Веры много вопросов: как он ее нашел, зачем пришел?.. Но Вера совершенно спокойно сидела, словно была одна в комнате, и он решил тоже не торопиться.

Виктор огляделся. Эта квартира не имела ничего общего с той, где он вылавливал Веру из окошка: та была дорогая, роскошная, претенциозная; эта куда проще, но милая и уютная.

– Как ты себя чувствуешь? – наконец приступил он.

– Хорошо.

– Что милиция?

Вера пожала плечами:

– Тоже хорошо себя чувствует.

– Я имею в виду...

– Взяли показания, направили на обследования.

– Ага. Ну, правильно... А ты как?

– Хорошо.

– А кровотечение...

– Выкидыш. Ни мальчика не будет, ни девочки, как вы тактично заметили.

Виктор покраснел. Ему тогда показалось, что Вера не слышит... А вот надо же, услышала... Тьфу, черт, как неловко вышло!

– Извини. Я... я думал, что ты...

– Теперь это не имеет значения.

– Если я могу быть чем-нибудь полезен...

– Ничем.

Вообще-то надо было считать разговор оконченным. Но Виктор никак не хотел считать его таковым. И потому, несколько вымученно, спросил:

– Ты глупости...

– Выкинула. Из головы.

– Ага... хорошо... А я там был, в той квартире. А там женщина...

– Жена. Вдова, то есть...

– Вот-вот! Я сначала подумал – твоя мама. А она как закричит! Там еще был мужчина молодой...

– Ее любовник.

– Вот оно что... А ты, значит...

– Толя начал с ней разводиться.

– Ага...

Он все ждал, что Вера спросит: «Зачем ты приперся? Чего тебе от меня надо?» И что ответить? «Заснуть две ночи не мог – все мерещилось, как ты из окошка прыгаешь»? А ему, собственно, какое дело? Кто он такой, чтобы за нее бояться?

То-то. Никто.

Но Вера почему-то ничего не спрашивала. Отвечала на его вопросы ровным голосом, без улыбки, словно он имел право спрашивать, а она должна была отвечать... Может, ей все еще кажется, что допрос в милиции не закончился?

– Ну ладно... Я просто хотел удостовериться, что с тобой...

– Все в порядке.

Виктор замолчал. Больше ему сказать было решительно нечего.

Наконец он неуверенно проговорил:

– Я тогда пойду, да?

Неуверенно, конечно, а как же еще? Он вовсе не был уверен, что можно было считать Веру «в порядке»!

Вера не ответила. Она сидела на диване, отвернув голову к окну, и Виктор видел ее легкий профиль, мягко подсвеченный неярким зимним светом. До сих пор он все больше избегал смотреть на Веру, пряча глаза по углам комнаты, цепляясь за книжные шкафы и вазочки, а вот теперь засмотрелся. Он думал о том, что этот прохладный и чарующий свет ей идет, каким-то странным образом с ней сочетается, будто исходит не от окна, а от нее самой...

Вера все не отвечала, и Виктор не знал, означает ли ее молчание, чтобы он уходил, или она просто не услышала его вопроса...

– Вера... – позвал он, – я пойду, наверное...

Она обернулась к нему с таким выражением, словно напрочь забыла, что он находится в комнате. Должно быть, и вправду забыла, потому что не успела защитить лицо маской спокойствия: в глазах ее было столько боли, что у Виктора все сжалось внутри. На этот раз он, забыв смутиться, откровенно и тревожно вглядывался в ее тонкие исстрадавшиеся черты, в горькие складки у нежного рта, думая, что этой женщине будет побольше лет, чем ему показалось сначала, – под сорок, пожалуй, будет; вспоминая слова фельдшера: «Первый раз вижу, чтобы жена так мужа любила...»

Он не мог встать и уйти. Он чувствовал, что его присутствие мешает Вере, заставляя ее возвращаться с планеты безнадежной и неизлечимой боли на землю.

Он не мог ее оставить – и не знал, как остаться.

Он медлил. Искал и не находил ни предлога, ни темы для разговора... Вера молчала, снова отвернувшись к окну.

– А можно мне... Стакан воды можно?

Вера вновь повернулась к нему, но уже с тем безмятежным выражением, которое напрягало его еще больше, чем обжигающая боль, плеснувшаяся из ее глаз несколько минут назад. Вера даже легонько улыбнулась:

– Минеральной?

Не верил он этой улыбке, ох как не верил! Лучше бы плакала, в истерике билась, чем так улыбаться!

Она пошла на кухню и, огибая угол, задела за него плечом и пошатнулась.

Виктор подлетел, подхватил.

– Что ты, что ты, миленькая? Тебе плохо?

– Слабость просто... Ночь не спала...

Ну да. Он тоже не спал, однако к стенкам не припадает!

– Пойдем, пойдем, миленькая, тебе надо в постельку лечь...

Вера послушно дала привести себя в спальню, где Виктор осторожно опустил ее на кровать и прикрыл одеялом, подумав мимоходом, что неплохо было бы ее переодеть в ночную рубашку – вон ту, из синего шелка, висевшую на спинке стула возле кровати... Но такой фамильярности он себе позволить не мог. Хоть он и врач, но кто его сюда звал в этом качестве? Пришел как неизвестно кто. И неизвестно зачем.

Впрочем, в конечном итоге произошло именно то, чего он подсознательно и желал: увидеть Веру в постели, спящую, пусть даже не совсем здоровую, но в постели! Это куда лучше, чем взгляд в окно: как бы сама за взглядом не проследовала в том же направлении...

Виктор пощупал ее пульс, послушал сердце, подумал, достал из своего кейса упаковку со шприцем, сломал ампулу и вкатил в тонкую безжизненную руку укол: пусть спит человек, пусть отдыхает. Проснется поздно, вялая, слабая, но не беда; может, голова будет болеть – тоже не беда; главное – чтобы расхотелось руки на себя накладывать. Для самоубийства нужна какая-никакая, но энергия: будь то энергия отчаяния или истерики, будь то энергия мужества... Так вот, у Веры этой энергии не будет – никакой. Будет головная боль, и вся ее забота будет – аналгин выпить... И лечь обратно в койку.

Вот и хорошо: «Спи спокойно, дорогой товарищ, сон твой бережет...» – почему-то вспомнился школьный Маяковский. «Народный комиссар», конечно, Виктор добавлять не стал, оставил многоточие.

А в многоточии угадывалось «Виктор».

## В вояж!

Но любить, однако ж, Марине хотелось. И то: в ее возрасте как не любить? Как не ходить парочкой, не класть нежно голову на плечо, не искать жадные губы беглым поцелуем в самых неподходящих, в самых что ни на есть общественных местах?

Марина жгуче завидовала всем этим парочкам. И чувствовала себя несправедливо обделенной, обойденной судьбой. Да, она никого не любила; да, боль от папиной женитьбы (предательства!), утихнув, оставила после себя выжженную пустошь; да, она привыкла к своему одиночеству, но все это как бы временно, не навсегда. Просто в ожидании счастья, в ожидании любви, которая придет однажды... Должна же прийти?

Но почему-то никак не приходила. Марина рассуждала вслух, забравшись вечером в свою одинокую кровать с яблоком в одной руке и детективом в другой, глядя поверх того и другого в пространство перед собой, в мягко клубившийся сумрак спальни, освещенный чуть розоватым ночником. Пространство внимало ей почтительно, впитывало ее слова внимательно и молчаливо одобряло ход ее рассуждений. Шанька свернулась аккуратным серым калачиком у ее колен и мирно сопела, лишь иногда недовольно приоткрывая один глаз, когда Марина меняла положение ног.

«А все дело в том, что мужчины, с которыми я знакома, знают, что я богата. И я не могу отделаться от мысли, что их ухаживания вызваны интересом к моему состоянию. И даже если я не права, все равно не сумею через это переступить, я все равно не смогу отделаться от этой паршивой задней мысли... Следовательно, мне нужно найти мужчину, который ничего обо мне не знает».

В этом месте ее рассуждений пространство ответило ей одобрительным хрустом надкушенного крепкими зубами яблока.

«Правильно, – кивнула Марина, соглашаясь с веселым звуком, – именно так. А поскольку мои коллеги и мои сокурсники все обо мне знают, то мне нужно найти мужчину где-то в другом месте – там, где меня не знают. Из чего следует, что я должна проявлять инициативу. Иначе я рискую остаться старой девой».

Список мест, где можно встретить новое ли-цо, оказался очень ограниченным: улица, ресторан, дискотека, гости. Подумав, Марина добавила: «Клиенты». Но тут же вычеркнула: клиенту ничего не стоит навести о ней справки на работе, где каждый охотно расскажет, чья она дочь и в каких примерных цифрах измеряется состояние ее отца, – провокационная статейка в одной бульварной газетке оповестила (хоть и наврала) всех любопытствующих о размерах состояния владельцев ведущих московских фирм.

Улица, разумеется, тоже была вычеркнута: это, извините, пошло – знакомиться на улице. Ресторан? Тоже как-то сомнительно: придешь одна – кинутся «снимать», не одна – никто и не подойдет... Вот разве что дискотека или гости? Или путешествия! Вот что Марина забыла: путешествия! Путешествовать можно инкогнито; можно сочинить любую биографию и назваться любым именем; можно соврать про возраст и про работу, можно... Да все, что угодно!

Решено: немедленно в круиз!

Правда, отпуска пока не намечалось... Но надо же иметь хоть какие-то дивиденды от своего привилегированного положения: шеф не посмеет ей отказать!

И Марина на следующий же день обзавелась проспектами турфирм, расписывающими красоты экзотических островов и комфорт роскошных кораблей...

Да, это будет очень кстати – круиз! Заодно отдохнуть от дивной супружеской пары: отец и путана

Наташка! Марина, как примерная дочь, исправно навещала родительский дом и неизменно уходила в расстроенных чувствах, вызванных одним только видом профессионального рта мачехи.

В круиз!

«Вояж, воя-аж!» – напевала Марина французскую песенку, разглядывая красочные рекламные буклеты, взятые ею в нескольких турагентствах. Она придирчиво сравнивала и выбирала, вглядываясь в фотографии, запечатлевшие убранство кают, салонов, баров, бассейнов и прочих славеньких мест, существовавших на бортах современных круизных лайнеров. А что, если из Марселя до Нью-Йорка, к примеру? До Марселя самолетом, а там на корабль... Дорого безумно; но папочка деньги даст, в этом Марина практически уверена: с той самой поры, когда папа в одностороннем порядке выселил Марину из квартиры, он чувствовал себя виноватым и всячески пытался вину загладить. Чем Марина и пользовалась, и даже не без злорадства, будто мстила отцу за нелепый, постыдный брак с Натальей. Так что хоть из Марселя в Нью-Йорк, хоть из Сиднея на Северный полюс – папа не откажет!

Марина уже видела себя на палубе, в купальнике, в шезлонге на бортике бассейна... И какой-то неопределенной национальности красивый мужчина с бронзовым загаром на упругой коже, облегающей лепнину мышц, подсаживается к ней и заводит разговор... «Ах, вы русская! – скажет мужчина по-английски (не потому, что он англичанин, а потому, что в распоряжении Марины было только это средство международного общения). – Как это романтично! Русские девушки – красивые девушки, – скажет он, плотоядно разглядывая Марину. – А как вас зовут?» А она ему ответит: «Людмила».

Хотя, почему Людмила? Можно Светлана. Или Татьяна. Все равно! Лишь бы не Марина. Лишь бы создать образ, который абсолютно не соответствует тому, что есть... Потому что ей просто хочется стать, хоть ненадолго, другой. Девушкой, лишенной биографии.

Той биографии, в которой мама заканчивает жизнь самоубийством, и Марина, придя из школы, находит ее на полу заполненной газом кухни; в которой папа, предавая память о маме, погубленной его собственным неудержимым честолюбием, женится на мерзкой блуднице Наташке; в которой сама Марина катастрофически одинока, потому что папины деньги, папино честолюбие, папина женитьба и папино предательство создали у нее род комплекса, страха и недоверия ко всем особям мужского пола, претендующим на отношения с ней...

## За маму и за папу

Прошли похороны Анатолия, на которых Вера бледной тенью мелькнула за спинами собравшихся, и Ирина Львовна подпихивала в бок Романа, с самодовольной усмешкой указывая ему на бесповоротно поверженную соперницу; прошли поминки, девять дней; формальности были наконец улажены. Толя не додумался оставить завещание – предполагал, дурачина, жить да жить, и теперь вдова торжественно вступала в свои права. Все, или почти все, как и предсказывал Роман, принадлежало теперь ей.

Роман был назначен визирем при троне султанши, и под его чутким к колебаниям имущественного барометра руководством резвые адвокаты уже затевали суд из-за квартиры с родителями Анатолия, которые были едва не при смерти от потери единственного сына. «Тем лучше, – сказал Роман. – Покладистей будут...»

«Надо бы и у его любовницы забрать все, что твой покойный супруг из квартиры по легкомыслию вынес, вне всякого сомнения, под давлением этой хищницы, этой потребительницы, этой охотницы за чужими мужьями. – Роман уже репетировал речь для адвокатов, которым она будет брошена как лозунг, как руководство к действию. – Книжки, говоришь? Антикварные издания? Очень хорошо. Названия не помнишь? Ну, не страшно... Вазы? Чудненько! Близняшки? Ага, понял, две идентичные вазы, севрский фарфор, так и запишем...»

Ирина Львовна таяла. Так о ней еще никто не заботился. Дождалась наконец своих солнечных дней! Какая хватка, какой темперамент! Вот он, настоящий мужчина! Что в делах, что в постели!

И сладко ежилась при мысли о последней...

Виктор за последние недели несколько раз наведывался к Вере – она не возражала, молча открывая ему дверь и пропуская в большую комнату, в которой он, неизменно располагаясь в кресле, неизменно начинал с фразы: «Я надеюсь, ты выбросила дурь из головы?»

Вера выбросила. Виктор в своих расчетах оказался прав: у нее действительно больше не было ни энергии, ни мужества для самоубийства. Она жила, словно под анестезией, она равнодушно просыпалась, безразлично засыпала, дни ее были абсолютно пусты – из фирмы, которой заправляла теперь Ирина Львовна, ее, разумеется, уволили немедленно, на телефонные звонки Вера не отвечала, телевизор не смотрела и никуда не выходила. Вот только изредка появлялся Виктор, и тогда она молча открывала ему дверь и садилась рядом, слушая его дурацкие вопросы.

Она ни разу не предложила ему чаю, не говоря о еде; и однажды Виктор, приехав голодный, как бездомный пес, осмелился попросить у нее чашку чаю или кофе.

Заварка у Веры оказалась, но сахара не было, и к чаю ничего не было, и не к чаю ничего не было – ничего съестного вообще тотально не водилось в ее холодильнике и кухонных шкафчиках. Даже завалящего печенья.

Вот тут-то он и отдал себе отчет, что Вера совершенно перестала есть. Только сейчас он понял, откуда эта бледная прозрачность, эти голубые тени под глазами, которые он списывал на эмоциональный шок. Но это было другое: это была анорексия.

Виктор психиатром не был, но знал, что в подоплеке любой анорексии – нелюбовь к своему телу, попытка наказать его за что-то... Он понимал, за что: реакция женщины на групповое изнасилование. Он, конечно, всех деталей не знал и, разумеется, никогда Веру не расспрашивал, но, пытаясь представить себе, что должна испытывать женщина, он чувствовал, что самое страшное в изнасиловании – не столько

физическое, сколько душевное унижение.

Как ей помочь, он не знал. Но всполошился не на шутку. Грозил больницей, насильно поволок в продуктовый магазин, где, потрясая перед ее глазами очередной упаковкой съестного, взывал: «Ну а это ты любишь? Будешь кушать?» Вера раза два удостоила его кивком согласия, и Виктор вновь притащил ее домой, где самолично приготовил несколько различных легких блюд на выбор, поставил перед ней: «Ешь», – а сам уселся напротив.

Вера сделала пару вымученных глотков и попыталась встать из-за стола, но Виктор прижал ее плечо рукой: сиди. И ешь.

Взял ложку: «Давай за ма-а-му, за па-а-пу, вот так, хорошая девочка, открывай ротик...»

– Будешь лежать в больнице под капельницей, – страшал он Веру, – и не выйдешь, пока не поправишься! Что за дела – голодом морить себя вздумала!!! Ты обязана есть, поняла? – сердился он.

И покидал ее квартиру, с недоверием слушая заверения Веры в том, что она обязательно закончит и кисель, и бульон, и что-там-он-еще-наготовил, и вообще будет теперь исправно кушать...

Виктор сам не знал, с чего это он пустился в благотворительность. Он в Веру вовсе не влюбился, никакой тут не было заинтересованности, наверное, просто жалел. В том ее жесте отчаяния, в ней самой было что-то безнадежно хрупкое, какой-то надлом... Словно деревце в грозу: вроде уже и надломилось, но вроде еще и живет, где-то между жизнью и смертью застряло, ну и хочется помочь. Поддержать этот пруттик, палочку-опору к нему приставить, потому как само не выживет, при первом же сильном порыве сломается окончательно. Помрет, одним словом...

За долгие годы врачебной деятельности – да не вообще врачебной, а кардиологической, в которой он не раз, глядя в наглые глаза смерти, играл с нею в перетягивание каната, – у Виктора выработалось что-то вроде рефлекса: спасать.

Ну, он и спасал.

А времени ему не жалко было: время у него было – свободное, ничем и никем не занятое время... В его комнате в коммуналке, выменянной после развода, – жене с дочкой досталась двухкомнатная квартира, – никто его не ждал и на его досуг никто не покушался; на его душу и сердце претенденток не было. Хоть Виктор и был мужик видный, да партия незавидная: зарплата врача на муниципальной «Скорой» да комната в коммуналке – кого это в наше время интересует?

Вот так оно и вышло, что Виктор взял шефство над Верой...

## Визит к вампирам

– Все, – сурово произнесла Галя, яростно блестя глазами, – между нами все кончено! А я-то, дура, тебе верила! Во все эти твои рассказы, во весь этот бред сивой кобылы! Какие-то подвалы, какие-то лавочки на Пушкинской, а теперь, нате вам, еще и вампиры! («Знала бы ты еще про крышу! Знала б ты про геев...» – про себя вздохнул Стасик.) Ты всегда был размазней, Стасик, но, ей-богу, я хоть думала, что ты умнее! А ты мало что размазня, так еще и дурак! Ну кого ты собираешься убедить подобными выдумками? Или ты меня за идиотку держишь? Признался бы честно, как мужик, что завел себе другую женщину, – в конце концов, я могла бы понять!»

Галя отчаянно привирала: понять она вовсе не могла бы, она уже задыхалась от ревности; но для обличительного текста подобный демократический демарш был очень кстати. Вот она и кипятилась:

– ...Я могла бы все понять, ты мужчина холостой, рано или поздно это должно было случиться, ты ведь прекрасно знаешь, что я выйти за тебя замуж не могу, я уже замужем, – но рассказывать мне такие бредни! Вампиры на кладбище! Ты бы хоть постеснялся, что ли!..

Стасик удрученно молчал. Он и сам чувствовал полнейшую неубедительность рассказанной истории. В самом деле, ну кто может в это поверить: проснулся на кладбище, а вокруг вампиры? Прямо как в «Бриллиантовой руке»: очнулся – гипс. Даже дети врут более умело...

Да только беда в том, что Стасик не врал. Он действительно очнулся ночью на кладбище, темном и морозном. Мутная луна печально и безнадежно глядела на Стасика, будто сожалея о его судьбе.

Его сознание категорически отказывалось принять очевидное, и Стасик бесполезно жмурил глаза, надеясь прогнать, словно дурное сновидение, кошмарную реальность. Но она не исчезала, она была здесь: снег, кладбище, ночь, луна.

И было еще что-то... Был еще тихий, странный, жуткий пересвист. Кто-то невидимый пересвистывался вокруг Стасика.

Затем скрип снега выдал чьи-то быстрые шаги, и несколько мгновений спустя из-за соседних крестов и надгробий высунулись, скалясь, светящиеся морды с клыками. Мороз продрал Стасикову плоть насквозь.

Вампиры перебегали тусклыми световыми пятнами от надгробия к надгробию, ведя вокруг Стасика фантастический хоровод. И этот тихий свист – от него и впрямь можно было свихнуться.

Стасик в вампиров не верил, но там, на кладбище, готов был уверовать. Спеленутый леденящим ужасом, он смотрел, как мелькают, мелодично посвистывая, страшные фигуры, как приближаются, окружают...

Он зажмурил глаза и начал не на шутку прощаться с жизнью – он был уверен, что сейчас они ему вопьются в артерию и высосут всю его стынущую от страха и мороза кровь...

Вампиры – а если это были не вампиры, то кто же это мог быть? – вплотную окружили Стасика и начали зачем-то забрасывать его мокрым снегом. «Принимать в охлажденном виде», – с черным юмором обреченного мысленно прокомментировал Стасик.

Свист стал похож на отчетливое издевательское «ха-ха-ха», снег облепил лицо, нос, глаза, но Стасик боялся шелохнуться, боялся отереть его, будто попытка защититься могла вызвать дополнительный гнев вампиров. Он смиренно сидел в самой нелепой позе на ледяном камне, осыпаясь снегом, не решаясь разлепить заснеженные глаза...

...Он не сразу понял, что больше в него никто не кидается снегом и больше не слышится этот тихий, до дрожи отвратительный свист. Вокруг стояла тишина, не будет преувеличением сказать: кладбищенская тишина...

Помедлив для верности, Стасик осторожно утер тающий снег со щек и приоткрыл настороженные глаза.

Вокруг никого не было. Ни вампиров, ни вообще никакой живой души.

...Или вампиров надо называть мертвыми душами?..

Он еще подождал – вдруг притаились за соседними могилами и сейчас выскочат? – и осторожно, с трудом шевеля затекшими и замерзшими членами, перевалился на четвереньки и только потом распрямился.

Тишина была всепоглощающей. Повалил снег – мягко и тихо, крупными мокрыми хлопьями, – и трудно стало разглядеть что-либо дальше двух шагов. Стасик двинулся наугад – он не знал, ни где выход, ни что это за кладбище, ни в каком месте Москвы оно расположено...

Он потерял счет времени; он не знал, сколько проплутал среди безмолвных заснеженных могил в поисках выхода; он кружил на одном месте, не понимая, где уже был, а где не был, – ничего нельзя было узнать в этому снегу и в этой ночи, а его следы моментально заваливало тяжелыми, мокрыми хлопьями...

Выбрался он только под утро. Оказалось, что он в ближнем пригороде, где-то за Химками. Стасик простоял на дороге еще около часа, голосуя, – шоферюги боялись подбирать в ранний предрассветный час мужчину столь сомнительного вида...

И вот теперь, чувствуя, что простудился на кладбище, что у него болит горло, щиплет глаза и потек нос, теперь он стоял перед Галей, словно шкодливая врунишка, и лепетал:

– Но это правда, Галь, клянусь тебе... У меня такое ощущение, как будто надо мной кто-то издевается...

Стасик даже не мог себе представить, как близок он был к истине в этот момент...

Но Галя, обычно такая чуткая, на эту фразу не обратила ни малейшего внимания: распоясавшаяся ревность придушила ее интуицию. Галя треснула дверь так, что штукатурка посыпалась. Стасик даже не попытался ее остановить: ему нечего было сказать. Все, что он мог, он уже сказал, но это выглядело так нелепо... Он чувствовал, как жар охватывает его, как слабеют колени, и уже не было сил вести разговор, пытаться убедить Галку...

Он с трудом добрал до кухни, нашел в аптечке аспирин, который предпочитал всем Галкиным мудреным лекарствам, и, заглотив для верности две таблетки сразу, свалился в жарком и потном забытии...

## Оскорбленная невинность

Марина все никак не могла решить, какое из многочисленных «Вместе с нами – к вашей мечте!» предпочесть, и сочла более разумным сначала поговорить с отцом. В конце концов, пусть папа очертит пределы суммы, которую готов выложить на ее прихоть, а от нее можно будет плясать в выборе направления «к мечте».

Марина поехала к отцу без предупреждения, в будний день, вернее, вечер – по телефону не хотелось обсуждать столь щекотливое дело. И еще меньше хотелось попасть на Наталью, слушать ее фальшиво-сладкий голос, которым она сюсюкала с Мариной, исполняя роль «доброй мачехи». Ключ от квартиры у Марины был, и она, в конце концов, имеет право прийти в родительский дом без предупреждения!

Припарковав свой маленький серебристо-голубой «Фольксваген Битл» таким образом, чтобы за ним можно было наблюдать из окон, она поднялась на четвертый этаж.

У дверей отцовской квартиры она все же замялась. Позвонить? Или открыть своим ключом, демонстрируя Наташке, что у нее тоже есть право на этот дом?

Пока она предавалась сомнениям, за дверью послышалось какое-то шевеление, и Марина приблизилась ухом, прислушиваясь.

Неожиданно дверь резко распахнулась, и – Марина непроизвольно сделала шаг назад – из отцовской квартиры выплеснулись на лестничную площадку четверо мужчин в одинаковых черных пальто. Первый грубо оттолкнул Марину, и она плюхнулась на ступеньку верхнего пролета лестницы, изумленно глядя на странную группу. Последний на ходу стягивал с себя черную шапочку-шлем.

Марина на секунду застыла от страха и дурных предчувствий, но тут же ринулась в распахнутую дверь отцовской квартиры.

...От сцены, которую она увидела, у нее подкосились ноги, болезненно прихватило внизу живота: отец сидел неподвижно в кресле, связанный, и Марина не сразу поняла, что скотчем; его рубашка и брюки были растянуты. Мачеха лежала на полу, тоже связанная, и смотрела на Марину со страдальческим выражением. Отчего-то, как и всегда, Марине показалось – наигранным. Наталья Константиновна была совершенно голой. Большие груди развалились по сторонам, лобок был мокрым.

– Меня... меня, – прохрипела она, – меня изнасиловали... Твой отец, кажется, умер...

Марина бросилась к отцу. Она пыталась привести его в чувство, она звала его и хлопала по щекам...

Отец не шелохнулся, веки его открытых глаз не дрогнули. На его сером лице окаменела гримаса страдания.

– У него, кажется, сердечный приступ случился, – хрипела мачеха. – Развяжи меня.

Марина, не слушая, кинулась звонить в «Скорую». Там было занято, и она потратила почти десять минут, чтобы дозвониться. Повесив трубку, она никак не могла заставить себя обернуться и снова увидеть мачеху – большие груди, мокрый лобок...

Но сзади раздался ее голос:

– Пока ты звонила, мне удалось освободиться от веревок. Скоты, они насиловали меня вчетвером!

Марина молчала. До нее все еще никак не доходило, что папа умер. Умом-то она, конечно, понимала, что умер, но в ней будто все застыло, будто она сейчас – в присутствии этой гадкой голой Натальи – не могла ничего почувствовать, и эмоции сами собой отложились на потом, когда она останется одна...

Насупившись, Марина хмуро разглядывала мачеху, которая растирала ноги. Отец умер, а эта сукина кошка только о себе думает! Насиловали ее – подумаешь! Да ее глаза так и просят, дай ей хоть целый взвод, все мало покажется! Еще и добавки попросит!

Наталья вдруг спохватилась: кинулась к неподвижному телу мужа и запричитала:

– Неужто и вправду умер? Володечка! Вот горе-то, вот горе!.. Сердце его не выдержало, – прокомментировала она Марине, – смотреть, как эти отморозки надо мной издеваются! Знала бы ты, что они со мной делали!

Марина не испытывала ни малейшего желания узнать, что именно, но мачеха продолжала со слезами в голосе:

– И спереди, и сзади, и по-всякому! Твой отец инфаркт получил, глядя, что они со мной вытворяли! Чуть не разорвали на части! Теперь надо к гинекологу идти – там наверняка все перепахали!

Марина брезгливо поморщилась. «Лучше бы уж молчала! Неужто она думает, что возьмет меня на этот дешевый спектакль оскорбленной невинности?» – злилась Марина.

– Судебная экспертиза установит, – мрачно сообщила она мачехе в качестве утешения.

Как же, станет Марина ее утешать! Мачеха вряд ли в убытке, а то, глядишь, и в прибыли! Отец-то вряд ли отличался завидными бойцовскими качествами в постели – стрессы, бессонница, а после маминой смерти и сердце стало не на шутку пошаливать...

Бедный, бедный, глупый папа! Он, видимо, воспринял групповое изнасилование этой путаны как катастрофу... Сердце его не выдержало – чего не скажешь о Наташке, у нее все выдержало, со всех сторон, – и папа умер...

– Счастье, что ты раньше не пришла, а то и тебе бы досталось! – Мачеха уже рыдала вполне натурально: жалела, что пришлось одной отдуваться. А то, что в комнате мертвый папа, этой поганке как-то без разницы...

«Стоп, – одернула себя Марина. – Я стала слишком злой. У Натальи явный шок».

– Оденьтесь, – сказала она с ноткой некоторого сочувствия в голосе. – Сейчас приедет «Скорая».

– А милиция?! Надо милицию вызвать!

И Наталья бросилась к телефону.

Слушая, как она слезливо-истеричным голосом описывает произошедшее, не упуская бесстыдных деталей, Марина вновь скривилась в брезгливой и злой гримасе. Эх, папа!.. Сегодня ты сделал этой дряни свой самый большой подарок: умер. Оставив ее молодой богатой вдовой...

# Наследство

– Галочка, – заискивал Стасик по телефону, – помнишь, я тебе говорил, у меня тетя умерла? Она мне в наследство оставила квартиру! Надо поехать посмотреть, поехали вместе, а?

– Нет, – упрямылась Галя, – ты лгун и изменщик, и я больше тебя знать не знаю!

– Галочка, ну я тебе клянусь: это все чистая правда! Я сам не знаю, как на кладбище оказался...

– Довольно! – пресекла его жалкие оправдания Галя. – И слушать не хочу!

С этими словами суровая Галя бросила трубку. Очень надеясь, что Стасик снова позвонит.

Конечно, позвонит, куда денется! И Галя, конечно, его простит, но со временем. Сначала вдоволь поизмывается, прочит как следует. Чтобы знал, как налево бегать! А то, вишь, вампиры теперь у него! С клыками! Знает она этих вампиров! Если у них что и есть кровавого, так это цвет лака на ногтях да цвет помады на губах!

Ничего-ничего, пусть теперь один покрутится! Галя убеждена: без ее опеки, без ее советов, без ее ласки и ее пирогов Стасик не выживет. Так что нехай для начала один едет квартиру смотреть, сам прибежит потом: что-нибудь да понадобится у Галочки спросить и с ней посоветоваться, куда ему от нее деться...

Квартиру тетя оставила Стасику новехонькую, на какой-то чудовищной окраине, название которой не выговорить. Она в нее едва переехала – их «хрущобу» должны были сносить по плану правительства Москвы и дали жителям старой пятиэтажки квартиры в новом доме. Еще дальше от метро, чем раньше. Но тетя успела квартиру приватизировать. И вот теперь Стасик ее унаследовал.

Дорога вышла Стасику почти в два часа, с учетом поиска примитивной новостройки, приткнувшейся задом к какому-то мусорному пустырю. Сверившись с адресом и убедившись, что именно это чудо современной архитектуры ему нужно, Стасик направился к первому подъезду.

– Федька! – окликнул его какой-то пьянчуга у подъезда. – Ты, что ль?

– Нет, не я, – глупо ответил Стасик и хотел было поправиться: «То есть, я не Федя», но мужичонка не дал ему договорить. Он от души хлопнул Стасика по плечу.

– А я смотрю – ты или не ты? От, мать честная, никогда бы не узнал! Бороду отрастил, да и ваще, вырос... А я тебя сбоку увидел, сбоку и узнал. А попадись бы ты мне лицом вперед – ни за что бы! А ты что ж, меня не признал? Я ж сосед ваш, из четырнадцатой! Дядя Петя! Мамка твоя еще к моей супружнице ходила за солью... А тебя, пацана, я самолетики бумажные учил делать! А? Признаешь? – И мужичок нежно дыхнул Стасику в лицо перегаром.

Стасик поморщился:

– Вы меня с кем-то путаете. Я не Федя. И здесь никогда не жил.

– Прра-ально, мы все здесь не жили. Нас тут всех переселили. А на месте нашего дома знаешь что будут строить? Коттежды. Это такие дома индивидуальные... Да ты бы рассказал, как живешь-то! Как мамка? Ты женился или как? – Мужичок упорно норовил хлопнуть Стасика по плечу.

Тот брезгливо отстранился.

– Я не Федя, – отчеканил он. – Я никогда не жил ни в этом, ни в старом доме и вообще никогда не бывал в этом районе. Вы меня с кем-то путаете.

– Да брось... – недоверчиво протянул мужичок. – Что, старых соседей чураться, да? Пьяненький я, да? Не нравится? А я вот пьяненький, а что тут такого... Моя-то, Рая – помнишь? – умерла...

Мужичок всхлипнул.

– Я вам повторяю: я не знаю вас, не знаю Раю, никогда не жил здесь. Сочувствую по поводу смерти вашей жены... Но... Позвольте пройти.

Он отодвинул мужичонку плечом и шагнул в подъезд.

– Во сука, блин, загордился! – донеслось ему вдогонку.

Осмотрев крошечную квартиру, Стасик предался размышлениям о том, как наилучшим образом распорядиться негаданным, хоть и маленьким, наследством. Как ему сейчас нужна была Галка с ее трезвым, практическим умом, с ее деловой хваткой! Но Галка не желала с ним разговаривать, и Стасик чувствовал, как в нем зреет обида.

Покидая новостройку, он пересек двор с предосторожностями, не желая снова нарваться на поддатого мужичка. Но мужичка уже нигде не было видно, и Стасик благополучно забыл о его существовании.

На следующий день после работы Стасик в хлопотах о своем сайте на Интернетe поехал на Ленинский проспект, к магазину «1000 мелочей», где возле рынка притулился киоск с компьютерными компакт-дисками. Этим пиратированным богатством заведовал всезнающий и любезный парнишка, охотно дающий советы, которые – в этом Стасик убедился на деле – всегда потом оправдывали себя.

Переговорив с парнишкой и заполучив искомую программу в руки, Стасик решил прогуляться по проспекту. Домой, в одинокую квартиру, к своим опостылевшим стенам, не хотелось. Галя, как оказалось, в его жизни занимала куда больше места, чем он представлял... Их ссора больно ранила Стасика. Особенно ее недоверие! Как может Галка, всегда такая чуткая к его проблемам, подозревать Стасика во лжи! Она обиделась, она не хочет с ним разговаривать, и это теперь, когда он так нуждается в ее участии и советах! С ним такое случается в последнее время, что он с ума сходит, – а она просто бросила его! Одного! В беде! Да он до сих пор от ангины не выздоровел! Сидит на антибиотиках! А она даже не спросила, как он себя чувствует!

Стасик брел по улице, лелея свои обиды и робкое негодование, и даже не замечал, как, погруженный в невеселые мысли, горестно качает головой и шумно вздыхает, вызывая любопытство прохожих...

Неожиданно его внимание привлекла нога. Нога была выпущена из дверцы небольшой серебристо-голубой машины – «Фольксвагена», кажется, – да какая нога! В золотистом чулке, обутая в короткий сапожок – или в высокий ботинок? – она имела на редкость совершенную форму. Вторая нога, показавшаяся спустя мгновение, подтвердила правильность первоначального впечатления. Затем подался вперед задик, прикрытый шубкой, – обладательница всего этого добра выбиралась таким образом с пассажирского сиденья, на котором перед тем стояла одной коленкой, что-то ища в «бардачке». Наконец девушка – а кто же это еще мог быть с такими ногами? – выпросталась из дверцы и разогнулась, потрянув темными волосами. Крошечная шапочка держалась на ее макушке в очевидном противоречии с законами физики.

Стасик не без любопытства заглянул девушке в лицо: оно было весьма миловидным, но, что куда более важно, оно было на редкость выразительным. Яркие синие глаза, картинный разлет черных бровей, великолепно очерченный, благородный подбородок – Стасик, как художник, не мог не оценить этой внешности, которая так и просилась на полотно. Будь он портретистом, непременно попросил бы

незнакомку попозировать...

Девушка поймала его любопытный взгляд, и личико ее нахмурилось. Стасик смутился, отвернулся и заторопился дальше.

– Убийца! – вдруг услышал он за своей спиной тихий и гневный выдох.

Он подумал, что ослышался. Но все же обернулся. Девушка стояла посреди тротуара, напротив Стасика, и смотрела на него.

– Убийца! – звонко выкрикнула она. – Остановите его, это убийца!

Стасик даже оглянулся по сторонам, не понимая, к кому обращается девушка. Но рядом никого не было: он стоял один посреди тротуара, и девушка смотрела прямо ему в глаза. Хуже того, она выбросила вперед руку в лайковой перчатке, и ее пальчик указывал на Стасика.

– Вы что, девушка? – растерянно пробормотал он, отступая, будто не пальчик был направлен в его грудь, а дуло пистолета. – В самом деле, с чего вы взяли...

Прохожие начали притормаживать, с любопытством глядя на эту сцену.

Осознав, что он оказался в пяти метрах от троллейбусной остановки, у которой как раз притормозил троллейбус, Стасик припустился рысью и с бьющимся сердцем запрыгнул на подножку. Прошипели, закрываясь, двери, и Стасик, удаляясь, видел в заднее стекло, как девушка что-то возбужденно говорит столпившимся людям, указывая вслед троллейбусу...

До самого дома Стасик не мог успокоить сердцебиения. Он долго и безнадежно перебирал в уме все странности, случившиеся с ним за последние месяцы; припомнил и кочевавшие по его карманам вещи, и хрустящие звезды на крыше, и замерзшую лавочку на Пушкинской, и неведомо кем переставленную мебель в квартире, и румяную девчушку из «Вашего домового», и подвал с «бомжихой», и прокуренный притон геев-наркоманов, и пересвист вампиров на кладбище... И все увенчалось чем? Тем, что сегодня его назвали убийцей!

Стасик метался по квартире и стонал от бессилия что-либо понять. Галке он позвонить не мог: не велено ему было звонить домой по вечерам.

Пожалуй, впервые за все время их знакомства Стасик почувствовал себя ущемленным от незаконности их с Галкой отношений, даже стал прикидывать, выйдет ли она за него замуж, если он ей предложит? Разведется ли со своим усатым опером?..

Не найдя ответа и на этот вопрос, он отправился в полюбившуюся пивную, где и напился до бесчувствия.

Домой он, впрочем, добрался на этот раз без приключений.

## Неплохая компания

Виктор бушевал перед безмолвной дверью Ве-ры. Вот уже третий день она не отвечала на телефонные звонки, и он решил поехать прямо к ней. Но и на его долгий, настойчивый, несколько раз повторенный звонок в дверь никто не откликнулся. Раздосадованный и обеспокоенный, он зло бухнул в дверь кулаком.

К его немалому удивлению, дверь открылась.

Виктор настороженно вошел в прихожую. Вытянув шею, он попытался рассмотреть, есть ли кто в квартире, но ничего не увидел. Не было ни света, ни звука, ни шороха.

– Вера, – позвал он, – Вера!

Ему никто не ответил.

Что-то неладное было в этой открытой двери, в этой темноте и немоте. Желудок его немедленно отреагировал острым спазмом – застарелый гастрит услужливо отозвался на его беспокойство.

– Вера... – еще раз произнес Виктор, не надеясь, впрочем, на ответ, и решительно включил свет в прихожей.

По крайней мере, здесь все было на местах. Виктор прошел в большую комнату, служившую гостиной, – пусто. Но порядок, что уже утешает. Вера ушла, уехала? Забыв запереть дверь?

Виктор, уже поспокойней, направился в спальню, зажигая и там на ходу свет...

Вера лежала на кровати лицом вверх, и ее белый, заострившийся профиль заставил Виктора замереть.

Гастрит не замедлил наподдать еще одним болезненным ударом по желудку.

Спохватившись, Виктор кинулся к кровати и схватил тонкую руку, безвольно свисавшую вдоль края простыни в мелкий голубой цветочек.

Пuls был. Виктор почувствовал, что ноги его не держат, и опустился на пол прямо рядом с тонкой кистью Веры, не выпуская из руки ее запястья.

Посидел, нашарил в кармане тюбик со спазмолитиком, сходил на кухню за водой, проглотил таблетку, чтобы уgomонить свой гастрит; вернулся в спальню, склонился над Верой и со всего размаха залепил ей пощечину.

– А ну просыпайся! – взревел он, глядя, как порозовела, нет, побагровела Верина щека. – А ну быстро, пока я тебе вторую не залепил!

Вряд ли Вера осознала, о чем он. Она, кажется, так и не поняла, что именно выдернуло ее из обморока, но глаза открыла и удивленно уставилась на бушующего Виктора.

– Дура! Идиотка! Кретинка! – негодовал тот. – Довести себя до голодного обморока! Не мытьем, так катаньем, да? Из окошка не сумела, так решила себя голодом уморить, да?! – орал он.

Вера разлепила пересохшие губы в некоем подобии улыбки.

– Я тебе покажу! Я тебя, я тебя... Я тебя в больницу, под зонд, под капельницу уложу! Хочешь, чтобы тебя насильно, через зонд кормили, а? Ну, говори, хочешь?

Глядя, как понемногу оживают Верины черты, он почти плакал от радости. Но голос его оставался по-прежнему громоподобным:

– Выбери! Или прямо сейчас в больницу, или ты будешь во всем меня слушаться, ясно? Я тут буду жить, пока дурью не перестанешь маяться, ясно? Или тогда в больницу, поняла? Одно из двух! Мать твою за ногу, никогда таких дур не видел!

Вера протянула ему слабую руку, и он сжал ее, словно драгоценный подарок.

– Помогите мне сесть, – прошептала она. У нее не было сил говорить.

Виктор подоткнул ей под спину подушки и усадил, как ребенка. Тело ее было почти невесомым.

Он сбегал на кухню, вскипятил чайник, заварил чай. Подождав немного, пока чай настоится, он наполнил чашку и поставил ее в миску с холодной водой: остужаться. Мимоходом проверил холодильник: ну конечно, пусто! К счастью, нашелся сахар, который он сам в прошлый раз и купил, и, подсластив чай, Виктор принес его к постели.

– Пей. – Это было произнесено тоном, не терпящим возражений.

Глядя, как побелели ее пальцы, сомкнувшись на ручке чашки, как задрожал чай в фарфоровых стенках, он решительно забрал чашку из ее рук и приставил к губам:

– Пей.

Виктор заставил Веру выпить чай до дна и, наказав не двигаться, отправился в магазин.

Вернулся он через полчаса и еще минут сорок что-то делал на кухне, изредка заглядывая в спальню на задремавшую от слабости Веру и размышляя. В больницу, которой он Веру страдал, отправлять ее очень не хотелось, да и она бы не согласилась, но оставлять ее одну тоже никак нельзя... Следовательно, следовательно, надо оставаться с ней! – обрадовался Виктор найденному решению.

Приготовленный им куриный бульон он налил также в чашку, так же остудил в миске с холодной водой, дую на него от нетерпения, и, снова разбудив Веру, заставил ее выпить и это.

И только убедившись в том, что щеки ее немного порозовели, глаза приобрели блеск, голос окреп и руки потептели, Виктор уселся в небольшое кресло, стоявшее в комнате, и произнес:

– Буду жить у тебя, анорексичка хренова. Пока не растолстеешь. Так что придется толстеть, иначе от меня не избавиться. Поняла? – добавил он грозно.

И, подумав, решил сразить Веру окончательно:

– Морщины появятся – будешь тогда знать! Себя в зеркале не узнаешь! Как печеное яблоко станешь!

Виктор был убежден, что после такой тирады любая женщина кинется в испуге к зеркалу.

Вера спустила ноги на пол.

– Я вам в гостиной постелю, – ответила она без всякого выражения. Сделала шаг и покачнулась.

Виктор успел подхватить ее.

– Вот дура-то, – проворчал он, – ну ничего не скажешь! Сам постелю, лежи! Где у тебя простыни там всякие, одеяла?

– Небогатый у вас лексикон, – легонько улынулась Вера. – Вот уже третий час, как вы здесь, а я только и слышу «дура».

– Гимназиев не кончали, – буркнул Виктор. – А ты, думаешь, другого слова заслуживаешь? Скажи лучше, почему дверь в квартиру была не заперта?

– Разве? – удивилась Вера. – Забыла, может?

– Ты третий день к телефону не подходишь!

– Да? А вы звонили?

– Нет, не звонил, просто так приехал! – ехидно сообщил Виктор. – Я такой невоспитанный, и лексикон у меня небогатый, и без звонка приезжаю!

– А какой сегодня день?

– Воскресенье.

Вера подумала.

– Я в пятницу за расчетом на работу ездила... Потом... Спала, кажется...

– Спала! Она это называет – «спала»! Ну что ты на это скажешь?! – возмутился Виктор. – Ну что, как не «дура»! У тебя голодный обморок был! Не появись я, ты бы так концы и отдала тут втихаря!

Вера пожала плечами.

– Откройте в стенке левый нижний шкафчик – там постельное белье. А одеяла и подушки в тахте, нужно приподнять ее за край...

Смастерив себе постель, Виктор снова заглянул к Вере. Она не спала – полулежала на подушках, закинув бледные, с заострившимися локтями руки за голову.

– Я пойду на кухню, поем, – сообщил ей Виктор. – Я не то, что некоторые, не могу спать на голодный желудок. Да и гастрит мой не согласен... Если что будет надо – позовешь.

– Зачем вам это? – Вера, не меняя положения, повернула голову в его сторону. Ее волосы разметались по подушке; русые, они казались совершенно темными при неярком свете, а может, потеряли свой блеск от недоедания; темно-серые глаза тоже казались черными и зияли на осунувшемся лице, как омуты. – Наверное, я действительно поглупела... Никогда не могу понять. Так зачем вам все это? – повторила она.

Виктор растерялся от такого вопроса. Он замешкался на пороге, потоптался и, развернувшись в сторону кухни, бросил через плечо:

– Да я вот пытаюсь втереться к тебе в доверие, а потом ограблю и смоюсь.

И ушел есть свой бульон с курицей. Вере курицу пока нельзя было, зато ему можно, еще как можно! Необходимо даже...

– Ладно. Я, допустим, дура. А ты – врун! – донеслось до него из спальни.

У Виктора побежал тревожный и приятный холодок по спине от этого «ты». Он не ответил, отрезая себе толстый кусок хлеба, посыпая его солью и поддевая им сочный кусок белого мяса.

– А что? – произнес он, наконец набив рот. – Неплохая компания подбирается...

# Фоторобот

Галя плакала в трубку. Галя рыдала в голос, и Стасик никак не мог толком разобрать ее слова.

– Как ты мо-о-ог!... Как ты мо-о-ог! – завывала она.

– Галочка, миленькая, клянусь, у меня никого нет, кроме тебя, – уговаривал Стасик, – правда, поверь мне! И ночью тогда я действительно оказался каким-то образом на клад...

Новый взрыв рыданий оглушил Стасика.

Он страшно жалел, что рассказал Гале эту историю про вампиров. Надо было молчать – промолчал же с крышей, не стал трепаться о пристанище геев? А вот дернул его черт живописать кладбищенские ужасы Гале с ее простым материалистическим сознанием...

– Слышь, Галя, не плачь, прошу тебя! Я люблю тебя, тебя одну, ты же знаешь!

– При чем тут... – вдруг зло взорвалась Галя. – При чем тут твоя любовь! Как ты мог обманывать меня столько месяцев подряд! Как же ты мог, подлец, смотреть мне в глаза и при этом...

– Что ты?! О чем ты говоришь, Галочка? – испуганно перебил ее Стасик. – Какие месяцы? Ты что?! Я тебе всегда правду говорил!

– Я одного не понимаю, – прорыдала Галя, – какую же черную душу надо иметь, чтобы делать такое!

– Какое «такое», Галочка, ты о чем? Что я такого сделал?

– Ты еще спрашиваешь! Ты еще смеешь спрашивать! Ты – убийца!

Стасик покрылся мурашками, мерзкими ползучими мурашками страха. Перед глазами возникла вчерашняя девушка с синими глазами, тонкий пальчик в перчатке и гневный выдох: «Убийца!» Ему даже показалось, что он валится со стула на закружившийся вдруг под ним пол...

– Молчишь! – обличительно произнесла Га-ля. – Молчишь, да? Нечего сказать! Думал, что я никогда не узнаю о твоих художествах, художничек! Дрянь ты, вот ты кто! Мразь, понятно?! Скоти...

– Галя! – отчаянно перекрыл ее Стасик. – Галочка, подожди, я тебя умоляю! Только послушай...

– Не желаю! Не желаю слушать и видеть тебя не желаю, подонок...

– Прекрати! – вдруг отважился прикрикнуть Стасик. – Что за истерика? Объясни толком, что случилось?!

– Ах, он еще спрашивает! Ах, он сам не знает! – с ехидной злостью процедила Галя. – Ну подожди, сейчас я приеду!

Она и в самом деле приехала через полчаса. Не раздеваясь, фурией ворвалась в комнату и стала размахивать перед носом у Стасика каким-то листком бумаги:

– Это что? Это что, я тебя спрашиваю?!

Стасик, у которого уже голова шла кругом от этого дурацкого разговора, от всех этих дурацких событий, да еще и от мелькания белого листочка, поморщился:

– Что там у тебя такое? Дай! – Он ухватил листок.

На белой бумаге был напечатан его портрет.

– Что это? – изумился Стасик.

– Фоторобот! – ответила Галя, усаживаясь на диван. – Фо-то-ро-бот, – отчеканила она. – С Петровки.

– Почему с Петровки? – глупо спросил Стасик. – Почему мой фоторобот?..

– Потому что тебя описали свидетели! И по их описаниям составили фоторобот!

– Свидетели? Чего свидетели? – никак не мог врубиться Стасик.

– Твоих преступлений, вот чего!

– Моих чего-о?

– Преступлений!

«Убийца!» И тонкий пальчик, направленный в грудь.

– Моих?! Преступлений?!

– Кончай, Стасик!

– Каких преступлений?

– Стасик, прекрати! Как ты смеешь еще ломаться, когда...

– Нет, подожди, что я такого сделал?!

– Это ты или не ты? – Галя, выбросив руку вперед, потрясла листком перед Стасиком.

– Я...

– «Рост примерно метр восемьдесят три, глаза серые, волосы каштановые, маленькая бородка...» – перевернув листок, зачитала Галя. – И после этого ты еще спрашиваешь? Да как ты смеешь?..

– Но что я сделал?!

– Перестань, – устало произнесла Галя. – Я только одно хочу понять: как ты мог все это время мне врать...

– Не-ет, стой-ка! – Стасик взял листок в руки и стал придирчиво рассматривать его. – Этого не может быть! Где ты его взяла?

– Муж принес... – Галя всхлипнула. – Спрашивал, не помню ли я, где мы могли видеть этого человека... Стасик, он ведь вспомнит где! Он вспомнит, как мы познакомились у Ритки два года назад... Ты знаешь, что тебе могут за это дать? «Пятнашку»! А то и «вышку»!

– Галя-а! – взревел Стасик. – Да о чем ты?! За что мне могут дать? Что я такого сделал?!!!

Стасика затрясло по-настоящему при мысли, что во время очередной потери памяти он мог сделать что-нибудь незаконное... Он побледнел, как-то сразу осунулся, даже, казалось, бородка его заострилась. В глазах Стасика заметался неподдельный ужас.

– Заклинаю тебя, объясни! – почти кричал он.

Галя рассматривала его напряженно и внимательно. Ее карие глаза вчитывались в Стасиковы черты, ища в них ответа на свои вопросы.

– Ты что?.. Ты... Ты разве вправду не понимаешь?

– Не знаю, не понимаю, не догадываюсь даже!

– Ты с друзьями врвался в квартиры, насильничал женщин... – Галя теперь плакала тихо, слезы блестели двумя дорожками на щеках, голос ее дрожал. – Потом вы грабили, выносили ценности из квартир... А мужья умирали... Все – сердечники... Тебе нужно найти хорошего адвоката... Ты ведь

сексуальный маньяк, Стасик...

Стасик никак не мог перевести дух от изумления. Галя всхлипывала, отводя глаза.

– Хоть бы сказал, что у тебя проблемы... – еле слышно проговорила она. – Я бы тебе хорошего специалиста нашла, тебя бы вылечили... А так... Все кончено... Ты меня все это время обманывал... Говорил... Говорил, что у тебя потери памяти... Что не помнишь, где был и как оказался... А сам в это время... Неужели тебе меня было мало? Скажи, ну скажи мне в глаза – я тебя не удовлетворяю, да? – И она снова зарыдала в голос.

Стасик достал из холодильника бутылку водки, налил себе стопку и выпил залпом. Галя зарыдала еще пуще:

– Говорила тебе – не пей! А теперь вот, вот до чего докати-ился!

Стасик хлопнул о стол стопкой.

– Значит, так, – изо всех сил сдерживаясь, произнес он. – Немедленно перестань реветь и причитать! И объясни мне, что это за история!

Галя изумленно уставилась на него.

– Ты еще спрашиваешь?! Ты еще смеешь спрашивать?!

– Повторяю: объясни все по порядку.

– Ах, тебе нужно объяснить! Ты, может, скажешь, что ничего не помнишь? Провалы памяти, да?

– Именно, – отрезал Стасик.

– Что... Правда, что ли? – после некоторой паузы недоверчиво произнесла Галя.

– Галя, – торжественно произнес Стасик и даже встал со стула. – Галя, я клянусь тебе всем святым, клянусь тебе могилой матери: никаких «дружков» у меня нет, и я никого не убивал, не грабил и не насиловал! Или – или я не помню об этом... – менее торжественно закончил он и рухнул на стул.

– Вот это номер... – выдохнула Галя. – Что ж теперь делать?..

# Мистер Зомби

– Ты веришь мне? – надежда, больше похожая на робкую мольбу, светилась в глазах Стасика.

– Кажется, верю... – отозвалась Галя. – Но только какое это имеет значение? Проблема, Стасик, в том, что тебе никто другой не поверит! Знаешь ли, «Доктор Джекил и мистер Хайд» – это всего лишь фантастика!

– А может, у меня и вправду раздвоение личности? На самом деле такое бывает... – повесил голову Стасик. – Я читал: в психиатрии зафиксированы случаи, когда человек вырубался, ему потом казалось, что он просто потерял сознание, а на самом деле его второе «я» начинало в это время действовать...

– Но твой психиатр сказал, что ты здоров!

– Он же не специалист в таких вещах!

– Стасик, Стасик... – Галя покачала головой. – У тебя просто дар какой-то вляпываться в дерьмо.

– Что же делать? Что делать?! Ты сказала – твой муж спрашивал, где вы могли меня видеть? Надеюсь, ты не стала ему подсказывать?

– Бог мой, конечно, нет! Но он ведь может и сам вспомнить!

– Послушай, Галя, – лихорадочно заговорил Стасик, сжимая ее руки. – Галочка, милая, послушай: нужно уговорить Риту, пусть она скажет, что меня не знает!

– И как ты себе это представляешь? Да обратись я к Рите с такой просьбой, так она с ума сойдет от любопытства, и у нее куча подозрений появится!

– Но надо же что-то делать, боже! Меня ведь могут арестовать!

– погоди!

– Если он вспомнит, что видел меня у Риты... Он найдет меня! И тогда – я тогда ничего не смогу доказать! Мне никто не поверит, что я ничего не помню! Слышишь, Галь, я понял! Со мной вот что случилось: меня зомбировали! Я читал: КГБ проводил опыты! Они выбирали случайных людей и ставили на них эксперименты по зомбированию! Точно-точно, именно это и происходило с подопытными: они не помнили, что делали! Ими управляли, как роботами! Понимаешь ты?

– Стасик! Какие зомби, ты в своем уме? И вообще, может, просто случайно получилось, что фоторобот на тебя похож! Все-таки это всего лишь фоторобот, вещь неточная...

Стасик ошарашенно уставился на Галю.

– И правда... Неточная, конечно, неточная вещь! А как же это доказать?

– Когда тебя найдут, у тебя возьмут отпечатки, сделают лабораторные исследования какого-нибудь волоска, который подобрали на месте преступления, и докажут – что это не ты!

– Мне не нравится в твоих рассуждениях вот это место: «Когда тебя найдут»... Что-то мне совсем не хочется быть найденным!

– А что ты предлагаешь?

– Спрятаться!

– Где? Куда? Как? Чего ты боишься? Раз ты не помнишь, что такое делал, то скорее всего ты этого не делал, верно ведь?

– Да... Только я ведь не помню вообще ничего... Если я этого не делал, тогда что я делал? Вот в чем загвоздка: теоретически, во время провалов памяти я мог сделать *все!* Портретик-то мой!.. А если меня и вправду зомбировали? Мне нужно спрятаться, Галка!!!

– Не истери, черт подери! Совсем как баба! Успокойся, сопли вытри!

– Не ори на меня!

– А ты веди себя как мужик!

– Придумала бы лучше что-нибудь, вместо то-го чтобы мораль мне читать!

– Так я и придумала. Только ты мне сказать никак не даешь!

Стасик удивленно затих:

– Придумала? И что же ты придумала?

– Нужно обратиться к частному детективу. Я знаю одного – он с ребятами на Петровке сотрудничает иногда...

– Ты в своем уме? Зачем мне детектив, который сотрудничает с Петровкой!

– Глупый ты, Стас. Он же тайны клиентов не выдает. Это только когда он преступника находит, тогда уже с милицией связывается!

– А зачем мне вообще частный детектив?

– Потому что я не верю в эти твои истории: то вампиры были, теперь зомби!

– Но это правда!!!

– Заткнись, дорогой. У тебя истерика, самая настоящая бабская истерика!

– Посмотрел бы я на тебя...

– На себя лучше посмотри! Возьми себя в руки, Стас! И слушай!

Стасик нервно плюхнулся на диван, закинул ногу на ногу и, покачивая ею, приготовился слушать с самым скептическим выражением, на которое только был способен.

– Итак, у нас два варианта, – деловито начала Галя, игнорируя выражение Стасикова лица. – Первый: ты действительно совершал эти преступления, когда у тебя были провалы в памяти. В таком случае у тебя есть сообщники – ведь насильников было четверо.

– Нет у меня никаких сообщников! – подпрыгнул Стасик.

Галя поморщилась:

– Ты обещал слушать... Если ты ничего не помнишь, так ты и сообщников не помнишь. Как ты сказал? Что действует твое второе «я»? Не очень-то я в это верю, но если такое и впрямь бывает, то с этими сообщниками оно, твое второе «я», и знакомо. И, ежели это так, пусть детектив найдет этих людей. И разберется, это ты был с ними или не ты.

– А вдруг я? Что тогда?!

– Это будем потом решать. А сейчас дай мне мысль закончить. Вот, а второй вариант – что это вовсе не ты. Просто фоторобот неточный и случайно получился похожим на тебя. Тогда пусть детектив настоящего преступника и найдет! И твоя кандидатура на роль маньяка отпадет сама собой!

– А я все это время что делать буду? Он, может, год проищет, может, вообще не найдет, а где я-то буду в это время? В тюрьме?

– Господи, какой ты нервный... У нас на даче отсидишься. Сейчас не сезон, мы туда не ездим, а кому придет в голову искать тебя на даче у сотрудника МУРа? Только, чур, будешь сидеть там тише мыши: я тебе продуктов завезу, и чтоб нос наружу не высовывал! Зимой в поселке мало кто живет, но все же – не дай бог, кто-нибудь из соседей мужу стукнет...

– А на какие шиши я детектива нанимать буду, по-твоему? Это ж уйму денег стоит!

– Из машинных возьмешь.

– Да?! А машина?

– Ну, если ты в тюрьму сядешь да срок за многочисленные изнасилования получишь, то вряд ли тебе машина понадобится... – устало отмахнулась Галя. – Я прямо сейчас ему и позвоню! Где тут у меня записано?

И она принялась листать записную книжку, бормоча:

– Мы с ним на дне рождения у Сереги познакомились, славный мужик, Алексей Кисанов зовут; дал мне свой телефон на случай чего и сказал, что его можно звать просто Кис...

## ЧАСТЬ 2

### «Просто Кис»

Алексей Кисанов, он же «просто Кис», столь усиленно скреб свою густую непослушную шевелюру пятерней, что Ванька, его ассистент и по совместительству нерадивый студент юрфака, уже корчился от смеха, глядя на рожки, вставшие на голове у детектива.

– Цыть! – прикрикнул Кис. – Изыди, чертенок! Извини, Галя, это я не тебе...

– Конечно, чертенок, – хихикал шалопаи Ванька, – кто же еще может состоять на службе у черта?

– Да, Галь, я слушаю... Ты не могла бы повторить?

Галя, обмирая от полнейшей неубедительности рассказанной истории, обреченно повторила.

Да... Сказать, что Кис был не рад звонку, было бы неправдой – очень даже был рад, поскольку в делах и заработках обозначился некоторый простой... Не далее как полчаса назад ему пришлось отказаться от работы: некая дама предложила заняться тем, что, по сути, называется «экономическим шпионажем». Кис потратил немало времени и слов, объясняя, что это совсем не его профиль и не совсем в его принципах. Но красноречие, видать, подвело Алексея, поскольку оскорбленная отказом дама злобно пообещала распространить о детективе Кисанове самую дурную славу по Москве и бросила трубку...

Но то, что он услышал от Галины, повергло его в состояние, близкое к коме.

– Возьмешься?.. – с робкой надеждой спросила она.

– Э-э-э, – мычал Кис, не зная, как вывернуться из безнадежной ситуации.

Обижать отказом знакомую, тем более жену одного из ребят с Петровки, ему не хотелось. Молва бежит быстро, и не хватало только, чтобы о нем и впрямь заговорили, как о детективе, который отказывается от дел... Но братья за *это*?

– Э-э-э, – тянул Кис, пытаясь что-то придумать. – Знаешь... Давай сделаем так: я наведу справки у Петровича, у Сереги то есть...

Серега, давний приятель и бывший коллега Киса, был вовсе не Петрович, но Кис прозвал его так по месту работы на Петровке. Тридцать восемь, разумеется.

– ...И тогда дам тебе окончательный ответ. Сегодня же вечером. Идет?

Галя ждала вечера, как приговора. Она то и дело поглядывала на часы: муж, к счастью, задерживался на работе, и Галя, вопреки своему правилу появляться домой не позднее семи (не считая тех дней, когда супруг уезжал в командировки), сидела у Стасика, измученно глядя на телефон.

Они давно молчали, предаваясь каждый своим мыслям. По комнате клубились страх и тоска. Галю раздирали совершенно противоречивые чувства: с одной стороны, Стасика надо было спасать, о нем надо было позаботиться, как она это делала всегда; с другой стороны, она была законопослушной гражданкой, и если вдруг он действительно... С третьей стороны, если Стасик ничего не помнит, значит, он просто болен, и было бы несправедливо его упекать в тюрьму; с четвертой стороны...

Стасик – тот был просто оглушен. В голове не было никакой мысли, ни одной. И не было никаких желаний, кроме одного: бежать.

Спрятаться!

Исчезнуть!

Ему казалось, что ноги его уже начали бег, а он все еще тупо сидит на стуле и ждет какого-то дурацкого и ненужного звонка от дурацкого и ненужного детектива. И впрямь, ноги уже перебирали воздух под стулом, и он сам напоминал себе спящую собаку, которая, дергая лапами, гоняет кошек во сне...

Они подскочили оба, когда телефон взвился звонком.

– Сейчас приеду, – бросил Кис в трубку, – диктуй адрес...

Галя поспешила на кухню готовить ужин – она не представляла себе, как можно принимать в доме человека, к тому же мужчину (они же вечно голодные!), – и не накормить его.

Она была права. Кис даже не сделал попытки, хотя бы из вежливости, отказаться от предложенного ужина. Напротив, он живо поинтересовался, чем его будут кормить, и, узнав, что котлетами, расплылся в довольной улыбке, рассудив, что хоть в этом ему с клиентами повезло...

Впрочем, улыбка немедленно сползла с его лица, как только с ужином было покончено. Деловая часть беседы была скорее мрачной. Точнее, мрачными были лица троих ее участников.

Кис сверялся по бумажке с датами и вопрошал:

– А двадцать второго января что вы делали? А пятнадцатого февраля? – и слушал с неотвратимо каменеющим лицом рассказы о подвале и бомжихе, о кладбище и вампирах...

Он то и дело посматривал на Галю, словно пытался спросить ее: «Он сумасшедший?»

«Сама не знаю, – печально отвечали Галины глаза, – дело какое-то путаное... Только на тебя вся надежда, Кис...»

– Ладно, допустим, что в те дни, когда произошли два последних изнасилования, вы действительно, за исключением некоторого промежутка времени, которые мы обозначим как провалы в памяти, оказывались в таких... м-м... странных ситуациях... А не могли бы вы вспомнить, чем, к примеру, занимались вечером восьмого ноября между семью и девятью часами вечера?

– Что значит «допустим»? – возмутился Стасик. – Я там действительно был!

– Разумеется, – быстро согласился Кис. – Только проблема в том, что вряд ли вы сможете позвать в свидетели пьяную бомжиху... Равно как и вампиров.

– Но... – Стасик был растерян. – ...Но можно же как-то... А другие изнасилования?

– Вот-вот, я как раз и хочу это уточнить... Другие три были еще осенью: одно четырнадцатого октября, два других в ноябре, восьмого и двадцать третьего. Вечер, те же часы.

Стасик полез в календарь.

– Двадцать третье ноября, двадцать третье ноября... Это же вторник! – Он обрадованно посмотрел на Галю. – У меня как раз есть алиби! Да, Галка?

– Ты спятил, Стас. – Галя даже привстала с дивана. – И думать не могли!

– Но ты же можешь подтвердить, что мы были здесь, дома!

– Очнись, дорогой! Кому я буду подтверждать это? Собственному мужу? Буду ему рассказывать, что весь вечер провела с тобой здесь, пока он в командировку ездил? Может, еще уточнить, что мы с тобой делали? Как и сколько раз? Ты совсем очумел, Стас, – такое мне предлагать!

– Но... Как же... Ведь ты единственная, кто может подтвердить мое алиби!

– Я не могу подтвердить твое алиби, Стас. Исключено. И не обсуждается.

Галя размашисто села, всем своим видом показывая, что тема закрыта.

Кис, который молчаливо следил за разговором любовников, только вздохнул.

– Не сказать, чтобы вы попытались облегчить мою задачу, – произнес он и полез за сигаретами. – Можно?..

Стасик печально кивнул и достал из заветного ящика и свою пачку: ясно, что с его попыткой бросить курить было бесславно покончено.

– Ну что ж, – пыхтя сигаретой, заглянул в бумажку Кис. – Попробуем восьмое ноября.

– Как я могу вспомнить! Это же когда было!

– Это был понедельник, – услужливо подсказала Галя, глядя в календарь.

Она чувствовала себя предательницей, и это, надо признать, было очень мерзкое чувство. Но не могла же она в самом деле признаваться мужу в измене! И с кем! С главным подозреваемым по делу об изнасилованиях!

– По понедельникам у нас с тобой нет свиданий, – заискивающим голосом продолжила она. – Вспомни, ты после работы...

– Захожу в пивную, – сухо ответил Стас, не глядя на предательницу. – И кто меня там вспомнит? Где я свидетелей найду?

– А после?

– Дома был! Один! Без свидетелей! А если даже и не дома, то все равно – где я возьму свидетелей? На крыше их тоже не было!

– На какой, Стасик, крыше? – вкрадчиво поинтересовалась Галя.

Кис заинтересованно уставился на Стасика.

Стасик окончательно смутился.

– Ну... Я тебе не говорил... Так по-дурацки вышло... Я как-то на крышу попал.

– Что же это была за крыша, Стасик?!

– Пятиэтажки какой-то. Здесь, в моем районе.

– И что ты там делал?!

– Спал.

– Вот как?.. – Галя всматривалась в Стасика, словно ища в его лице признаки безумия. И даже ноги непроизвольно подобрала под себя, будто боялась, что он ее укусит.

Кис самым внимательнейшим образом слушал, переводя глаза с одного на другую, не вмешиваясь в разговор.

– Спал, – кивнула Галя. – Ну и как? Хорошо выспался? – Она, несмотря на всю свою настороженность, не могла отказать себе в ехидстве. – И что потом было?

– Проснулся и пошел домой.

– Пошел? И как же ты пошел? С крыши спрыгнул?

– Зачем? – удивился Стасик. – Открыл дверцу на чердак, спустился, затем с чердака спустился, затем с лестницы спустился и вышел на улицу. И домой пошел.

– Врешь? – с надеждой спросила Галя.

– Зачем мне врать! – обиделся Стасик. – Чистая правда!

– И когда же это было? Уж не в один ли из этих дней? – Она кивнула на листочек с датами.

– Весьма возможно.... – задумался Стасик. – Во всяком случае, это как раз во вторник было. А вот в какой – теперь не помню...

Кис уже не знал, что ему и думать. Он все еще не решил, браться ли ему за это весьма странное дело, – хотел сначала составить предварительное мнение о его сложности... Но мнение никак не составлялось. То есть, вне всякого сомнения, дело было сложным, очень сложным – но, может, скорее для психиатра?

– У нас осталось еще четырнадцатое октября, – напомнил детектив.

– Четверг, – снова влезла Галя.

– Не помню. Хоть убейте – не помню! – за-явил Стасик.

– Но, по крайней мере, никаких крыш, чердаков, подвалов, кладбищ, крематориев и прочих симпатичных мест вы не посещали?

Стасик так расстроился, что у него почти слезы выступили на глазах.

– Еще одно место было... – произнес он, покраснев. – Я в какой-то квартире очутился, там наркоманы... Они трахались... И...

– И что? – поторопил Кис замолкнувшего Стасика.

– И все. Я очнулся на диване и ушел домой, – сократил до предела историю посещения злочного места Стасик.

– Когда это произошло?

– Недавно, недели три назад... Кажется, де-вятого февраля...

– Ну, девятого никаких происшествий, к счастью, не случилось, – облегченно вздохнул Кис. – Какими еще историями порадуете?

– Все, кажется... Вот разве что вещи у меня пропадали, а потом находились, да причем иногда чужие... И потом, мне кто-то мебель переставил в квартире... И еще девчушка приходила из «Вашего домового» – делать уборку, которую я никог-да не заказывал... А в довершение всего – несколько дней назад меня какая-то девушка убийцей назвала...

Галя было вновь вскинулась с недоверчивыми вопросами, но Кис остановил ее жестом и принялся подробно расспрашивать Стасика, делая пометки.

Закончив, он задумался. И думал так долго, что Галя не вытерпела и встряла в сложный мыслительный процесс детектива:

– Кис, ну что ж ты молчишь? Что ты об этом думаешь? Берешься за дело?

– Вы мне позволите снять у вас отпечатки пальцев? – встрепенулся Кис.

– У меня? – испугался Стасик. – Зачем?

– Дело в том, что на местах преступлений найдены некоторые предметы с отпечатками, не

принадлежащими хозяевам квартир. А я завтра попробую в деле покопаться...

Стасик так обреченно протянул руки, словно Кис собирался защелкнуть на них наручники.

Кис приложил Стасиковы пальцы к чистому листу бумаги, затем аккуратно настрогал карандашный грифель и припудрил белый лист. Проступили отпечатки, на которые Стасик смотрел почему-то с испугом.

– Знаете что? – произнес Кис. – Собирайтесь-ка. Вам нужно где-то переждать хотя бы несколько дней. Пока я не разберусь что к чему.

– Я его на нашей даче хотела спрятать...

Кис кивнул:

– Хорошая мысль. А эту ночь пускай проведет у меня. А то – кто знает, когда наша доблестная милиция выйдет на след...

## Невероятное везение Киса

– Плохая новость, – сообщил Кис на следующий день, вернувшись с Петровки. Стасик понуро ждал на кухне решения своей участи. – Отпечатки ваши.

– Не беретесь, значит? – убитым голосом спросил Стасик.

– Берусь.

Стасик вскочил с табуретки и так горячо кинулся к детективу, что Кис опасливо уклонился – ему показалось, что этот молодой бородатый мужчина кинется его целовать на радостях.

– Дело в том, – пояснил он, утихомирив жестом Стасика, – что есть один факт, который заставил меня вам поверить...

– Неужели хоть один да есть? – невесело откликнулся Стасик.

– Ваше свидание с Галей. Если вы не принимали участия хоть в одном из преступлений из этой серии – а это, вне всякого сомнения, серия с одним и тем же почерком, – то преступник не вы. Бандитов всегда было четверо.

– Спасибо вам, спасибо! – Стасик снова засиял и, кинувшись к детективу, принялся горячо пожимать его руку.

– Если даже допустить, что был еще пятый. – Кис убрал руки за спину, боясь, что Стасик их отдавит окончательно. – А вы по каким-то причинам не участвовали в одном из этих налетов, и этот пятый вас заместил...

– Какой – пятый? – не понял Стасик.

– Что на самом деле маловероятно... Но у меня есть еще один аргумент в вашу пользу: человек, с которого сделали фоторобот, был одной из потерпевших определен как главный в банде. И именно он похож на вас. А главарь должен был присутствовать на всех «мероприятиях». На то он и главный...

– Вы меня спасли! Ох, прямо камень с души свалился! – ликовал Стасик. – Надо же! А я еще возражал против частного детектива! Вы умный, оказывается, человек!

– Хоть и детектив, забыли добавить, – усмехнулся Кис.

Стасик, не заметив своей бестактности, аж пританцовывал от счастья.

– Я тогда поехал? Сейчас машину словлю...

– Куда?

– Домой!

– Сядьте, Стас. И успокойтесь. Вы ничего не поняли: это я вам верю. И это я знаю, что у вас было свидание с Галиной. Но никто другой вам не поверит: у вас нет алиби, потому что на Петровке вы не сможете рассказать об этом свидании.

Кис, бывало, грешил морализаторством, но любовные взаимоотношения судить никогда не брался: сугубо личное дело каждого. И при любых условиях честь женщины была для него приоритетом, не подлежащим ни сомнениям, ни обсуждениям. Теперь же, видя, как помрачнел его новый клиент, в котором он сразу ощутил некую инфантильность, Алексей с неприязнью ожидал, что тот попытается торговаться с Галиной за подтверждение своего алиби.

Но Стасик только напряженно спросил:

– Вы ведь на Петровке не работаете? А как же вам тогда дали посмотреть дело?

– Ну, это мои личные отношения с ребятами. Когда-то вместе работали, а теперь обмениваемся услугами...

– Это я понимаю... Я о другом: вы о нас с Галей ничего не говорили?

– Бог мой, конечно, нет! – воспрянул душою Кис. Он всегда радовался проявлениям порядочности в людях. – Я никогда не говорю, на кого работаю, но тут намекнул, что меня наняла одна из потерпевших...

– А... а что же нам теперь делать?

– Вам – ничего, ждать. А мне – думать. Искать.

– Кого?

– Преступника, по всей видимости.

– И как же вы будете его искать?

– Еще не знаю. Одно ясно: это человек хитрый и опасный.

– Откуда вы знаете?

– Ваши отпечатки находятся на ряде предметов, обнаруженных в квартирах потерпевших. Почти все предметы соответствуют вашему списку загадочно пропадавших и вновь находившихся вещей: все эти зажигалки, ручки, сигаретные пачки, ключи... Но дело в том, что больше нигде никаких отпечатков нет: ни на дверных ручках, ни на мебели. Потерпевшие свидетельствуют: все мужчины были в перчатках. Об этом же сообщил муж одной из первых жертв, который выжил после инфаркта, хоть и стал практически инвалидом... Из факта отсутствия отпечатков также легко сделать вывод, что преступники работали в перчатках. Напоминаю, что они не только насиловали женщин, но и выносили из квартир ценности: украшения, столовое серебро, художественные изделия, деньги... Следовательно, отпечатки должны были остаться повсюду. А они остались только на мелких предметах, принадлежащих частично хозяевам квартиры, частично, по всей видимости, преступникам, обронившим их впопыхах: в списке как раз ручка, зажигалка, целлофан от сигаретной пачки... Не удивлюсь, если эти предметы принадлежат вам...

– Не понял, – подскочил Стасик. – Вы же сами сказали, что это не я! То есть, что я не...

– Успокойтесь, Стас. И не скачите на табуретке, ломаете. Пейте спокойно чай...

– Какой чай! Мне глоток в горло не лезет!

– Я полагаю, что все эти предметы подкинули. Выкрали у вас и потом подкинули на место преступления. Я исхожу из вашего рассказа о пропадавших у вас вещах. Чужие же вещи, которые вы находили у себя в карманах, как та зажигалка из магазина, принадлежали кому-то из жертв. Вам эти вещи подбрасывали, вы на них оставляли отпечатки, потом их снова выкрадывали у вас и подкидывали на место преступления. Возможно, преступники рассуждали так: милиция решит, что кто-то из преступников воспользовался хозяйской зажигалкой и, поскольку в перчатках неудобно прикуривать, оставил на ней отпечатки. Или выронил, допустим, ручку. А с вами работал, должно быть, какой-то профессиональный карманник.

– Спасибо, – прошептал Стасик. – Спасибо, что вы мне верите.

– Вопрос не в том, верю я вам или не верю, Стас. Я делаю выводы, основываясь на том, что вы не можете являться преступником, раз не участвовали во всех преступлениях серии.

– А заказ на уборку? Из «Вашего домового»? Мне тогда еще мою ручку вернули!

– Возможно, этот случай не имеет отношения к делу, – терпеливо пояснил Кис.

– Ага, не имеет... – буркнул Стасик, недовольный тем, что детектив не объяснил ему все приключившиеся странности разом. – А провалы в памяти? Тоже не имеют?

– Вот этого я не стал бы утверждать. Но надо над этим еще подумать.

– И потом, почему именно со мной все это происходило? – горячился Стасик. – Почему я? С какой такой радости меня выбрали, чтобы подставить на роль преступника?

Некоторое время Кис молчал, подавляя растущее в нем раздражение. Он не любил слабовольных мужиков, не владеющих своими чувствами. Впрочем, Галина, видимо, придерживается иного мнения... Удивительный народ – женщины! Нянчатся с такими вот слюнтяйчиками, а такие славные мужики, как Кис, пропадают, можно сказать...

– У вас нет, случаем, братьев?

Стасик несказанно удивился новому повороту детективной мысли.

– Нет... Никогда не было! Даже двоюродных нет – одни сестры!

– А какой-нибудь тайны, связанной с вашим рождением? Ребенок, которого отдали на усыновление? Ваш брат-близнец? Такое бывает, хоть и редко... А?

– Я... Я не знаю... – растерялся Стасик. – Сроду не слыхал ни о чем таком... Знаете, мама, даже если бы всю жизнь скрывала, перед смертью мне рассказала бы!..

– Что ж, это еще больше усложняет нашу задачу. Придется искать совсем постороннего человека... Похожего на вас.

– Вот вы о чем! А ведь Галя тоже говорила: фоторобот вещь неточная, составляется по свидетельским описаниям, вот и получилось у них что-то похожее на меня...

– Это не у них получилось, Стас. Фоторобот тут ни при чем. Преступник должен быть на самом деле похож на вас.

– Почему вы так решили?!

– Потому что именно по этой причине он вас выбрал.

– Как это – выбрал?

– Может, это кто-то из ваших знакомых? Вспомните, нет ли среди них кого, с кем у вас имеется хотя бы частичное сходство? Не так уж мало существует людей, принадлежащих к одному типу внешности, замечали?

Стасик старательно подумал. Результатом стараний было его расстроенное «нет».

– А вы всех вспомнили? Думайте не только о ваших более-менее близких друзьях, но и посторонних людях, с которыми вы часто встречаетесь: коллеги по работе, соседи по дому, даже продавцы в магазинах, куда вы постоянно...

– Дядя Петя! – завопил Стасик так, что Кис едва не подпрыгнул на табуретке. – Я знаю кто! Федя! Он меня принял за какого-то Федю!

И Стасик, захлебываясь от возбуждения, поведал Кису историю, приключившуюся у новостройки.

– Это невероятное везение, – кивнул Кис. – Просто невероятное. Что ж, хоть маленькая ниточка, да есть...

Кис устроил Стаса на ночлег на раскладушке, потеснив Ваньку, а сам еще долго пыхтел сигаретой на

кухне...

Утречком Кис встал хмурый и невыспавшийся и мрачно сообщил свеженькому, как юный пионер, Стасу:

– Будет лучше, если я освобожу Галину от хлопот по вашей доставке на дачу.

– Вы меня сами отвезете?

Кис кивнул.

– Прямо сейчас?

– Нет... Надо подготовиться, взять у Галины ключи, адрес, продукты – она для вас целую тонну наготовила... Завтра ночью поедем.

– Ночью? Почему?

– Так будет лучше, – уклончиво произнес детектив.

– Нет, что такое? Скажите мне! Вы чего-то недоговариваете!

– Да нет же... Просто днем я занят, вот ночью и поедем...

– Это из-за соседей, да? – проницательно прищурился Стас.

– Именно! – обрадовался неожиданной подсказке Кис. – И вы там будете сидеть тихо-тихо, на улицу не выходить, свет по вечерам не зажигать. Никто не должен догадаться, что дача обитаема! Надеюсь, там найдутся электрообогреватели – потому что дыма из трубы не должно быть, понятно?

Стасик испуганно кивнул.

«Знал бы ты, мой милый, какая опасность тебе грозит, еще бы не так испугался! – подумал Кис. – Тебя мне удалось провести; будем надеяться, что и убийцу мы проведем. Ведь ему же теперь ловчее всего твой безгласный труп милиции преподнести! С трупа спроса нет – свидетели опознают, дело закроют...»

– И вот еще что, – сказал он строго. – Теплую одежду нужно взять. Так что поручите Галине собрать. А с ней я сам встречусь...

## Виктор нужен Вере

Вера поправлялась. Поправлялась – в смысле выздоравливала и поправлялась – в смысле набирала нормальный вес. Округлились наконец впалые щеки, разгладилось и стало приобретать краски лицо, очертилась почти исчезнувшая под просторными одеждами грудь...

Виктор радовался: он снова выиграл у смерти.

И печалился: дело сделано, пора убираться восвояси...

Убираться не хотелось. Хотелось и дальше приходить, сидеть вдвоем за ужином, подливать ей красное вино, строго следить, чтобы съела все до конца, и радостно слушать легкий смех: «Я скоро в дверь пролезать не буду, Виктор!»

Хотелось ночевать в соседней комнате, заглядывать ночью к ней – все ли в порядке, спит ли глубоким, здоровым сном; хотелось ворчать с утра: «Ну вот, хоть на человека стала похожа! А то была синяя, тощая – курица третьего сорта, а не женщина!»

Хотелось и дальше сидеть перед мерцающим экраном телевизора, не вникая в то, что происходит на экране, и вести пустячный, непринужденный разговор... Он все надеялся, что Вера однажды решится все рассказать ему, доверить свою боль – он бы ее принял, эту боль, и, разделенная на двоих, она бы связала их чем-то более прочным и интимным, чем ужины с красным вином... Но она говорила о психологии, о погоде, о какой-то книжке, о том, что нужно искать работу... Впрочем, Виктор был рад и этому.

Хотелось...

Много чего хотелось.

Не хотелось только одного: все это потерять.

Он пытался убедить себя, что сделал благое дело, и должно этим удовлетвориться; что нечего ручонки тянуть к тому, что тебе не принадлежит и принадлежать не будет; что пора и честь знать, то есть откланяться.

...А вдруг удержит? Вдруг скажет: нет, не уходи, я не хочу, чтобы ты уходил... Вдруг скажет: приходи снова, приходи завтра, приходи каждый день... Вдруг скажет: ты такой добрый, благородный, ненавязчивый... Мне хорошо с тобой и легко. Не уходи, я не хочу оставаться в одиночестве... Я к тебе привыкла, мне без тебя будет пусто и плохо...

Ему так и не суждено было узнать, отпустила бы его Вера.

Его не отпустили обстоятельства.

Первый звонок был вполне вежливым: Веру попросили вернуть вещи, ей не принадлежащие. Легкая угроза ощущалась, но только в интонации, не в словах.

Вера слушала голос Ирины, холодный и надменный: «Подумайте хорошенько, милочка!», и смотрела на эти вещи, и слезы наворачивались на глаза – кажется, впервые со дня смерти Толи. В этих вещах была его душа, было его присутствие...

Она просто повесила трубку, не ответив.

Второй звонок был с угрозами. Пока все еще вежливыми: грозили судом, адвокатами, экспертами, описями, обысками... На этот раз голос был мужской, а интонации – издевательскими. «Вы же не захотите публично прослыть женщиной легкого поведения? В таком случае не стоит доводить дело до суда...»

Вера снова молча положила трубку на рычаг. Отдать эти вещи – словно предать Анатолия. Она не могла этого сделать.

Она ничего не сказала Виктору, полагая, что его это не касается... Но через пару дней, в беготне по городу в поисках новой работы, Вера нечаянно заметила за собой слежку. Она так удивилась и разозлилась, что в тот же вечер Виктору все и выложила.

Она рассказала действительно все: и об одиночестве долгих лет, и о трех годах безнадежной любви и унижительных прятков от Толиной жены, и о его запоздалом решении разводиться; и о любовных приключениях Ирины Львовны с юным Романом; и о том страшном дне, когда насильники схватили ее у дверей и втолкнули в квартиру...

Она плакала, а Виктор радовался этой горькой исповеди, как последний эгоист. Он радовался, что она наконец ему доверилась, радовался тому, что наконец плачет, как все нормальные женщины, а не прыгает в окошко и не морит себя голодом, он радовался, что она плачет, *уткнувшись лбом в его плечо ...*

Оторвался он от своих радостей только тогда, когда услышал о слежке.

– Я бы никогда не догадалась, если бы случайно не остановилась у витрины... В последнее время у меня совершенно пропал интерес к одежде, к косметике – к себе, одним словом... А тут вдруг увидела на витрине светло-голубой костюм, который мне показался ну просто сшитым на меня... Я даже остановилась, радуясь не столько костюму, сколько собственному к нему интересу, и принялась разглядывать манекен. Потом попыталась рассмотреть в стекле витрины свое отражение – что-то я давно не заглядывала толком в зеркало, уж и забыла, как выгляжу... В отражении позади меня маячил чей-то силуэт: я его заметила только потому, что все мимо шли, а он стоял. Потом я решила войти в магазин. Входя, машинально оглянулась: мужчина быстро отвернул голову. Я его не разглядела, но запомнила синюю куртку... Выходя, заметила, что синяя куртка все еще торчит у киоска с журналами. Я тронулась – и он за мной. Я самой себе не поверила и в следующий раз остановилась у другой витрины уже нарочно. И что ты думаешь? Он тоже остановился!

– Какой из себя?

– Молодой, среднего роста. Лица не разглядела, шапочка вязаная почти до глаз...

– Ты его раньше видела?

– Нет, никогда... Мне кажется, это связано со звонками. Это Ирина послала кого-то за мной следить!

– Но зачем?!

– Может, хочет найти что-нибудь компрометирующее или хочет узнать, что я делаю и как живу, или вычисляет, когда меня нет дома, чтобы Толины вещи вынести...

– Так, – сказал Виктор, – немедленно покупаем новый замок! С секретом!

– Смешной ты... Если Ирина задумала вещи выкрасть – во что я, впрочем, не верю, дикость какая-то! – то она ведь не сама пойдет двери взламывать! Она наймет кого-то, а у замков нет секретов от профессиональных воров...

– Тогда... Тогда вот что: немедленно все упаковываем и перевозим ко мне! У меня не найдут! А когда все закончится – заберешь обратно...

Виктор, довольный своей идеей, посмотрел на Веру, ожидая одобрения... Но ему сделалось страшно. По ее лицу мгновенно разлилась эта мертвенная бледность, с которой он боролся в течение последних недель; снова погасли глаза, и безразличие заполонило их своей мутной водой; снова ее взгляд, как привороженный, устремился к окошку, утонул со странной мечтательностью в тающем свете зимнего дня, будто ей самой хотелось в нем раствориться и исчезнуть без следа, оставив на берегу свою боль, как

одежду...

Рано он праздновал победу! Нет, он пока не выиграл у смерти: все начинается сначала...

Одно хорошо: он опять нужен Вере.

И он будет рядом с ней.

Он приблизился к Вере, стоявшей у окна, и несмело приобнял ее за плечи, ожидая: стряхнет его руку? Высвободится осторожно? Скажет: не надо, Виктор, это лишнее?

– Вон он, – сказала Вера. – На детской площадке сидит, видишь? Лица не разглядеть, но по всему видно – тот самый: синяя куртка, шапочка до глаз...

Виктор выскочил из квартиры, рыча на ходу что-то неразборчивое.

Но когда он влетел во двор, детская площадка была пуста.

## Три бриллианта, один сапфир...

Марина часто ловила себя на злых мыслях, связанных со смертью отца, как будто бы он мог ее услышать оттуда, где находилась его душа, и она бросала ему мстительно: «Вот, доигрался! Я тебя предупреждала, эта твоя блядища теперь как ни в чем не бывало на твои же денешки любовников молодых разведет!»

Наталья Константиновна быстро захватила себе все, что находилось в квартире, пожертвовав в пользу Марины только фотографии и какие-то мамины вещи, хранившиеся как память. Марина судиться не стала: по завещанию, которое отец все же предусмотрительно додумался написать, основные суммы и недвижимость были распределены, и, хоть разные неучтенные мелочи (и весьма дорогие мелочи!) остались у Натальи, Марина получила свою немалую долю: ее квартиру, и их дачу (к большой досаде Натальи), и увесистую часть в денежном выражении, акции и ценные бумаги.

Она послала Наталью к чертовой матери и, покончив с делами по наследству, решила забыть о ее существовании.

До некоторой степени ей это удалось. Вместе с исчезновением Натальи Константиновны из ее жизни стала потихоньку уходить и обида на отца из ее души...

Мир становился светлее, и даже воздыхатели стали казаться не такими уж и продажными, и собственная внешность, утратив высокомерную угрюмость, показалась куда милее и вполне достойной поклонения без вдохновляющей роли дензнаков...

Право, и за что она на своих поклонников так взъелась? Ладно, Валеру вычеркнем, он явно из породы жиголов, но Коля и Саша... Они хорошие ребята, и они влюблены в Марину. Она-то нет, но почему бы не принять их ухаживаний? Раз уж в круиз не получилось... Коля звал на дискотеку, Саша звал в ресторан...

Развлекаться! Вот что надо делать! А не перебирать свои обиды и несчастья. Она молода, вполне хороша собой, и в ее годы нужно радоваться жизни!

И Марина приняла оба приглашения: в ресторан с Сашей и на дискотеку с Колей...

Проведя веселые выходные, Марина почувствовала себя отдохнувшей, беспечной и почти счастливой. Она даже смилостивилась над одним журналистом, преследовавшим ее последние дни с просьбой дать интервью для газеты «Московский комсомолец».

Нет, интервью она вовсе не собиралась давать, но на этот раз снизошла до объяснений:

– Поймите, Юра, я не могу рассказывать во всеуслышание об интимных подробностях сцены, которую застала! Моя мачеха – и вы это знаете – подверглась насилию; мой отец умер от инфаркта! И я не стану развлекать публику собственной семейной трагедией!

– Но ведь, насколько мне известно, вы чуть ли не единственный свидетель, который видел всех четверых преступников в лицо! Скажите, вы могли бы их узнать? Не волнуйтесь, это вопрос не для прессы, я ваш ответ публиковать не буду: он ставит вас в положение опасной свидетельницы! Но просто хотелось бы понять: возможны ли хоть какие-то зацепки для следствия?

– Вряд ли я смогла бы узнать всех, – подумав, ответила Марина. – Но... вы правда не станете писать?

– Клянусь! – горячо заверил ее журналист.

– Одно, по крайней мере, лицо я запомнила... И даже принимала участие в составлении фоторобота.

Не знаю, может ли это послужить зацепкой для милиции, но, если его все-таки поймают в один прекрасный день, я его опознаю. Более того, я однажды видела его на улице! Он шел как ни в чем не бывало, как ходите вы, как хожу я – как все нормальные люди! Именно вот это страшно, понимаете? Рядом с вами – насильник и убийца! А вы даже не подозреваете! Вы можете оказаться рядом с ним в метро, или в магазине, или в кафе... Это он убил моего отца! И, насколько я знаю, еще нескольких мужчин со слабым сердцем!

– И что? – живо заинтересовался журналист. – Что вы сделали, встретившись с преступником?

– Я крикнула ему: «Убийца!» А он сбежал, как последний трус, – вскочил в отъезжавший троллейбус.

– Как жаль, – улыбнулся журналист, – вы могли бы его задержать! Представляете, какой был бы шум в газетах? «Хрупкая девушка задержала маньяка!»

– Задержать бы я его не задержала, – нахмурилась Марина, слушая этот журналистский бред. – А вот в фоторобот смогла внести кое-какие уточнения... Только вы это не печатайте!

– Не беспокойтесь, – расплылся в сладкой улыбке журналист. – Я свое дело знаю. Слово чести! Зато мне вы очень помогли...

И все-таки разговор оставил у Марины неприятный осадок. И даже легкий страх: а вдруг все же напечатают? Марина бранила себя за легкомыслие, с которым уступила домогательствам журналиста, этого слащавого Юры Новикова. Она решила позвонить в «Московский комсомолец» и поговорить с главным редактором, заявить ему, что она категорически против, что подобная публикация могла бы поставить ее под угрозу... В конце концов, и милиция должна запретить публикацию подобных сведений, разве не так? Вон в американских фильмах – там свидетеля, тем более единственного, охраняют, даже прячут и дают ему новый паспорт, меняют место жительства!..

Но дальнейшие события заставили ее забыть о противном журналисте.

Пришло письмо: Марину приглашали на экстренное собрание акционеров.

Марине как-то до сих пор не приходило в голову, что наличие у нее отцовских акций может быть связано со словом «акционер». Выяснилось, однако, что она акционер и есть, и притом с весьма увесистым пакетом акций отцовской фирмы. И вот этот акционер приглашался на собрание.

Марине было совершенно невдомек, зачем идти на собрание и что она может там понять, сказать или сделать. Но ее позвали, и она пошла.

Едва переступив порог большой комнаты, где уже собралось человек десять, она остолбенела: во главе стола сидела расфуфыренная Наталья, которую наперебой обхаживали мужчины. Наталья, которую она так надеялась забыть и полностью вычеркнуть из своей жизни!

Но самое ужасное заключалось не в этом. Самое ужасное заключалось в том, что на шее у Натальи сверкали бриллианты.

На шее у Натальи было мамино кольцо!

Марина о колье забыла. Оно пролежало дома, в своей коробочке, все годы, прошедшие после смерти мамы. Марина не хотела к нему прикасаться: оно было слишком трагичным, это кольцо, подарок отца матери накануне ее смерти... Попытка искупить вину – или откупиться? Возможно, именно этот подарок и подтолкнул маму к самоубийству...

Марина помнила, как мама примерила его, улыбнулась: «Очень красиво... Три бриллианта, один сапфир, – мама змеила кольцо на ладони, и камни слепили глаза, – три бриллианта, один сапфир...» Она

наклонилась и поцеловала мужа в макушку: «Спасибо, Володя». И положила украшение обратно в коробочку.

На следующий день вернувшись из школы Марины застала сцену: газ по всей квартире, мама на полу без признаков жизни, и на ее шее кольцо – три бриллианта, один сапфир, три бриллианта, один сапфир, три...

Спасти маму уже не смогли.

И хотя, конечно, драгоценности матери принадлежали после ее смерти Марине, она не могла заставить себя прикоснуться к этой роскошной вещице: три бриллианта, один сапфир, три бриллианта, один сапфир, три бриллианта... Ей слышалось что-то кошмарное в этом ритме.

В общем, Марина носить кольцо не стала, и коробочка так и осталась где-то в недрах папиного сейфа, и память Марины услужливо обходила факт его существования в доме, потому что иначе сразу всплывало: три бриллианта, один сапфир, три бриллианта, один сапфир, три бриллианта... И мертвая мама на полу.

И теперь это кольцо на Наталье.

...Марина кричала в истерике: «Не смей! Это мамино! Снимай немедленно, сука!»

Наталья надменно усмехалась: «Кто-нибудь может засвидетельствовать, что это кольцо принадлежало твоей матери? Кто-нибудь ее в нем видел? Нет? То-то. Это кольцо мне муж подарил! И я его ношу по праву!»

Собрание акционеров, так и не начавшись, превратилось в полный базар. Марину пытались вежливо вывести. В коридоре какие-то мужчины просили ее продать свой пакет акций: «И вы будете жить спокойно, вам не нужно будет волноваться и ходить на собрания, которые вас так нервируют...»

Она вырвалась из услужливо держащих ее под локоток лап и убежала.

«В коробочке должны были быть какие-то документы на покупку: чек, гарантия, автор, не знаю что еще! – психовала Марина уже дома. – Можно было бы по дате доказать, что тогда еще мама была жива! Но ведь Наталья их наверняка уничтожила! Господи, что же делать! Это непереносимо! Эта драгоценность принадлежит маме и ее смерти!»

От сознания собственного бессилия Марина готова была выть. Она все могла простить Наталье, но только не мамино кольцо! *Три бриллианта, один сапфир, три бриллианта, один сапфир, три...*

Выкрасть! Вот что надо сделать: выкрасть! Другого способа все равно нет. Ключи от квартиры у Марины есть, замок подлая Наташка вряд ли поменяла; Марина подстережет, когда ненавистная мачеха уйдет из дому, и унесет мамино кольцо!

Выкрасть. Именно так.

Марина обязана спасти мамину память.

## Звонок из Мелитополя

Виктор стал редко бывать у себя дома – он делил время между работой на «Скорой» и Верой. Но иногда к себе заезжал, бывало, и ночевал – не все же Веру обременять своим присутствием.

Приехав в очередной раз в свою коммуналку, он, едва открыв дверь, налетел на соседку Валерию Афанасьевну. Та немедленно запрочитала:

– Где ж вы пропадаете? Ночевать не приходите, я даже не знаю, где вас искать! А тут вам звонили! По междугороднему! Плохая новость, Виктор Олегович, ваша мама в больнице!

Виктор кинулся к телефону. Телефон матери не ответил, зато соседка не удержалась от ехидных комментариев:

– Если человек в больнице – так, значит, он не дома, а?

Виктор в сердцах бросил трубку на рычаг и стал с пристрастием расспрашивать Валерию Афанасьевну о подробностях телефонного звонка.

Подробностей, однако, почти не было: из Мелитополя, где жила его мать, позвонила ее соседка («Что б вы все без соседей делали, а?» – вставила Валерия Афанасьевна), сказала, что мать положили в больницу с сердцем, в предынфарктном состоянии. И что Виктору надо бы немедленно выехать – неизвестно еще, застанет ли мать в живых...

– Других вот от сердца спасаете, а родную мать упустили, на похороны б теперь не опоздать!.. – сурово послала она вдогонку Виктору, ринувшемуся к себе в комнату.

Виктор схватил паспорт и выскочил из комнаты.

Он позвонил Вере, предупредил, что не сможет быть с нею несколько дней; он заклинал ее не делать глупостей и исправно есть в его отсутствие.

Вера обещала.

Виктор уезжал с тяжелым сердцем. Он уезжал к больной матери от не менее больной Веры... Обе болели – одна сердцем, другая душой, – и для обеих был возможен смертельный исход. Ему хотелось разорваться на части, хотелось клонироваться, чтобы один Виктор остался с Верой, а другой поехал то ли спасать, то ли хоронить мать...

Сойдя с поезда в Мелитополе, он решил ехать напрямик домой к матери. Она жила в частном домике на окраине города, и Виктор рассчитывал найти соседку, звонившую в Москву, и выяснить у нее, в какой больнице находится мама.

Уже приближаясь к дому, он увидел во дворе какую-то женщину и похолодел: неужто он опоздал, неужто соседи уже занимаются...

– Мама! – закричал он как сумасшедший, достигнув калитки. – Мамочка, родненькая, ты здорова?

Мать с перепугу выпустила полено из рук и уставилась на него, как на привидение.

– Сыну, ты? Що стряслося? Ты почому приихав?

– Мамочка! – Он уже заграбастал маленькое сухонькое тело в свои объятия. – Ты когда из больницы вышла?

– З якої? Що за больниця? Я туточки дрова колю... Мне до больницы не надо!

– А разве?..

Остаток дня Виктор провел в поисках соседки, звонившей в Москву. Он обошел всех Мань и Дусь, живших поблизости, ни одна не призналась в странной шутке.

С холодеющим сердцем он набрал номер Веры. Неужто она... Не могла же она?.. Чтобы избавиться от его навязчивой опеки?.. Так с ним поступить? Или она задумала... Что она задумала?!

Верин телефон не отвечал. Виктор просидел в Мелитополе еще сутки в ожидании билета на московский поезд и беспрестанно названивая Вере.

Безрезультатно.

## Удача-содержанка

Кису удалось разыскать дядю Петю. Он с трудом верил такой удаче: пьяненький дядя Петя сразу выдал ему имя – Федор Горик, по отчеству Иванович – и клятвенно заверил детектива, что за достоверность информации ручается, в связи с чем немедленно полез к Кису лобызаться и предлагать раздавить бутылек для укрепления вечной дружбы между двумя отличными мужиками, взаимно уважающими друг друга.

Кис намек понял, быстренько обернулся с бутылкой, вручил ее дяде Пете для раздавливания в одиночестве и покинул зарозовевшего от алчной радости алкаша, сославшись на неотложное дела.

Неотложные дела у Киса и впрямь были: искать следы Федора Ивановича Горика. Алексей тщательно прошерстил всевозможные и всеневозможные справочные системы. Он задействовал все связи, чтобы в обход своих петровских дружанов (которым он не смог бы объяснить, кого и зачем ищет) добыть данные из информационного центра милиции.

Увы, утреннее предчувствие его не обмануло: никакая удача ему вовсе не собиралась светить.

Человек с таким именем нигде не значился и нигде не проживал. Фамилия была относительно редкой, а примерный возраст быстро сузил круг возможных кандидатов и свел в результате до нуля.

Это стоило Кису еще одной поездки к новостройке, где с помощью дяди Пети и пары бутылок беленькой он устроил брифинг с немногими жильцами, которые еще помнили «Федю», – слабая надежда на то, что дядю Петю все же подвели пропитые мозги и чужие мозги окажутся в лучшей сохранности.

Дядя Петя проявил удивительные организаторские способности, и через двадцать минут в его убогой квартирке с еще не разобранными после недавнего переезда коробками собралось человек пять для «помощи слесвию».

Но бывшие соседи оказались единодушны: и Федя, и Горик, и Иванович...

Кис достал фотографии Стаса, которые Галина нашла в квартире дачного ссыльного, и разложил перед соседями – фоторобот он не стал показывать: он ведь истинной причины своих розысков не назвал, сославшись на то, что ищет этого человека по просьбе некой женщины. Романтическая версия тронула соседские сердца, и собравшиеся добровольцы принялись тщательно вглядываться в любительские снимки.

– Трудно сказать... – комментировали они. – Столько времени прошло... Горики переехали, когда Феде лет семнадцать было... Да и бороду отрастил... Похож немного, но вроде и не он... В профиль больше...

– Вот-вот! – активно участвовал дядя Петя. – Я его в этот самый профиль и опознал! А с передку если – так бы ни в жисть!

Кис призадумался. Тот факт, что между Стасом и Федей Гориком есть определенное сходство, ничего нового ему не давал: раз дядя Петя обознался, значит, похож, это ясно. Особенно, значит, в профиль... Кис припомнил профиль Стаса: почти без впадины переносица, соединяющая лоб с носом строгой прямой линией, – такие профили часто называют греческими... Да толку-то? Тот ли Федор Горик человек, которого он ищет, вот что важно...

– Что за семья у него была? – спросил Кис.

– Да какая там семья, одна мать-инвалид да сам Федька-хулиган! – было получено в ответ.

Как выяснилось, мать, Дарья Степановна, школьная уборщица, была женщиной толстой и нездоровой. Отец, работавший на заводе, сильно покалечился – попал в движущиеся части какого-то агрегата, – долго потом болел и пил по-черному, а вскоре умер, Федька совсем кроха тогда был...

Федька рос парнишкой вроде бы хорошим, даже в кружки какие-то ходил и учился неплохо... Но едва перевалило ему лет за четырнадцать – как бес вселился. Сделался грубый, мать слушаться перестал, хоть та в ножки кланялась директору школы, где работала, чтоб Федьку как-то дотянуть до аттестата... «А он, подлец, мать еще и презирал за это! Все говорил, – вспомнила одна старушка-соседка, с которой в те времена отводила душу Дарья Степановна, – говорил, что будет большие деньги зашибать, не то что мать, которая за копейки дерьмо за этими вонючими пионерами вывозит, так и говорил, представляете, матери-то! Она для него здоровья не жалела, у нее диабет был и другие разные болезни, к вечеру поясницу разогнуть не могла, и вот благодарность! Разве от нынешних детей-то ее дождешься?! Все хотят разбогатеть, к родителям почтения нет никакого, носы задирают, а сами-то что без родителей делали бы?..»

Кис сочувственно кивал, поддакивал и просил вспомнить разные подробности.

«Мозговой штурм» принес еще кое-какую информацию: ходил маленький Федя в самодеятельную театральную студию при Дворце пионеров, говорил – актером станет... Или даже режиссером... Это когда маленький был, потом-то он другие речи завел, все больше про деньги... А тогда хороший такой был мальчик, мать заботилась о нем, всегда чистый, опрятный, здоровенький, упитанный! Мать ведь сама куска недоедала, чтобы сынку все лучшее отдать, вот ведь как детей растим, ничего для них не жалеем, а они потом и знать не хотят родителей своих, стыдятся и презирают!

И снова разговоры о неблагодарности нынешнего поколения, которые Кис терпеливо слушал, – кажется, среди собравшихся пожилых людей не оказалось ни одного, кто мог бы сказать: да бросьте вы на поколение наговаривать, вот мои сын-дочка не такие...

Объединенные общей бедой соседи приступили к водочке, и Кис, увидев, каким трагическим взглядом провожал дядя Петя каждую опрокинутую рюмку, вручил ему деньги и отправил за дополнительными бутылками...

Он посидел еще немного, выяснил, что нового адреса Гориков никто не знал или не помнил, и откланялся, оставив стариков одних заливать свое горе...

Наконец-то удача улыбнулась ему! На следующий же день Кис выяснил адрес Горик Дарьи Степановны и немедленно отправился к ней в Марьину Рощу.

Звонок долго и безрезультатно разносился по квартире до тех пор, пока не выглянула на лестничную площадку потревоженная соседка.

– Зря трезвоните тут, – проворчала она, – Дарья лежащая.

– В каком смысле? – растерялся Кис.

– В смысле – лежит. Не ходит то есть, – пояснила соседка. – То есть больная она. Не понятно, что ль?

– А что ж с ней такое? Что за болезнь?

– Спросите лучше, какой у ней нет, болезни-то... А вы кто будете?

– Да я вот сына ее разыскиваю...

– Э-э-э, так вы можете еще долго искать, мужчина! Она сама его лет пять как не видела! Пропал он.

– Как – пропал?

– Да так. Пропадал-пропадал, Дарья-то и раньше его редко видела, а тут взял и совсем пропал. Перестал к матери ходить, и все тут. Жив, помер, в тюрьме сидит – иди знай теперь! А мать погибается тут одна...

– За ней кто-нибудь ухаживает?

– Я сама иногда хожу, но мне некогда, у меня семья, внуки! – гордо произнесла соседка. – А вот с верхнего этажа ходит к ней Валя, продукты носит, готовит, прибирает. У ней никого нет, у Вали, вот она о Даше-то и заботится... Ну и Даша ей из пенсии деньги платит. Небольшие, дак ведь тоже хорошо, у Валентины пенсия у самой крошечная, а у Даши тоже крошечная, но куда ей тратить? Лежит, горемычная, никуда не ходит... Вам, может, Валю позвать? Она вас к Даше может пустить, у ней ключи... Все ей, страдалице, развлечение будет – с человеком поговорить... Она ведь, кроме Вали и меня, никого и не видит... То есть это я так сказала: видит, а на самом деле ничегошеньки она не видит. Ослепла от диабета... Так Валю позвать?

Запах мочи ударил в нос. В квартире было грязно, линолеум лип к подошвам, на всех поверхностях нетронутой целиной лежала густая пыль. То ли соседка Валентина была нерадива и пользовалась тем, что хозяйка незрячая, то ли ей самой здоровье не позволяло затеять серьезную уборку, но квартира Дарьи Степановны Горик выглядела крайне запущенной.

О бедности и говорить не приходилось: она была вопиющей. Если когда-нибудь и водилось что-то в этой квартире, что можно было, хотя бы с большой натяжкой, назвать «ценным», – какая-нибудь безделушка, фарфоровая балеринка, вазочка, кружевная салфетка, которые могли бы послужить украшением старого облупленного серванта, – то все это давно вынесли (может, сынок, а может, и сердобольные соседки), и теперь там стояла только дешевая оббитая посуда...

Кис испытывал острое желание сбежать отсюда, несмотря на свое не менее острое сочувствие к больной женщине. Хотелось выйти на воздух, избавиться от этого запаха мочи, который забивался в ноздри и, казалось, отравлял легкие... Хотелось отмыться от этой грязи – застарелой, липкой грязи, которая немедленно осталась на его пальцах, едва он взялся за спинку стула, чтобы придвинуть его к постели Фединой матери.

Рыхлая, толстая, нездорово-белая женщина смотрела на него слепыми мутными глазами и виновато отвечала на вопросы детектива одними и теми же словами: «Не знаю». Что делал, где работал, с кем дружил, как звали друзей – она не знала ничего о своем сыне.

– Он перестал со мной разговаривать, когда ему еще шестнадцати не исполнилось... Бывало, спросишь: что ж ты делал сегодня, Феденька? А он отвечал: много будешь знать, скоро состаришься, мать. Вот так и жили... Деньги у него появлялись откуда-то, а откуда... Тогда, помните, все это началось – торговля, коммерческие магазины, палатки всякие... Он где-то чем-то торговал, пивом вроде... А вот чем еще, где товар брал – не скажу... А зачем вы его ищете?

– Понимаете, – вдохновенно начал излагать легенду Кис, – я частный детектив. Пришла ко мне одна женщина и принесла фотографию: найдите мне, говорит, этого человека!

– Женщина? – заволновалась Дарья Степановна. – Что же за женщина такая? Молодая?

– Молодая...

– Красивая?

– Ну, в общем, да... Пожалуй... – Кис даже покраснел. Хорошо, его собеседница не могла этого видеть.

– А она любит Феденьку, эта женщина, да? Или, наоборот, он ей чего плохого сделал и она теперь ему

зла желает?

– Я так понял, что любит. – Кис окончательно сник, застыдясь своей неправды.

Дарья Степановна помолчала. По лицу ее бродили тени каких-то одной ей ведомых чувств и воспоминаний...

– Дай бог тогда сыночку... – проговорила она наконец дрогнувшим голосом, – чтоб его женщина хорошая любила...

И из незрячих глаз тихо потекли слезы.

Кис был готов взвыть от этого безграничного смирения. «Оставь, сыночек, я сама сделаю; скушай этот кусочек, сыночек, я уже сыта...» Это божеское смирение приносит дьявольские плоды – это оно возвращает подонков! Это самоотвержение, эта безотказность порождает паразитов, которые сначала усаживаются на шею матерям, а потом – уже не умея иначе, как тянуть и вымогать, – идут грабить и убивать!

Скорее всего, и ее Федя – даже если это не тот человек, которого он ищет, – давно стал убийцей! Во всяком случае, подонком он точно стал: бросить мать в таком отчаянном положении, в такой безысходной бедности и беспросветном одиночестве!

Впрочем, Федя, возможно, уже давно истлел в земле, шлепнутый в разборках такими же, как он, «сыночками»...

– Какого он года рождения? – спросил Кис.

– Семьдесят первого... – отозвалась женщина. – Такой был красивенький мальчик, все на улице заглядывались... Светленький, кудрявенький, пухленький... И добрый был, ласковый... Учился хорошо, учителя нарадоваться не могли! Говорили: способный мальчик, далеко пойдет... И куда же это он пошел, в какое далеко?

– А как же вышло, Дарья Степановна, что Федя вдруг ученье забросил? Способности, вы говорите, были, учеба легко давалась...

– Ой, легко, легко... Память у него такая хорошая! Бывало, только учительницу на уроке послушает – и уже дома ничего выучивать не понадобится: все помнит. Книжки разные мог наизусть рассказывать... Читать-то он не очень любил, но для школы надо было, так он книжку полистает – и все помнит! Иной раз по телевизору или еще где услышит что-то интересное, так потом всегда к месту вставит... Я-то знала, что Федюша с ленцой, не любил он трудиться, это я вам прямо скажу, больше на память свою да на авось полагался. Но впечатление от него всегда было хорошее. Образованный мальчик – вот каким его считали. Меня завуч как-то позвала – она у них литературу ве-ла – и говорит: «Дарья Степановна, мальчик у вас такой способный, у него к театру склонность, слышали бы вы, как он стихи декламирует! Надо его в театральный кружок отдать!» Ну, я и пошла с ним во Дворец пионеров, записала в студию. Феденька рад был, ему это нравилось... Роли играл разные, тексты никогда не забывал! Его в студии хвалили... Говорили – настоящий артист из него выйдет! Но Федюша иначе придумал: «Я, мама, – сказал он мне как-то, – режиссером хочу стать, буду сам спектакли ставить!» Он, понимаете, не любил, когда им распоряжаются. С виду-то был покладистый, воспитанный, но я-то знала, что Феденька подчинения не терпел... Ну, режиссером так режиссером, ему виднее, – я сама-то в театре один раз за всю жизнь была и только радовалась, что сыночек к культуре тянется, что не в отца пошел, что лучшей жизни, чем у нас была, добьется...

А потом вдруг как подменили мальчика. Стал вечерами пропадать, новых друзей каких-то завел, спиртным стало от него пахнуть. А вы ж знаете, пацаны – они друг на друга влияние оказывают... Плохую, видать, компанию нашел Федюша... Так вот и вышло, что солнышко мое вдруг погасло.

Неласковый стал, неразговорчивый... Бедностью меня попрекал... Все только о деньгах и говорил. Какой там театр! Театр он забросил, театр – это он сам так сказал – развлечение для бедных, у серьезных людей времени на глупости нет, им время нужно, чтоб деньги зарабатывать... Как подменили сыночка, а ведь такой мальчик был ласковый, добрый...

– У вас его фотографии есть?

Женщина не ответила, погрузившись в воспоминания о тех временах, когда добрый и ласковый мальчик был с нею...

– Дарья Степановна... Нет ли у вас Фединых фотографий?

– А? Фоток? В шкафу, внизу, гляньте...

Кис нашел старый альбом. Рассмотрев снимки, он испросил у больной разрешения взять несколько, обещав вернуть в целости и сохранности, и поспешил покинуть затхлую квартиру, наполненную призраками воспоминаний, которые неотвратимо вытесняли из нее все, что еще могло называться жизнью...

На морозе сигарета показалась невкусной, мысли – пресными, желудок – пустым, а дело, так обманчиво поманившее быстрой удачей, – безнадежным. «Ну да, – думал Кис, – а ты уж губу раскатал: так прямо удача тебе в объятия и кинется с ходу, как дешевая проститутка. Нет, милоч, эта дама – дорогая содержанка, на нее поработать надо, на нее заработать надо, чтобы оплатить ее прихоти и причуды! Тогда, может, она и изволит тебе отдаться...»

И, бросив невкусную сигарету в снег, Кис раскопегарил свою «Ниву» и поехал домой – пить горячий чай с бутербродами и составлять план завоевания дорогой содержанки.

## Загадочный коллега

На подъезде к Москве Виктор решал дилемму: ехать сначала домой – принять душ и побриться – или напрямик к Вере. Душ и побриться очень хотелось, да и к Вере следовало бы явиться в приличном виде... Но его нетерпение и беспокойство были столь велики, что он решил пожертвовать благами цивилизации и рискнуть явиться к женщине, принеся с собой все запахи плацкартного вагона, – выбирать билет не приходилось, украинцы активно ездили в Москву. И, едва сойдя с поезда, Виктор помчался на Сокол. По дороге прихватил букет цветов, в сумке постукивали толстыми стеклянными бочками банки с вареньем и соленьями: мама накладывала, пока Виктор не взмолился: «Не донесу, мать, пощади!» Теперь же жалел, что не взял больше, ругал себя: Вере бы все эти мамины лакомства пригодились, глядишь, и стала бы нормально питаться, – от таких соленых огурчиков и помидорчиков, как мама делает, и у мертвого аппетит разыграется!

Около восьми вечера он уже стоял перед дверью Вериной квартиры. Окна были темными, он это еще снизу заметил, но понадеялся, что Вера спит, и теперь тупо, в сотый раз, жал на кнопку звонка.

Под ложечкой сразу образовалась пустота, а в пустоту натекла вязкая, густая, как кровь, ревность. Где она? Куда пошла? С кем проводит этот вечер?!

Ревность сменил страх. А вдруг без сознания? А вдруг опять голодный обморок? А вдруг вообще...

Виктор подергал ручку: нет, дверь надежно заперта. Раздираемый ревностью и страхом за Веру, он решил для начала успокоиться и все обдумать. Надо подождать. Вот если она не придет в течение ближайшего часа, тогда он вызовет слесаря и будет взламывать дверь.

«Почему, собственно, часа? – думал Виктор, усаживаясь на ступеньку. – А, к примеру, не двух часов? По какому праву я стану взламывать дверь в ее квартиру? Что я скажу? Что, возможно, она лежит в обмороке? А кто вы такой, дяденька, – спросят меня, – чтобы взламывать дверь чужой вам женщины? И ответить мне будет нечего...»

Он прикурил. Прошло пятнадцать минут, безумно длинных пятнадцать минут. Виктор сидел, положив букет хризантем возле себя, чувствуя ягодицами холодную ступеньку и вяло думая, что следовало бы встать, а то можно и простатит заработать...

Лифт – с сеткой, старый лифт старого дома – заскрипел и затрясся. «Вера!» – вскочил Виктор и бросился к освещенной кабинке. Но она проплыла мимо, выше. Раздались оживленные голоса, женский смех, цокот каблучков, позвякивание ключей, радостный лай собачонки... От этих звуков у Виктора закружилась голова: как давно он не возвращался домой вдвоем с женщиной, вот так, весело, со смехом, под радостный визг какой-нибудь шавки с дрожащим от счастья хвостом!.. Неудивительно, что он так привязался к Вере: она была единственной живой душой, которой он оказался на сегодняшний день нужен... Но хотелось большего. Хотелось любви. Хотелось беззаботного смеха, ужина вдвоем, с веселым обсуждением только что увиденного фильма; потом душ, постель и теплое, живое, любимое тело рядом... И заснуть, прижавшись, утыкаясь в волосы и вдыхая родной запах: «Ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское...»

Виктор никогда не чувствовал себя одиноким. Во всяком случае, так он считал, приезжая по вызовам к одиноким больным. Их одиночество было убийственным, безысходным, безнадежным: этим людям некого было попросить сходить в аптеку за лекарством, некому было приготовить им поесть, некому посидеть у постели и поговорить, поглаживая по руке и заверяя, что скоро поправится и все образуется... И уже никогда не будет: возраст или сложный, негибкий характер не оставляли никакой надежды.

Естественно, что на подобном фоне Виктор мог вполне считать себя счастливым человеком: молод, здоров, характер нормальный; денег мало, но все же есть, не бедствует, а квартирные и семейные трудности представлялись временными.

Но здесь, в Веринском подъезде, его вдруг пробило. Собственное существование показалось серым и беспросветным, наполненным однообразной и трудной работой, без досуга и без уюта. А жизнь тем временем шла, шло время, шли часы и минуты – невозвратимые, потерянные навсегда для его собственного, личного счастья. Соседка Валерия Афанасьевна права: он спасал чужие жизни и безнадежно упускал свою собственную...

И вот теперь стало абсолютно ясно, что все загнанные в подсознание, подспудные мысли о его личном счастье, которое однажды придет, – мысли, дававшие ему силу жить и помогать жить другим, – все эти мысли и ожидания сошлись в одной точке, в которой находилась Вера. Он обманывал себя, считая, что просто опекает ее, а может, так оно и было поначалу; но теперь-то нет смысла врать себе, теперь, когда ревность густо колыхалась в центре живота, подпирая сердце и сдавливая гастритный желудок, – теперь следовало без лукавства признать, что он Веру любит. Что он нуждается в ней. Что уже не мыслит жизни без нее. Что...

Вера вышла из лифта. Он, погруженный в свои мысли, не обратил внимания на скрипучую кабину, и только грохот дверей заставил его очнуться. Он кинулся:

– Веронька!

Она вздрогнула. Так ее называл Анатолий. «Веронька...» И долго смотрела непонимающим взглядом на Виктора. А он держал ее за плечи, забыв свой букет на ступеньке, вглядываясь в любимое лицо и отчаянно не находя в нем ответа своему всплеску радости.

Внутри все будто упало. Виктор все еще держал ее за плечи, все еще смотрел в глаза, надеясь уловить в них хотя бы лучик радости, но в глазах Веры было что-то непривычное. Ревность снова заплескалась в глубинах его организма. Казалось, мысли Веры так далеко, что она с трудом узнает Виктора. Она смотрела напряженно, словно мозг ее проделывал большую работу, как у ученицы, плохо выучившей урок... Виктор выпустил ее плечи. Он больше не мог видеть этот пустой, безответный взгляд.

И тут Вера засмеялась.

– Витюша! – произнесла она игриво. – Это ты! А мне показалось, Толя...

И, отперев дверь, вошла в квартиру.

Виктор не понял. Нет, не слова – интонацию. Что-то странное было в ней. Что-то не то. Словно Вера пьяна... И «Витюша»... Она никогда еще так не называла его.

– Заходи, – Вера приоткрыла дверь и удивленно глянула на Виктора. – Что стоишь за дверью?

Виктор вошел. Да, ему не показалось, в ее голосе звучала какая-то необычная фамильярность. Вера всегда держала некоторую дистанцию с ним – вполне вежливую и, он бы даже сказал, элегантную дистанцию. А тут вдруг...

– А я гуляла!

Виктор с недоумением вглядывался в лицо, вслушивался в голос. Ее словно подменили. Это была не та Вера, вот и все. И вдруг догадка молнией резанула мозг: у нее кто-то появился! Конечно, нет сомнения, не зря его мучила глухая ревность – у Веры кто-то появился!

– Где? – излишне сухо спросил он.

– Там. – Вера неопределенно махнула рукой.

– Где это – там? – хмуро уточнил Виктор.

– Возле Толиного дома. Они, знаешь, тут меня совсем достали. Каждую ночь звонят, угрожают... Или просто молчат. Звонят – и молчат. Я не могу спать... – вдруг жалобно произнесла она. – Я едва засну, как они звонят. Если бы не твой коллега, я бы совсем сошла с ума. Спасибо тебе за заботу...

– Какой коллега? – изумился Виктор.

– Ну, которого ты попросил за мной понаблюдать, Женя. Да не смотри ты на меня так! Он мне просто укол сделал, что-то успокоительное, и теперь я как пьяная...

Вот оно что... Она под действием какого-то седативного препарата! Она не сидела в ресторане с другим мужчиной и не пила вино, как ему уже примерещилось, она просто под действием укола!

Да, но позвольте, какого укола? Какого коллеги? Виктор никого не просил... Это была бы, наверное, вовсе неплохая идея, но она не пришла ему в голову. И он никого к Вере не посылал!

Ему вдруг сделалось так не по себе, так страшно за Веру, что он растерялся. Он не знал, что сказать, чтобы не выдать свой страх. Очень кстати вспомнился забытый на ступеньке букет хризантем, и Виктор выскочил за ним на лестницу и даже огляделся: не притаился ли тут какой-нибудь «коллега». Но на лестнице никого не было, снова гавкала где-то собачка, кто-то терзал фортепьяно, кто-то смотрел телевизор – мирная вечерняя жизнь мирных обывателей...

Уже устроившись на кухне, глядя, как Вера заваривает чай, он спросил как можно небрежнее:

– Когда он к тебе приходил?

– Женя?

– Мой коллега.

– Так он и есть Женя... Сегодня. Часов в пять.

– И что Женя сказал?

– Да ты что, Витя? Ты же сам попросил его навестить меня! Он так и сказал: Виктор попросил меня вас навестить.

– Ну?

– Ты странный какой-то... Что «ну»? Спросил, как мои дела. Нормально ли я питаюсь, хорошо ли сплю. А я пожаловалась, что они мне спать не дают, что звонят без конца. И тогда он сделал мне укол. Сказал, что это лекарство укрепляет нервную систему.

Вера нарезала сыр, достала масло, хлеб, пряники, разлила по чашкам чай и села напротив.

Виктор был голоден и потому упрашивать себя не заставил. Намазав хлеб маслом и положив сверху сыр, придвинул к себе чашку. И заметил, что Вера ничего не ест.

– Ты не голодна? – с подозрением в голосе спросил он. Снова привиделись рестораны и богатые поклонники.

– Нет. Ты ешь, не обращай внимания. Я сыта.

– Где-то поела?

Вера замялась.

Виктор встал, обошел Веру, заглянул в холодильник. Кроме того, что уже стояло на столе, в нем ничего не было.

– Та-ак, – грозно проговорил он, возвышаясь над ней, – что это за фокусы? Ты мне обещала!

– Я ела! – оправдывалась Вера. – Честное слово, я сегодня ела!

– Что и когда?

Вера промолчала, лишь пожав худыми покатыми плечами.

– Ты ела в городе?

Она снова не ответила, бросив на Виктора какой-то затравленный взгляд.

Что-то тут не то, что-то все же странное было в ней и во всей этой истории.

– Вера, я тебя спрашиваю, ты ела где-то в городе?

Ему не следовало так с ней разговаривать, так не разговаривают с любимыми женщинами, но врач в Викторе был сильнее мужчины, даже влюбленного.

Вера наконец подняла на него глаза:

– Я не помню.

– Как это? Не помнишь, ела ли ты в каком-нибудь кафе? А что ты делала все это время? Ходила вокруг дома Анатолия? Или поужинала с его вдовой и ее любовником?! – разозлился он.

Вера явно что-то выдумывала. Может, и историю с коллегой выдумала, только зачем? И не гуляла она нигде, зачем ей это было нужно – болтаться вокруг дома, где теперь живет ненавистная ей Ирина Львовна? Похоже, что не зря крутила его ревность: Вера что-то скрывает. Глупо, неумело, по-детски! Но скрывает.

– Я... Я никак не могу вспомнить. Я поехала к дому...

– Не ври, Вера. Не ври!

– Правда... Я поехала... А дальше...

– Ну?!

– А дальше что-то не помню. У меня какой-то провал в памяти...

Он слишком груб, так нельзя. Надо успокоиться, надо взять себя в руки. Какое он имеет право вести допрос? Никакого. Впрочем, есть: право врача. Да, еще несколько десятков минут назад он мечтал о том, чтобы получить на Веру совсем другие права, но теперь не до того. Он должен немедленно выяснить, что происходит. И если она ужинала с кем-то, то... А если она не ужинала, значит, снова ни хрена не жрет, и он должен это знать как врач. Вот так.

– Провал в памяти? – уже мягче произнес он. – С каких это пор ты стала жаловаться на память?

– Ни с каких! – Вера вдруг рассердилась. – С сегодня! Говорю тебе – не помню! У меня такое странное состояние было, будто я пьяная, наверное, это от укола! И не могу вспомнить, что я делала!

– Но ты помнишь, как поехала к дому Анатолия? А зачем – это ты помнишь?

– Я решила закатить им скандал. Я собиралась сказать Ирине, чтобы они от меня отвязались! Что у меня этих вещей нет и они никогда ничего не докажут! И что я подам на них в суд! Помнишь, ты сам говорил, что можно на них подать в суд за телефонное хулиганство!

Виктор с трудом представлял себе Веру в роли скандалистки. Это было совсем не в ее характере – во всяком случае, как он себе ее характер представлял.

– Я? – удивился Виктор. – Не помню, чтобы я такое говорил...

– Значит, это сказал Женя. Он такой милый, так меня поддержал...

Ага, а Виктор, который все свое время практически целиком посвящает Вере, не милый, значит? И этот неведомый Женя, неизвестно как попавший сюда и неизвестно почему сославшийся на Виктора (знал, значит, что Виктор в отъезде?), поболтал немножко и сразу стал «милым»! Интересно...

– То есть ты с ним обсуждала свои проблемы?

– А что такого? – обиделась Вера. – Нельзя было?

И это было не похоже на нее... Право, Виктор не узнавал Веру. Вот так, с первым встречным... Может, она и это сочинила?

– Он тебе сказал название лекарства, этот Женя? Ампула сохранилась?

– Не знаю... Можно посмотреть.

Они пошли вдвоем в гостиную, где, по словам Веры, Женя сделал ей укол, но никаких следов ампулы не обнаружили. В мусорном ведре ампулы тоже не оказалось. Виктор, теряясь в догадках, потребовал показать след от укола и обнаружил синяк вокруг маленькой точки – укол был сделан неграмотно.

Ладно, некий Женя приходил. Совсем не от Виктора, от кого и зачем – неизвестно. Какой-то поклонник, который решил подобраться к Вере в отсутствие Виктора? Станный способ знакомства. С другой стороны, он быстро оказался «милым».

– Хорошо, – произнес Виктор, чувствуя, что окончательно запутался. – Он сделал тебе укол, вы поговорили с этим милым Женей, и он посоветовал тебе поехать к Ирине и устроить ей скандал?

– Ну да. Ты же сам говорил: «Лучший способ защиты – нападение».

– Я так никогда не говорил.

– Наверное, Женя сказал... Что-то у меня в голове путается.

– Ладно, – заторопился Виктор, которому показалось, что еще немного – и Вера не вспомнит вообще ничего: память словно вытекала из нее, как чай из надтреснутой чашки. – Что было дальше? После вашего разговора Женя ушел? А ты решила незамедлительно поехать к Ирине Львовне и все ей высказать?

Вера прижала пальцы к вискам:

– Ты знаешь, у меня такое странное ощущение, как будто я пытаюсь вспомнить фильм, который давно видела. Какие-то кусочки возникают перед глазами, но ты не помнишь их смысла и вообще не уверена, что они из этого фильма... Я вышла из дома... Да, кажется, это было так... Женя предложил меня подвезти... У него машина белая... Потом я оказалась у Толиного дома... поднялась на восьмой этаж... Звонила, стучала в дверь... Они мне не открыли. Я кричала...

– Кричала? Ты?

– Ты же сказал, что нужно устроить скандал!

– Веронька, я этого никогда тебе не говорил. Это тебе, должно быть, посоветовал Женя.

– Женя? Это кто? Веронькой меня всегда Толя называл... Почему его не было дома?

Вера опустила голову на руки. Виктор подошел, приподнял ее голову, заглянул в лицо, в неподвижные блестящие глаза.

И понял все.

Вере вкололи наркотик. Какой именно, Виктор не знал, и что это за Женя был, он тоже не знал, но в том, что она получила дозу наркотика, он был уверен.

– Верочка, – попробовал он потереть ее ускользящую память, – что было дальше?

Вера не ответила и не шелохнулась. Виктор отпустил ее подбородок, но лицо так и осталось задранным кверху, с застывшим зеркальным, не фиксирующим ничего взглядом.

Он отнес Веру в постель, раздел, натянул ночную рубашку, укрыл и устроился рядом, прихватив «свой» плед, которым обычно укрывался.

Он не сомневался в том, что это происки вдовы и ее любовника. Они все подстроили: и звонок из Мелитополя, чтобы удалить Виктора с места действия, и «коллегу», чтобы заставить Веру, плохо соображавшую, но возбужденную действием наркотика, устроить скандал перед дверью. Вера наверняка произвела на соседей впечатление пьяной! Как тогда Роман сказал: «Не захотите же вы прослыть дамой легкого поведения?» Они собираются подать в суд и теперь, конечно, потащат туда соседей, чтобы те расписали «моральный облик» Ве-ры... Интересно, что же Вера все-таки кричала у них под дверью? Оскорбляла? Угрожала? В это просто невозможно поверить! Немыслимо: Вера в роли скандалистки! Надо будет об этой истории все же в милицию сообщить...

Тревожно засыпая, он думал о том, как только какой-то час назад он мечтал спать рядом с ней и вдыхать запах ее волос. И вот он спал рядом, хотя и под отдельным одеялом и одетый, и до него доносился запах ее духов, но это было совсем не то и совсем не так, как ему мечталось...

Наутро Вера не могла вспомнить вообще ничего: ни Женю, ни свой демарш скандалистки – ни-че-го.

От вчерашнего дня остался только уже начавший желтеть синяк вокруг точки укола.

# ИНКОГНИТО

В четверг Марина отпросилась с работы.

Наталья, при жизни мужа целыми днями холившая свой круп в каком-то оздоровительном комплексе, теперь неожиданно вошла во вкус и с большим увлечением занялась делами унаследованной от него фирмы. Кажется, она там даже получила какой-то пост или статус – Марина не знала и знать не хотела. Но зато ей было известно, что Наталья торчит теперь в офисе чуть ли не каждый день, хоть и уходит туда только к полудню.

И к полудню Марина была уже у дверей отцовской квартиры. На всякий случай позвонила в дверь – никто не отозвался. И тогда, замирая от приятного и страшного холодка, прихватившего загревков, вставила ключ в замок. Она чувствовала себя героиней какого-нибудь боевика...

Но ключ не вошел. Марина нервно дергала ключ, пытаясь заставить его войти в прорезь, – безуспешно. Удивившись, она наконец присмотрелась к замку...

Паскуда! Она сменила замки!!! В папиной квартире!!! Как она посмела, ничтожная дрянь!!!

Марина зло пнула пару раз дверь, не жалея дорогих сапожек. Постояв еще некоторое время перед квартирой, никак не желая поверить, что ее план обломился, она наконец удрученно пошла вниз.

У подъезда отирался какой-то паренек, который ей игриво улыбнулся, но Марина ответила злым взглядом и с размаху прихлопнула за собой дверь подъезда: раз не знает кода, так пусть и сидит на морозе, ждет кого-то...

Сказать, что Марина была в отчаянии, – это ничего не сказать. Она была в бешенстве, она была вне себя от злости. Только Шанька, спаниелька, знает, какие наинелестнейшие слова нашла Марина, чтобы охарактеризовать Наталью. Судя по Шанькиной внимательной и сочувственной морде, она была совершенно согласна с хозяйкой.

Перспектива провести выходные в четырех стенах была невыносима. Только, казалось бы, Марина начала приходить в себя после папиной смерти, только начала забывать Наталью, так выплыла история с колье. Этого Марина ей никогда не простит! А свой провал с кражей – в особенности! Предусмотрительная бестия! Не забыла, что у Марины остался ключ от квартиры!

Не вынеся груза давивших ее мыслей, отчаяния и злости, Марина на следующий же день решительно отправилась на дискотеку. Нет, она не оставила своего намерения вернуть любой ценой колье! Если бы оно не было маминым, Марина бы, пожалуй, плюнула, несмотря на его ценность. Как все дети богатых родителей, она в отношении отнюдь не в поту доставшихся денег была довольно беспечна и тратила их легко...

Но колье было связано с мамой, с ее смертью, с ее памятью. Теперь, когда папы не стало, неразделенный груз вины перед матерью угнетал Марину... И бессознательно Марина переложила часть этого груза на мачеху: ненавистная Наталья превратилась в средоточие всех зол. В конце концов, это из-за нее так вышло! Не возникни эта потаскуха в жизни отца, не окрути она его, как знать, может, и с мамой бы что-то наладилось! В конце концов, Марина росла, взрослела, стала многое понимать, а там, глядишь, и сумела бы восстановить отношения с мамой – сначала свои, а там и папины...

Но все уже поздно, все неисправимо: мамы нет, папы нет... Есть только Марина и проклятая сука Наташка – и мамино колье между ними. И потому Марина затею свою не оставила: просто отложила, не

зная пока, что и как предпринять. Лучшее, что она могла сейчас сделать, – это немного отвлечься, успокоиться, чтобы потом, на свежую голову, все как следует продумать.

В конце концов, дискотека – неплохая вещь. Собственно, там она обретает именно то, что так привлекло ее в идее вояжа: инкогнито. Там она не дочка своего папы, там она не богатая невеста, там она не Марина Кисловская – девушка без фамилии, без истории, без журнальных статей о величине состояния или о мачехином изнасиловании... И восхищенные взгляды можно вполне принимать за чистую монету.

Вообще-то, Марина не любила ходить на дискотеки – это что-то вроде дурного тона, да и безопаснее в компании...

Но сегодня ей никого не хотелось видеть – ни Колю, ни Сашу. Она истово танцевала в одиночестве – то есть, конечно, в толпе, но сама по себе, прямо в центре площадки, ни на кого не глядя, прикрыв глаза. Всю силу своего злого отчаяния она вложила в ритмичные движения, ведомые музыкой. Выходило очень чувственно – даже она сама понимала, что чувственно.

Приоткрыв глаза, Марина заметила несколько весьма заинтересованных мужских взглядов, несколько откровенно неприязненных женских – к ним Марине не привыкать, девицы всегда ее недолюбливали, находя высокомерной и претенциозной.

Марина снова прикрыла глаза – смотреть было не на что. И почти тут же кто-то аккуратно тронул ее за локоть.

– Мне кажется, это вы уронили!

Перед ней стоял молодой человек, довольно симпатичный, прилично одетый, и мило улыбался, протягивая ей пачку «Салема».

– Спасибо! – Она действительно курила «Салем».

Марина приняла из его рук сигареты и расстегнула крошечную лаковую сумочку, болтавшуюся на плече.

– Ой, нет, это не мои!

Ее сигареты благополучно лежали в сумочке.

Марина вернула пачку молодому человеку и прикрыла глаза, желая поскорее снова впасть в состояние злого экстаза, которое порождал в ней ритм музыки.

– По-моему, вам следует сделать передышку, – прозвучал над ухом тот же голос.

Марина удивленно вскинула глаза на непрошеного советчика.

– Вы уже чуть-чуть задыхаетесь, – пояснил он. – Знаете, вы очень красиво танцуете. Но как-то странно... Я хочу сказать – отрешенно. Обычно на дискотеке все как бы танцуют друг с другом, а вы – сами по себе. Потому я и сказал: отрешенно. И еще... Вы не обидитесь?

Марина промолчала, глядя, однако, с интересом на неожиданного рецензента ее танцевального искусства.

– И еще агрессивно. Как будто хотите наказать кого-то. Может, даже убить... Нет, не всерьез, конечно, не смотрите так на меня! Вы, несомненно, воспитаны в духе культурных и гуманитарных ценностей и убивать никого, разумеется, не собираетесь... Это так, эмоция, знаете, на уровне восклицания: «Убила бы!» – за которым, к счастью, поступки не следуют. Но агрессию куда-то надо выплеснуть, и вы наполнили ею ваш танец... Впрочем, может, я и не прав. Пойдемте посидим в баре, вы не против? Ей-богу, вам надо перевести дух.

И, не ожидая ответа от Марины, он взял ее под локоть и вывел с площадки.

Она не сопротивлялась. Молодой человек был приятным, вполне интеллигентным и весьма проницательным. Пожалуй, он ее заинтриговал.

В баре она рассмотрела его повнимательней: лет двадцать восемь – тридцать, волосы светлые, чуть рыжеватые, глаза зеленые – вполне хорош собой... В нем угадывается некая вальяжность, уверенность в себе – он, несомненно, хорошо зарабатывает и занимает приличный пост. И вдруг Марине показалось, что она его уже когда-то где-то встречала...

– А я вас однажды видел на дискотеке... Если мне память не изменяет, пару недель назад. Вы были с каким-то молодым человеком...

«Ага, – подумала Марина, – вот почему его лицо показалось мне знакомым!»

– Меня зовут Славой, – представился молодой человек. – А вас? Если не секрет, конечно?

– Марина.

Интересно, а как же столь манящее ее инкогнито? Она не успела даже подумать, как губы произнесли ее настоящее имя... Плохая актриса из Марины! Ладно, не страшно, но теперь осторожно: фамилию называть не будем.

Но он и не спросил.

– Держу пари, Марина, что вы со своим кавалером поссорились! Ваш танец просто кричит об этом!

Марина нахмурилась.

– Только не сердитесь, пожалуйста, я вовсе не собираюсь лезть в ваши сердечные дела. Я просто... Честно говоря, вы мне очень понравились, и я таким неловким, можно сказать, способом пытаюсь выведать, есть ли у вас кто!

Наконец она улыбнулась.

– Так и быть, скажу вам правду: он мне не более чем приятель.

– Разве с приятелями ссорятся? – удивился Слава. – Ссорятся с близкими друзьями, с родственниками – с теми, с кем есть что делить! А когда делить нечего, очень легко жить в мире и прекрасных отношениях, так ведь?

Слава не мог даже себе представить, как точно попал в «яблочко»! Марине очень даже есть что делить с «родственниками»! Он весьма неглуп, этот Слава...

– Вы правы, я действительно настроена очень агрессивно. Но мой приятель тут ни при чем...

И неожиданно для самой себя она вдруг добавила:

– Все дело в мачехе.

На втором коктейле она рассказала Славе почти всю историю, опустив только самые интимные подробности. На третьем Марина плакала, испытывая невероятное облегчение от этих слез и от того, что кто-то участливо слушает, вникая во все нюансы ее чувств.

– Я ее ненавижу, стерву! Она кольцо украла, понимаете, у-кра-ла! Стырила, сперла, как последняя воровка! Если бы оно еще было просто драгоценностью! А оно – память о маме! – захлебывалась Марина коктейлем и слезами.

Слава осторожно похлопал ее по спине.

Марина довольно сильно опьянела. Язык ее поворачивался с трудом, но, несмотря на это, речь была

все еще связной.

– Вашему горю можно помочь, – приблизил к ней лицо Слава. – На свете существуют люди, которые умеют разговаривать с замками!

– Вы – вор? – Марина откинула голову – покрасневшие щеки, сверкающие глаза – и посмотрела на него в упор.

– А что, похож? – улыбнулся Слава.

– По-вашему, я знаю, как выглядят воры?

– Нет, успокойтесь, я не вор. Просто у меня есть один знакомый... Он мог бы нам помочь открыть дверь, за которой лежит ваша драгоценность... Это мой друг детства, в одном дворе росли, и, хотя судьба дала нам разные шансы, мы дружбу сохранили... Он работает слесарем, и ему столько раз в жизни приходилось открывать замки в квартирах бестолковых жильцов, что он, пожалуй, даст фору любому взломщику... А сейчас будет лучше, если вы пойдете домой. Я вас провожу. Вы на метро, на машине?

– На машине, – икнув, ответила Марина.

Слава посмотрел на нее, чуть усмехнувшись:

– Вот уж за руль вам садиться точно нельзя. Адрес-то свой не забыли? Я вас довезу. Не бойтесь, я в гости напрашиваться не стану... Я вам оставлю свой телефон – видите, даже не прошу ваш, – и вы мне завтра, если сами захотите, позвоните... Договорились?

Марина, снова икнув, кивнула и нетвердыми шагами направилась в туалет. Завершив основные дела, она хотела подкрасить губы, но почему-то помады в ее сумочке не было. Марина махнула рукой на свое пьяное отражение в зеркале, сочтя, что ей уже ничего не поможет, и вернулась к Славе:

– Поехали, служба спасения...

Слава, как обещал, деликатно высадил ее у подъезда, припарковал Маринин «Фольксваген», двусмысленных намеков не делал и к ней не напрашивался. Только пожелал спокойной ночи и, оставив в ее руках клочок бумаги с телефоном («Извините, в дискотеку свои визитки не беру...»), отправился ловить такси.

Утром, как ни странно, голова не болела. Было немного сухо во рту, вот и все. Марина не забыла вчерашнего разговора. Ей уже несколько раз случалось быть в довольно сильном подпитии – все эти молодежные компании, все эти «пей до дна!», а она никогда не знала, в какой именно момент надо остановиться, вроде трезвая-трезвая, а когда поймешь, что пьяна, – тогда уже поздно... Но даже когда ее не слушались ноги, когда кружилась голова и, бывало, тошнило, – ни ум, ни память ее никогда не подводили.

Вот и теперь она прекрасно помнила каждую деталь и прогоняла заново в памяти вчерашний разговор, чувствуя радостное возбуждение. Решение само, по мановению феи-судьбы вплыло ей в руки в виде Славы и его друга-слесаря! Гениально и просто!

А все же сомнения немного мучили. Она вроде бы поверила, что Слава не вор-взломщик. Хоть она эту братию никогда близко не видела, но все говорило ей, что это совсем иной тип... Слава явно получил приличное образование, говорит вполне литературно, наверняка фирмач...

Но кто поручится, что, открыв квартиру, они с «другом детства» не заберут это кольцо себе? Она ведь рассказала: *три бриллианта, один сапфир* ... Ценность большая, и вдруг они... Под видом помощи... Воспользовавшись ее беспечной доверчивостью...

Желание повернуть дело поскорее было настолько сильным, что Марина отмахнулась от опасений.

В конце концов, надо просто с этим Славой встретиться. Немного побольше узнать о нем: где работает, где живет. Не станет же ее грабить человек, который знает, что потом Марина сможет легко его найти?

Вот и все. И Марина, разыскав бумажку в кармане, набрала номер телефона.

Телефон был мобильным. Слава ответил сразу же. Пригласил назавтра в ресторан. И добавил, что будет рад познакомиться поближе.

Что ж, их желания явно совпадали.

## Кис думает

В воскресенье Кис традиционно отсыпался, компенсируя всегдашний недосып рабочей недели. Отоспавшись, он неторопливо отдал должное телесным потребностям, как то: душ и завтрак, и только потом, уже за полдень, приступил к работе умственной.

Это был тот момент, который он любил, пожалуй, больше всего: неторопливое обдумывание собранной информации, пасьянс идей и фактов.

У левого локтя на огромном, еще отцовском письменном столе – пепельница, пачка сигарет, чашка кофе: на завтрак он всегда пил чай, а вот мыслительный процесс любил сопровождать кофейком; по правый локоть, немного по диагонали, экран компьютера; клавиатура на выдвинутой полочке, пока ненужная. Старое черное кожаное кресло давно приняло форму Кисова тела, и он в него попадал, как в родственные объятия. Интеллектуальная работа тоже нуждается в комфорте, верно?

Для начала достал фотографии: Стасика, принесенные Галей из квартиры беглеца, и Феде, взятые у его матери. Разложил перед собой, одни над другими.

Фотографии Феде ограничивались возрастом семи-восьми лет – на глаз, подписаны они не были. Вряд ли сына снимала сама Дарья Степановна, скорей всего, у нее и фотоаппарата сроду не было, небось случайные снимки, сделанные редкими гостями, да пара на заказ в фотоателье. На этих даты стояли, и по ним Кис смог прикинуть хронологию. У Стасика фотографий было куда больше, они охватывали практически всю его тридцатилетнюю жизнь и к тому же были старательно подписаны на обороте. Но толку в этом было мало: для сравнения годились только черно-белые снимки первых восьми лет жизни обоих.

Не сказать, чтобы сходства между мальчиками совсем не было – оно было, хоть и достаточно отдаленное. Чуть удлинённый овал лица, в котором довольно круто обозначились щеки; широко расставленные глаза; прямая, почти без изгиба, переносица в профиль. Вот и дядя Петя говорил, что по профилю Стасика узнал... Стасик в детстве был рыж, Федя – блондин. Как это часто бывает, оба потемнели, превратившись в шатенов. Только оттенок волос должен быть у них разный – у бывшего рыжего более насыщенный, у бывшего блондина скорее сероватый, тускловатый, но кто обращает внимание на оттенки? Стасик был 1970-го года рождения, Федя – 71-го: почти ровесники.

Природа ли позабавилась, сблизив сходство с возрастом? Федя ли, шутник и артист, подправил свое лицо, чтобы походить на Стасика? Или преступник вообще кто-то третий, к Горику не имеющий никакого отношения?

Но чутье подсказывало Кису, что искать надо именно Федора Горика. Вот только как?

Проще всего было бы подкинуть эту ниточку ребятам с Петровки. Но попросить помощи у милицейских знакомцев Кис никак не мог. В самом деле, они же так просто это не проглотят, они же вцепятся мертвой хваткой: «А ну, Кис, рассказывай, зачем тебе этот Горик понадобился!» И вольно будет Кису ссылаться на тайну клиента – живым не выпустят, пока не продаст им хоть что-нибудь... А что же Кису продавать? «Да видите ль, мужики, Федя этот похож на Стаса, но на самом деле это он и есть искомый насильник и безобразник, а Стас тут совсем ни при чем...» – «И откуда ж ты это знаешь, Кис?» – прищурит старый дружбан Серега свой пронизательный глаз, а у Димки от любопытства аж усы ощетинятся. – «Так ведь, братцы, Стас в это время на свидании был с твоей женой, Димыч...»

Ясное дело, Кис на это не пойдет. Он никогда не был любителем навешиваться незванным гостем в интимное пространство чужих отношений. Да и профессиональная этика не позволяла.

Так что ищи, Кис, ветра в поле в одиночку...

Итак, дел о групповом изнасиловании жен в присутствии мужей было в общей сложности пять. Практически все они закончились инфарктами у мужчин, после которых один (третье дело) выжил, став инвалидом, четверо погибли.

Во всех пяти случаях мужчину усаживали и привязывали, а женщину намеренно насиловали перед ним, причем таким образом, чтобы мужу было все хорошо видно, чтобы от него не ускользнула ни одна мерзкая деталь.

Кроме того, во всех пяти случаях фигурировали театральные билеты, которые «выдавали» мужьям. На Петровке проверили – это были использованные билеты в разные театры Москвы на спектакли с «подходящими» названиями: «Великолепный рогоносец», «Сцены из супружеской жизни», «Укрощение строптивой», «Сублимация любви», «Школа жен»... Отпечатков Стасика, как, впрочем, и любых других, поддающихся идентификации отпечатков, на них не было. Билеты, скорее всего, были подобраны у выхода из театра.

Иными словами, изнасилования были поставлены как спектакли. То есть они были продуманы, слажены, распределены по ролям: каждый из насильников знал, что именно и когда ему делать. И даже одинаковые черные пальто и шапочки служили не просто одеждой, а скорее театральным костюмом, который, создавая бьющий по нервам контраст с обнаженным женским телом, одновременно служил превосходной маскировкой.

Техническая сторона была изощренной и жестокой. Возможно, склонность преступников к садизму, но, скорее всего, «постановочные эффекты» были предназначены для «зрителей»-мужей.

Во всех пяти случаях один из насильников, бывший в банде, по-видимому, чем-то вроде спикера (именно ему принадлежал звонкий молодой голос), произносил речь, из которой следовало, что происходящее насилие является актом восстановления социальной справедливости. Справедливость же в трактовке насильников состояла в том, что молодые красивые женщины должны заниматься любовью не со «старыми богатыми козлами», а с молодыми красивыми мужчинами... Пострадавшие действительно все были достаточно молодыми, намного моложе мужей, и в той или иной степени красивыми женщинами (кроме Ирины Львовны, но на ее месте случайно оказалась любовница).

Около года тому назад было еще одно похожее дело: некая юная манекенщица, сожительствовавшая со своим «спонсором», была изнасилована четырьмя мужчинами, которые также что-то несли насчет справедливости. Поздним вечером она остановила на улице машину – «спонсор» по каким-то причинам не смог за ней заехать, – девушку вывезли в ближайший пригородный лесок. Когда она добралась среди ночи до дома и предстала перед своим любовником в разодранной одежде, с выпачканным землей лицом, у «спонсора» случился инфаркт.

В том случае «спектакля» не было, но похоже, что орудовала одна и та же банда, несмотря на различие обстоятельств, места и времени действия. Во всех случаях насильники «восстанавливали справедливость». И все они закончились инфарктами у мужчин.

Кис был убежден, что все эти речи о торжестве столь оригинально понимаемой справедливости служили лишь для отвода глаз. Все мужчины были сердечниками, а Кис в совпадения не верил. И потому не сомневался, что эти театрализованные групповые изнасилования были не более чем изощренным способом убийства. Убийства мужей.

То есть настоящими жертвами изнасилования были, как это ни парадоксально, вовсе даже не женщины, а мужчины...

Первый инфаркт, случившийся около года назад у «спонсора», был, скорее всего, не запланированным: насилие не происходило на глазах у мужчины. Но именно этот случай должен был навести бандитов на мысль совершать убийства мужчин-сердечников при помощи изощренно поставленных сцен изнасилования... Откуда и перерыв в год – собирали информацию, искали, кому предложить свои хитроумные услуги...

Как же они находили свои будущие жертвы? Тут, пожалуй, кое-что просматривается: все жены ходили в тренажерные залы и бассейны одного и того же оздоровительного комплекса в районе Парка культуры. Женщины ведь как «оздоравливаются»? Крутят педали – и болтают. Плавают рядышком – и болтают. Потеют в сауне – и болтают. О мужьях и детях, о фирмах и делах, о собаках и домработницах, о друзьях и врагах, о болезнях и врачах, о рецептах блюд и последних светских выходах, о кремах для лица и новых диетах – болтают, болтают, болтают... Тут только ленивый нужной информации не выудит: кто кому конкурент и кто кому мешает. А уж через кого именно – это дело техники. Информацию могла с успехом поставлять как одна из посетительниц, так и кто-то из обслуживающего персонала.

Вряд ли «ревчетверка» (из школьной памяти всплыли «ревтройки»): тоже боролись за социальную справедливость...) выбирала сама жертву и действовала по своему усмотрению. Скорее всего, разобравшись, кто кому мешает, легко находила заказчика на свои услуги... Но только тогда дело почти гиблое. Все пострадавшие мужчины занимали довольно видные места в бизнесе. То есть круг заинтересованных в их устранении лиц мог оказаться достаточно широким – деньги, долги, некие деловые аспекты, связанные с дележкой сферы влияния... Ребята с Петровки пока шерстят именно в этом направлении, разматывают связи и дела, беседуют с персоналом и посетительницами оздоровительного комплекса...

Оставим им это занятие, у нас есть дела поважнее. У нас имеется Стасик. И наша задача состоит в том, чтобы полностью отвести от него подозрения. Либо доказать его алиби, либо доказать, что преступник не он – то есть найти настоящего преступника.

Итак, Стасик.

Первое дело, 14 октября, – Стасик не может вспомнить, что делал в тот вечер. Немудрено, спроси Киса, что он делал несколько месяцев назад в такой-то вечер, – ни за что не вспомнит, если только не было какого-то запоминающегося события. А вот его-то и не было: странности еще не начали преследовать Стасика. Но и алиби нет.

Второе дело, 8 ноября, – видимо, тогда, когда Стасик почивал на крыше.

Третье, 23 ноября, – Стасик провел вечер с Галиной. Это алиби, но воспользоваться им нельзя.

Четвертое, 21 января, – очнулся в подвале в интимном соседстве с некой женщиной. Стасику не пришлось в голову спросить ее имя... Помнится, она, по словам Стасика, обронила фразу о том, что ходила к родителям одного ученика. Учительница, стало быть. И наверняка в одной из ближайших школ. Этим Кис займется завтра же.

Пятое, 15 февраля, – Стасик посещал кладбище в компании «вампиров».

Ну, и что мы имеем с гуся?

Не так уж мало. В историях со Стасиком просматривается та же любовь к театрализации, к постановочным эффектам. Придуманно с фантазией и даже с юмором, сценки обставлены затейливо – тип с воображением... Кис даже головой покачал: ишь ты, будильник на крыше! Вампиры – просто костюмированный бал! Развлекается, сволота! Федя ли, мечтавший в розовый период своей жизни о карьере актера и режиссера, дорвался?

Ну ничего, артист, доберусь я до тебя...

Далее нет сомнений: за Стасиком следили. Следили прочно и довольно давно. О нем знали все: где бывает, как проводит время. Вещички у Стасика кто-то регулярно тырил. И чужие ему подсовывал, а потом их на места происшествий подбрасывал – уже с отпечатками Стасика... Значит, в банде есть карманник. Парнишка в синей куртке, следивший за Стасиком и выкравший у него пачку сигарет?

Учитывая, что в первом деле Стасик никак не задействован, можно сделать вывод, что его решили включить в игру, только начиная со второго, когда он сладко спал на крыше.

Отсюда вытекает возможное время встречи Артиста – назовем его условно так – со Стасиком. Встречи, которая для Стасика прошла незамеченной, а вот для Артиста оказалась плодотворной. Если исходить из того, что Стасик в близком окружении не имеет никого, хоть как-то сходного с ним внешностью, то надо предположить, что Артист увидел где-то Стасика случайно. И увидел он его не раньше октября.

Кроме того, склонность Стасика к пиву и его нелюбовь сидеть по вечерам дома в одиночестве они тоже изучили. И пивная сделалась отправной точкой...

Далее, имеется некоторое несовпадение: изнасилований было пять, а приключений Стасика намного больше. В тот вечер, когда он оказался на замерзшей лавочке на Пушкинской, равно как и во время его пребывания на «хазе» у геев-наркоманов, ничего не происходило. Было намечено, но по каким-то причинам сорвалось? Или наш Артист просто развлекался?

Кис почесал ухо. Перестановка мебели и заказ на уборку квартиры, тот самый, из «Вашего домового»... Надо будет завтра к «Домовому» в контору наведаться, проверить – был ли действительно таковой. Но был или не был, представление оказалось совершенно «бесплатным». От этого розыгрыша никакого практического толку насильникам не было, в тот вечер ничего не произошло. Значит, «для души» развлекались? Выходит, что так... Далеко не все побывавшие в руках Стасика вещички были оставлены на местах преступлений. Часть пропаж была бессмысленной, опять же пустая развлекаловка... Шутники, едрена вошь! Тогда делаем вывод: «лишние» Стасиковы приключения были также подстроены исключительно для развлечения «артистической» души. Или, проще говоря, Артист просто вошел во вкус и издевался над бедолагой Стасиком, исподтишка подсматривая, как тот потихоньку сходит с ума... Или...

Или именно это было его целью? Довести Стасика до полной неуверенности в своей нормальности, убедить его в проблемах с памятью, в склонности к клептомании... Чтобы в случае чего его детский лепет у следователя не вызвал даже малюсенького доверия? В самом деле, начни Стасик объяснять в милиции, что он ничего толком не помнит, но вот зато помнит, что провел ночь на кладбище с вампирами...

Именно! Артист намеренно и методично сводил Стасика с ума! И, надо сказать, в этом почти преуспел...

Теперь – что мы знаем о преступниках? Кое-что знаем. Две женщины преступников видели: Вера Лучникова, сорвавшая маску с одного из них, и Марина Кисловская, наткнувшаяся на всех четверых, когда они покидали квартиру ее отца. Проблема, однако, в том, что Кисловская, привлеченная жестом снимавшего шапочку-шлем бандита, сосредоточила внимание в основном на нем. Это был невысокий паренек, лет двадцати, русский, светлокожий, румяный («розовый», – выразилась свидетельница), глаза серые, лицо незапоминающееся, простоватое («деревенское»). Еще она успела разглядеть шатена со светлыми глазами и небольшой бородкой – борода ведь всегда привлекает внимание...

Именно с него сорвала маску Вера Лучникова. Она сумела его описать немного подробнее: ростом, глазами, цветом волос и бородкой этот тип действительно похож на Стасика... Собственно, фоторобот, составленный усилиями этих двух свидетельниц, являет собой почти точный портрет Стасика. И не случайно Марина Кисловская, встретив Стасика на улице, назвала его убийцей...

Откуда такое сходство? Стасик утверждает, что никаких тайн в истории его семьи не водится. Ни братьев, ни даже двоюродных братьев не имеется. Просто случайное сходство, один тип внешности? Что ж, и такое бывает... Возможно и то, что Артист, вполне случайно наткнувшись на Стасика где-нибудь на улице, решил воспользоваться их сходством – мы ведь уже убедились, что он тип с воображением и весьма остроумный. Допустим, он Стасика выследил и приставил кого-то из подручных его пасти дальше, чтобы все о нем вызнать... А сам принялся доводить сходство до максимума. Бороды у него раньше не было – во всяком случае, в том деле с юной манекенщицей, – так он мог специально отрастить бороду ради этой цели. Или там волосы подкрасить. Или линзы надеть. Что-нибудь в этом роде. А может, природа и сама сблизила их сходство с возрастом, и ему даже ничего не надо было придумывать. Вон у Киса во дворе жила девочка из простецкой рабочей семьи, помнится, зимой носила валенки и сморкалась прямо в снег, а лицом – ну просто двойник одной известной принцессы! С тех пор Кис каждый раз, видя ее на экране телевизора, все подсознательно ждет, когда же принцесса высморкается, зажав пальцем сначала одну ноздрю, потом другую...

Ладно, пойдем дальше.

Вера Лучникова обозначила похожего на Стасика бородача как главного – именно он был с пистолетом (который никто из потерпевших не сумел толком описать и опознать марку – его просто обозначили как «большой»).

И этого главного мы можем условно зачислить в Артисты и в Феде.

Далее, молоденький русачок с крестьянской внешностью, описанный Мариной Кисловской, напоминает парнишку в синей куртке, выкравшего у Стасика пачку сигарет. И все потерпевшие сообщили о «молодом голосе», комментировавшем ход событий. «Спикер» то есть. Он же «карманник»? Что-то юноша засвечивается по всем статьям... Но, возможно, в «ревчетверке» есть еще один молодой парень?

Двое других остались совсем неопознанными. Никто не слышал их голосов, не видел их лиц. Кисловская не успела обратить на них внимание.

Результатом длительных размышлений детектива стал краткий план из пяти пунктов:

1. Наведаться в пивную.
2. Найти учительницу и, если удастся, бомжиху.
3. Сходить в «Ваш домовой».
4. Найти притон геев-наркоманов.

Возможно, всех этих людей наняли. И, возможно, они признаются и сумеют описать того или тех, кто поручил им организовать розыгрыш и заплатил за это...

И последний пункт, пятый: поговорить с Мариной Кисловской и Верой Лучниковой. Разумеется, он внимательно ознакомился с делом на Петровке и неплохо помнил все свидетельские показания, однако полагал совсем нелишним встретиться с ними лично: может, выскочит какая-нибудь дополнительная деталь...

Нет, есть еще шестой пункт: навестить Александру Касьянову<sup>[2]</sup> Она – известная журналистка, и если по этому делу кто-то из ее коллег вел собственное журналистское расследование, то Александра может помочь...

Ладно врать-то, усмехнулся Кис, скажи себе лучше честно: хочешь увидеть Сашу.

Не выходит она у него из головы, вот уж больше года будет как...

## Кис действует

Шалопай Ванька так его и звал: «Кис в сапогах», когда на Алексея находило сыщицкое вдохновение. Тогда Кису и впрямь казалось, что, по аналогии с героем сказки Перро, ноги сами его несут в нужном направлении. Бывало даже, что ноги несли раньше, чем голова успевала это направление указать.

Вот и теперь, посидев немного у компьютера и набросав несколько вопросов и несколько мыслей, он вдруг рванул теплую куртку с вешалки и помчался к тому самому пивному заведению, о котором говорил Стас.

«В самом деле, – уже по дороге размышлял Кис, – все ниточки ведут туда. Каждый раз, когда со Стасиком приключалась очередная дикая история, отправным пунктом была пивная».

Следовательно, либо надо допустить, что Стасик болен и провалы в памяти настоящие, вызванные, предположим, особой реакцией Стасикова организма на пиво (такое Кису никогда не встречалось, ну да ладно), но очень уж странным образом эти потери памяти совпадали с преступлениями шайки, хоть и не все. Либо надо взять за исходную точку (а мы уже взяли!) мысль о том, что Стасика подставляют... Тогда и вывод совсем простенький: провалы в памяти Стасику организовывали. И, вне всякого сомнения, в его любимой пивной.

Стасик не помнит, чтобы рядом с ним всегда оказывались одни и те же люди. Но преступник мог работать и через кого-то, нанимая мужиков, оплачивая им пиво и поручая всыпать некое средство Стасику в кружку. Что за средство, Кис не знал, но выбор был невелик: снотворное и наркотик. Помнится, друг и коллега, он же француз Реми, рассказывал о таком наркотике, который полностью стирает память на период его действия: «date rape drug»...<sup>[3]</sup> Следовательно, надо поспрашивать завсегдаев пивной.

Было уже темно, мартовский снег, при свете дня грязный и тусклый, искрился, как новенький, под фонарем у входа. Из открытой двери пахло теплом, табаком и солено-пивными парами. В зальчике было шумно, народ гудел: беседовал за жизнь. За стойкой управлялась довольно молодая, невероятно тощая крашеная блондинка, игриво строившая глазки, ярко обведенные зелеными тенями, всем мужчинам без разбору. Состроила она их и Алексею.

Кис немедленно подобрался, улыбнулся со всей возможной задушевностью (которую он наивно принимал за ответную игривость), взял кружку разливного пива и доверительно сообщил, что он частный детектив. Красотка посмотрела настороженно и заинтригованно одновременно: в этом словосочетании – частный детектив – звучало что-то экзотическое, отдающее киношками и телесериалами, но в то же время неприятно близкое к милиции.

Кис пустился в разъяснения особенностей своей профессии, говорил нарочито громко, привлекая к себе внимание публики, и вскоре вполне естественным путем оказался в центре внимания ближайших столиков, а за ними, вслушиваясь в разговор, притихли и отдаленные. Расчет оказался верен: ему не пришлось обходить посетителей, задавая всем одни и те же вопросы, – народ, пришедший в пивную не столько за пивом, сколько за общением, принялся интенсивно общаться с залетным диковинным детективом.

Оказалось, что Стаса прекрасно помнили несколько человек, включая тощую блондинку На-дю, – последняя, впрочем, отозвалась о «красавчике» с кривоватой усмешкой, из которой Кис сделал вывод, что «красавчик» не слишком баловал кокетливую Надю ответным вниманием. И то – чистенький и интеллигентный Стасик должен был смотреться весьма выгодно на фоне краснорожих завсегдаев-работяг, и неудивительно, что нежное Надино сердце не простило обиды невнимания...

Версия, предложенная вниманию слушателей, была сформулирована следующим неопасным образом: Стаса несколько раз напоили до бесчувствия, и, видимо, специально, потому как бедный парень потом оказывался на месте краж со взломом ларьков... А сами понимаете, милиция – это еще не вся беда; куда хуже, что те, кому ларьки принадлежат, считают, что за парнем должок...

Рассочувствовавшись, мужики, одинаково не любившие ни милицию, ни ханыг, которым ларьки принадлежали, начали действенно вспоминать, с кем пил Стасик. Посыпались воспоминания и описания. Некоторые сошлись с теми, что Кису уже были известны от Стасика. Но детектива, усердно строчившего в блокноте, вовсе не описания интересовали. Он вслушивался в интонации и зорко окидывал зал, просматривая одно за другим лица: не выдаст ли кто своей причастности к делу всыпания или вливания в Стасиково пиво инородной субстанции?

Большинство лиц красноречиво заявляло о своей непричастности; некоторые были неразборчивы. Но Кис все продолжал усердно строчить и задавать вопросы с самым заинтересованным видом. И, дождавшись, пока народный энтузиазм достигнет апогея, небрежно выложил свою гипотезу:

– Думаю я, мужики, что Стаса не просто спаивали. А что-то в пиво подсыпали, вроде снотворного или еще чего, чтоб его вырубить! – Алексей строго обвел глазами лица и, выдержав паузу, веско добавил: – Вот только кто?!

С этими словами Кис, давно уже стоявший спиной к стойке, демонстративно обернулся и устремил пронизательный сыщицкий взгляд на На-дю, потому как вполне допускал, что именно она могла это сделать на раздаче. Вслед за детективом и мужики вытянули шеи, и Надя, оказавшись под прицелом пары десятков глаз, сначала было ответила гримасой возмущенного протеста, но вдруг залилась пунцовым цветом, дернулась к двери в подсобку, будто хотела убежать, но не убежала, а схватила какую-то тряпку и начала старательно протирать залитую пивом поверхность стойки.

В зальчике воцарилась тишина. Надя все механически возила тряпкой из стороны в сторону, и на шее ее проступали красные нервные пятна, а глаза намертво прилепились к стойке, спрятавшись под выкрашенными ядовитой зеленью веками.

Кис красноречиво посмотрел на мужиков: че, ребята, никак я в точку попал? И «ребята» отвечали медленно прояснявшимися взглядами: неужто? Да не может быть? Чтоб наша Надя?..

– Ай да детектив! – сипло проговорил вдруг один. – Ты, парень, прям как в «Деррике»! Давай, Надюха, колись!

Слезы потекли черными ручьями щедро наложенной туши.

– Если б я знала, разве б я стала? – хлюпала носом Надя. – Они ж, козлы паршивые, сказали, что посмеяться хотят!

– Они? Кто «они»? – вцепился Кис.

– Ко мне подходил один... Но сказал, что они все кореша и просто пошутить хотят... Я ж не нарочно!.. – Надя безотчетно утерла лицо мокрой пивной тряпкой, отчего щеки окончательно почернели.

– Хорошо, – великодушно принял объяснения Кис. – Видите, мужики, Надежда не нарочно. Дайте нам поговорить пяток минут наедине, лады?

– Лады, сыщик, – сказал тот же сиплый голос. – Делай свои дела. Но только ты смотри, Надюха, если еще с кем такие шутки шутковать вздумашь... Тогда тебе самой не до шуток станет, обещаю!

В тесной подсобке Кис быстро выяснил, что Наде хорошо заплатили за каждую «шутку» – по столынику; что парнишка, совсем молодой блондинчик, в синей куртке, веселый такой, ей маленький

пузырек давал каждый раз. Блондинчик говорил – в нем слабительное, для шутки... И бутылочки Надя выбросила...

Кис попенял Наде за легкомыслие:

– А если б хоть в одной яд оказался? В тюрьму бы за стольник села, дуреха!

Надя заливалась слезами пуще прежнего и просила никому больше про ее грех не рассказывать, да только Кис пообещать ей этого никак не мог: если понадобится, то придется Надю выволакивать на свет божий для доказательства невинности Стасика... То есть прямого алиби из этого приключения не вытянешь, но все же деталька важная, может свою роль сыграть...

– Знаешь поговорку: «Жадность фраера сгубила»? Во-во...

С этими словами он выпроводил испуганную Надю обратно за стойку, под недобрые взгляды завсегдатаев.

– А мне ты чего подсыпала, Надюша? – зловеще проговорил один. – Отравы? Яду крысиного? Может, моя супружница тебя попросила?

Гул в зале начал нарастать.

– Слушайте сюда, мужики! – перекрикнул шум Кис. – Надя чистосердечно призналась, что сделала она это по чужой просьбе и не со зла, а по легкомыслию и доверчивости. И больше никогда такой глупости не допустит, правда, Надежда?

Надя поспешно закивала, боясь поднять глаза на публику.

– И за это легкомыслие ей еще придется держать ответ, – ораторствовал Кис. – Так что допивайте ваше пиво спокойно и без опаски: ничего в нем нет и быть не может!

И, приблизив губы к ломким крашеным волосам, он быстро прошептал:

– Шла бы ты прямо сейчас домой, Надя. Можешь кого-нибудь на подмену вызвать? Я тебя у выхода подожду...

Надя испуганно кивнула и скользнула обратно в подсобку, где стоял телефон.

Кис даже немного пожалел, что прибегнул к такому шоковому методу выяснения правды, но... Наедине с детективом Надя могла бы и не признаться, а времени на долгие хождения и неопределенные подозрения у Киса нетути. В конце концов, не маленькая, должна была соображать! И все, что может теперь для нее сделать Кис, – это проводить до дома...

Но в зальчике, кажется, страсти поутихли, и теперь мужики шумно дискутировали на тему «ба-бы – дуры».

– А че, мне бы за это деньги предложили, так я б и сам че хошь подсыпал! – услышал он чье-то веселое ржание, закрывая за собой дверь...

## «Карден» и «Монблан»

Вечер в маленьком грузинском ресторанчике, затерянном в Чистопрудных переулках, оказался настолько упоительным, что Марина даже забеспокоилась. Слава был предупредителен, ухаживал красиво, но ненавязчиво, разговор вел непринужденный и с юмором, артистично травил разные байки из жизни и анекдоты (приличные) и к теме коле не возвращался. Марина хохотала от души и думала, что давно у нее не было такого легкого и приятного общения... Даже спросила:

– У вас явно есть актерские данные. Вы о карьере актера никогда не думали?

Слава рассмеялся:

– А вы проницательны... Верно, думал. Даже в самодеятельной студии занимался. Но, согласитесь, Марина, карьера актера в наши дни – это несерьезно. Артистичность – такая маленькая, крошечная часть таланта. А чтобы быть настоящим, известным и признанным актером, нужен большой и настоящий талант. Вот его-то у меня никогда не было. А на средненькую карьерку я не согласен. Так что идею эту я быстро выбросил из головы. Кстати, моя врожденная артистичность мне очень помогает в работе, в контактах с людьми... – С этими словами Слава протянул ей визитку: – Здесь все мои телефоны, но лучше звонить на мобильный: на работе горю, а дома бываю поздно...

«Вячеслав Соловьев, менеджер по маркетингу» – значилось на визитке под грифом одной довольно известной фирмы.

Заполучив визитку в руки, Марина окончательно успокоилась. И уж было открыла рот – напомнить о друге-слесаре, – как вдруг испугалась. Ей бы не хотелось, чтобы Слава решил, будто она встречается с ним только из-за обещанной помощи. Кажется, их отношения начали складываться, не стоило их портить практическими аспектами. С коле Марина может и подождать немножко; пусть эти отношения сначала чуть-чуть разовьются...

Слава ей всерьез понравился. И Марина безмерно удивлялась новому для нее чувству, даже беспокоилась, понимая, что ее захватывает – нет, уже захватило – что-то новое и сильное, еще не испытанное ею в жизни, но была так счастлива...

Как всегда, все испортила Наталья. Она позвонила на следующий день и без всяких предисловий спросила с напором:

– Ты брала мои часы?

– Какие еще часы?

В тон, которым был произнесен этот вопрос, Марина вложила столько брезгливого отвращения, что Наталья даже заглохла на некоторое время.

– «Пьер Карден», с бриллиантом. Ты знаешь, – после некоторой паузы более осторожно, но сухо прорезалась она, – это подарок моего мужа. И, между прочим, у меня еще пропал золотой «Монблан»![\[4\]](#) Тоже его подарок!

«Моего мужа», ишь ты! Как будто речь идет не о Маринином отце, а о каком-то неизвестном дядьке! Это она юридический аспект подчеркивает, щучка: мол, часы являются подарком и, соответственно, ее личной собственностью...

– Интересно, как я могла их взять? У меня ключа от новых замков, между прочим, нет!

– А-а, – взвизгнула Наталья, – значит, ты все-таки пыталась войти в квартиру?!

– Иди ты, – спокойно сказала Марина. – Ты мне надоела до бесчувствия еще при жизни папы, понятно? Но тогда мне деваться некуда было, а теперь, когда папы нет, я ни видеть, ни слышать тебя не желаю. Ищи сама, куда сунула свои часы с ручками, хоть в заднице! А мне больше не звони! Поняла?

И Марина бросила трубку. Она всегда была на «вы» с Натальей Константиновной, но сейчас получила кайф от своего бесцеремонного тыканья: эта проститутка другого обращения не заслуживает. И очень хорошо, что Марина ее послала: когда она выкрадет кольцо, сделает точно так же – пошлет Наташку. Пусть ломает голову, куда кольцо задевала: замки она сменила, Марина не могла его взять! Часы и ручку задевала же куда-то? И кольцо тоже, вот и все.

Вдруг ужасно захотелось позвонить Славе и пожаловаться ему на наглую Наташку, пожаловаться таким жалобным, детским, тонким голоском и снова услышать слова сочувствия и утешения... Раньше Марина никогда не нуждалась ни в сочувствии, ни в утешении, раньше у нее не было потребности делиться своими эмоциями и мыслями с кем бы то ни было, а вот теперь, надо же, потребность возникла... Что ж этот Слава так запал в ее душу?

Впрочем, раньше у Марины просто не было проблем. А когда и были, то малюсенькие и незначительные, и решал их всегда папа...

Папа, папа, что ж ты бросил меня? Бросил дважды: при жизни – из-за этой суки и умерев – из-за этой суки...

Она не успела позвонить Славе – он позвонил сам. В его голосе звучала откровенная нежность, и Марина почувствовала, как забилося ее сердце. «Ой-ой, что-то события разворачиваются чересчур уж стремительно!» – на всякий случай испугалась она. Но испугалась неискренне: она на самом деле была невероятно рада его звонку и из предложенной гаммы мест для встречи (места были все светские: театр – кино – выставка – дискотека – ресторан; домой он по-прежнему не напрашивался и к себе не звал, что Марина весьма оценила) выбрала ресторан: место для беседы, в отличие от всех остальных. И с упоением принялась сочинять туалет.

На этот раз Слава повел ее в маленькое заведение со смешным названием «Городское кафе», находившееся прямо рядом с Белым домом. Целая бригада вежливых мальчиков и девочек ринулась их обслуживать. Посетителей было немного, цены умеренные – скромно и симпатично. Марина пыталась понять, почему Слава выбрал именно это кафе: его финансы, кажется, вполне позволяли предложить что-нибудь пошкарнее... Ей бы не хотелось подозревать Славу в жмотничестве, и она предпочла думать, что он просто не страдает дешевым пижонством. И даже, учитывая милый уют этой кафешки без особых претензий, отличается хорошим, здоровым вкусом.

Но Слава не замедлил пролить свет на причины своего выбора:

– Здесь не очень много народу, не шумно, никто не помешает нам с тобой насладиться взаимным общением!

Желание интимности в качестве объяснения устроило Марину еще больше.

Они заказали какие-то восточные блюда, и беседа легко потекла под грузинское красное вино.

...Она все-таки пожаловалась. Конечно, не тоненьким голоском, но все же, пожалуй, немного детским. Она пожаловалась на Наталью, на папу; потом вспомнила и маму, и свой политический союз с отцом, и чувство вины перед матерью, до сих пор не отпускавшее ее... Она жаловалась на себя, на свою детскую жестокость и недомыслие, на мамину суровую решительность, с которой она ушла из жизни, оставив раз и

навсегда непоправимыми Маринины поступки; на подсознательный страх предательства, который тормозит отношения Марины с мужчинами...

Она пила вино и говорила, говорила, выплескивала все свои печали на Славу. Что-то было в нем... Может, разница в возрасте? Он был старше, чем все ее прошлые ухажеры, ему было лет тридцать, – может, поэтому она безотчетно воспринимала его как замену ушедшему папе, всегда решавшему ее проблемы? Бог весть. Главное, она пожаловалась, и ей это было приятно. Еще приятнее было то, что Слава протянул руки через стол и, поймав ее прохладные пальцы, крепко сжал их, сопроводив жест ласковой и понимающей улыбкой и взглядом, в котором светилось что-то большее, чем просто сочувствие...

И сразу показалось, что в мире больше нет и никогда не будет проблем, с которыми Марине придется сталкиваться: в жизни будет Слава, который подставит свое плечо.

Плечо, кстати, было сильное, широкое, мужское. На нем Марина и проснулась. Слава безмятежно спал рядом, его красивый профиль вырисовывался на фоне розоватых обоев ее спальни. Накануне вечером, когда он проводил ее после ресторана, она предложила ему чашку кофе или чая «на дорожку»; но это же все знают, правда, что означает «чашка кофе»? Марина тоже знала, и Слава, когда он ласково улыбнулся и сказал: «С удовольствием», – он тоже знал...

Слава был красив, строен, и любовником он оказался чудесным. Маринин опыт был скуден: из-за некоторой затрудненности в общении с мужчинами она предпочитала скорее случайную связь время от времени, чем регулярный секс, предполагавший отношения, которых она избегала. А отсутствие регулярных отношений не позволяло ей набраться опыта ни в сексе, ни в общении... Слава же умело вел ее и в том и другом.

Она посмотрела на его дивный профиль, на широкую грудь с темными пяточками сосков и положила свою голову ровно посередине, счастливо замирая под рукой, которая тепло накрыла ее...

Потом они снова занимались любовью, и его потрясающее знание, чувство женского тела снова восхитили ее... Он был так точен, так умел следовать ее малейшему, хоть и невысказанному желанию! И Марина, чувствуя его тяжелое присутствие в себе, счастливую физическую наполненность, по которой ныло и тосковало ее тело, произнесла:

– Слава, скажи мне, что так будет всегда...

– Так будет всегда, – улыбнулся он нежно, – девочка моя...

Он сам заговорил об этом за завтраком:

– Ты знаешь, это совсем неплохо, что Наталья потеряла свои цапки. Когда мы заберем твоё кольцо, она будет думать, что и его тоже куда-то сунула... Ты ведь еще не передумала добыть кольцо, как я догадываюсь?

И, поймав ее взгляд, отчего-то немного смущенный, – может, этим небольшим напором, его прямоотой, – он улыбнулся и добавил:

– Ты ведь из тех, кто доводит свои решения до конца, не так ли? Я уже успел немножко изучить твой характер...

Дело представлялось исключительно простым: когда Наталья уйдет в очередной раз на фирму – а они проследят за ней, чтобы быть уверенными в этом, – друг и слесарь по имени Виталик подберет или подгонит подходящий ключ, аккуратно вскрыет замок. Виталик мастер, и ни одна экспертиза, если даже Наталья вдруг вздумает заявить о краже, не найдет следов взлома. Пока Виталик будет работать, Марина

постоит на стреме, чтобы, не дай бог, не столкнуться с соседями. Потом, наоборот, Марина пойдет в квартиру, а мужчины постоят на стреме. Перчатки ей даже надевать не надо: в доме и так полно ее отпечатков. Возьмет колье, Виталик дверь так же аккуратно закроет, они осторожно выйдут, сядут в машину и поедут к Марине. А дома Марина спрячет колье, хоть в этом никакой нужды и нет – у Натальи ведь никогда не было ключей от ее квартиры, верно? Да она и не догадается, что это Марина. А если даже и догадается, то никогда не докажет.

И потом они пригласят Виталика в ресторан: надо будет отблагодарить парня за помощь, а денег он с друга не возьмет... Марина ничего не имеет против какого-нибудь нешумного интимного местечка? Как раз и отпразднуют восстановление справедливости, да, Маринка? Как тебе такой планчик?

Планчик Марине очень нравился, и реализовать его было решено в самое ближайшее время.

## Хорошая песенка

Она нашлась на удивление быстро: во второй же школе, описав завучу внешность сообитательницы Стасика по подвалу, Кис получил в руки имя, фамилию и расписание. Звалась учительница Любовью Семеновной, и урок у нее заканчивался через пятнадцать минут.

Кис подождал, пока она вышла из класса и направилась в учительскую. Представился, кратко объяснил суть вопроса.

Любовь Семеновна перепугалась насмерть и, оглядываясь, потащила детектива за рукав в укромное местечко под лестницей.

– Не говорите никому, ради бога! Вы же знаете, что такое женский коллектив: завтра все будут рассказывать, что меня изнасиловали вдесятером! И еще и подробности распишут! Умоляю!

Получив заверения Киса в честнейших намерениях и могильном молчании, она описала сцену в подвале со своей точки зрения, которая, впрочем, ничем не противоречила Стасиковой. Однако Любовь Семеновна категорически отвергала все подозрения о ее добровольном участии в розыгрыше.

– Я, по-вашему, с ума сошла, соглашаться – пусть даже и за деньги, – чтобы меня камнем или чем там по голове били?!

Короче, Алексею пришлось смириться с мыслью, что учительница говорит правду и ниточка обрывается. Ее, вполне возможно, и впрямь включили в мизансцену случайно, просто потому, что попалась под руку, и фантазия Артиста быстро сварганила свежий поворот в затеянном спектакле под названием «Пробуждение в подвале».

Оставалась бомжиха. Но тут Алексея снова ждала неудача: несколько опрошенных им бомжей, прибывших к этому жилому микрорайону, по его описанию женщину «своей» не признали...

Стало быть, именно она была нанята Артистом. Что вполне логично: надо было Стасика задержать в районе присмотренного подвала, оставить разговор с бомжихой в его памяти и посеять сомнения в его душе... Средство, которым потчевали Стасика, имеет определенный временной интервал действия, как все медицинские препараты в мире, стало быть, они рассчитали маршрут Стасика и время, в которое оно начнет мутить голову. И именно в этот момент возникла на его пути «бомжиха». Может, настоящая, может, нет – поди узнай.

Вот только, похоже, найти ее не удастся...

Вернувшись домой, Кис застал своего помощника за необычным занятием: Ванька, подперев кудлатую голову кулаком, сидел над учебником по таможенному праву. Прямо «Мыслитель» роденовский, да и только!

– Ваньк, а Ваньк! Ты не приболел, случаем?

Ванька аппетитно потянулся и потер осоловелые глаза.

– Будет тебе издеваться... «Хвост» у меня. Сдавать послезавтра.

– Скажи-ка, у тебя знакомых геев не завелось?

– Да нет как будто... А тебе зачем?

– А наркоманов?

– Ну, знаю таких, которые балуются, но не слишком близко... Да ты б прямо сказал, чего нужно-то?

– Понимаешь ли, надо мне найти притончик один – квартиру, в которой собираются гомосексуалисты и наркоманы. Стасика туда притащили в беспамятстве и вынесли оттуда в нем же. Ни дома, ни улицы, ни района – ничего не знает! А мне бы с теми ребятами потолковать надо: уверен я, что им тоже приплатили за спектакль.

Ванька присвистнул.

– Ну ты даешь, Кис! Седина в бороду, а наивен, как малолетний, поскольку даже среднелетние уже разбираются в таких делах... Да таких притонов по Москве знаешь сколько? И потом, найди ты его – дак кто же тебе правду выкладывать станет? Был бы ты хоть свой... А ты почти мент! Ни за что не признаются.

– Смотря как подойти!

Ванька окончательно оторвался от учебника, устроился поудобнее и расплылся в ехидной улыбочке:

– Ну, давай, расскажи, как ты «подходить» собираешься? Кулаком в морду? «Зелеными» подкупать будешь? Или «колесами»? Ой, умора!

– Слушай, ты хорошую мысль мне подкинул... Если в пивной они деньгами рассчитывались, то с этими – наверняка наркотой!

– Правильным путем идете, товарищи. Да только какой тебе прок от «хорошей мысли»? К делу не пришьешь! А доказать не сможешь. Выбрось лучше из головы, старина: безнадежная затея. Хазу не найдешь и признания чистосердечного не получишь. Да и потом, зачем тебе? Ведь в тот день никаких изнасилований не было!

– Во-первых, это бы неплохо дополнило историйку с пивной, – в этом месте Кис вкратце резюмировал свой поход к Наде, – а во-вторых, хотел бы я узнать, кто этих геев-наркоманов попросил разыграть Стасика. У меня уже нарисовался один юный блондин... Может, опять он?

– Ну, допустим, опять блондин... Дальше что? Адресок надеешься получить?

– Как знать, как знать... Ужинать будешь? Я пельмени купил.

– Какие?

– «Сибирские». Адресок-то вряд ли, такие люди, как правило, выныривают из тени и уходят в тень... Задание дали, заплатили и растворились на природе. Но вдруг повезет? Он может оказаться чьим-то знакомым, может оказаться ниточкой...

– Да ты найди ее сначала, эту ниточку!

– Вот ты, Ванюша, этим и займешься, – сладко улыбнулся Кис. – Так будешь пельмени, говоришь?

Кис слабо верил в то, что Ваня сумеет найти какие-нибудь подходы к притону. Но пусть попробует малец, в конце концов, должен же он комнату иногда отрабатывать!

А у Алексея в списке оставался еще «Ваш домовой».

Туда Кис и поехал прямо на следующий день с утра пораньше. И остался разочарован: да, «Стасика» помнили и по фотографии опознали. И утверждали, что он самолично приходил и сделал заказ на уборку квартиры, и адрес свой указал, и ручку свою забыл...

На ручке той чужие отпечатки если и были, то уже давно затерты...

«Что же у нас получается? – размышлял Кис, садясь в машину. – А получается у нас вот что: сходство

достаточно выраженное, и в данном случае бандит сам выступил в роли Стасика, не прибегая к подкупу персонала. И ниточка опять обрывается ровно в том месте, где некто оказывается очень похожим на Стасика...

В общем, на том же месте, в тот же час. Хорошая песенка».

К Марине Кисловской Алексей поехал без звонка. Он всегда предпочитал появляться неожиданно, не оставляя собеседнику времени на подготовку к разговору, – так оно надежней. Меньше неправды, намеренной и ненамеренной, больше непосредственных эмоций. Да и меньше возможностей отказаться от встречи.

Марина Кисловская была бы весьма миловидной девушкой, если бы ее не портили замкнутое и самолюбивое выражение лица, настороженно-оценивающий взгляд. Эта надменная гримаска, эти сухо поджатые губы, эти прищуренные глаза, не выпускающие взгляд, не просто портили ее, но и старили, лишая юной непосредственности. Кис прикинул, что лучше всего держать с девушкой дистанцию, и взял самый вежливый тон, на который только был способен.

Она отвечала на вопросы рассеянно, будто была погружена в важные мысли, будто ее воображение было прочно занято чем-то или кем-то. Она даже не спросила, кто его нанял – обычный и первый вопрос, который задают ему люди и на который Кис никогда не отвечает, ссылаясь на тайну клиента.

Выслушав скупой рассказ о событиях, уже известных Кису из дела, он спросил:

– Вы принимали участие в составлении фоторобота. Вы так хорошо запомнили лицо бандита?

– С первого раза, может, и не так уж, но я встретила его потом на улице. И во второй раз запомнила очень хорошо!

– То есть, если что, вы сможете его опознать?

– Вы прямо как тот журналист!

– Какой «тот»? – немедленно вцепился Кис.

История о беседе с неким Юрой Новиковым из «Московского комсомольца» Алексею не понравилась. Зато понравилось выражение лица Марины: увлеченная рассказом, она расслабилась, черты смягчились, глаза выплыли из разгладившихся век и ярко засинели, и она стала чертовски хороша. «Вот так бы всегда, девушка, – подумал Кис, – не стоит себя уродовать глупой гримаской богатой старухи».

– Он вам сказал, что именно собирается публиковать: интервью? Статью? – спросил Алексей несколько дружелюбнее.

– Нет... Или я не запомнила.

– Если он собирался опубликовать интервью, он должен был, по идее, вам позвонить и попросить подписать текст! Он вам звонил?

– Нет...

– Допустим, он собирался публиковать не интервью, а статью. В таком случае ваша подпись необязательна... Он мог бы, конечно, позвонить вам просто из вежливости и предупредить о выходе статьи... Но с вежливостью у нас плоховато обстоят дела... А вы, значит, не удосужились узнать, что там написали – или не написали в газете?

– Честно говоря, я собиралась. Но тут всякие обстоятельства... Короче, у меня это вылетело из головы.

– М-да... – произнес Кис озабоченно. – А что за «всякие обстоятельства»?

– Ох, это не имеет никакого отношения к делу! Это личное.

– А все же – расскажите! – задумчиво попросил Кис голосом доверенной подруги.

Но его попытка сократить дистанцию не удалась.

– Я же сказала – личное, – неподкупно отозвалась Марина. Лицо ее моментально захлопнулось, обдав холодом, как дверь на мороз.

«Интересно, что за «обстоятельства» так занимают эту девушку? – размышлял Кис, покидая ее ухоженную квартиру. – И что за журналист встречался с Мариной? Да журналист ли?»

Короче, у него появился еще один повод, чтобы заехать к Александре.

# Александра

Кис у Александры давненько не был – избегал. Со времени их знакомства прошло уже больше года, и Кис с тех пор видел ее всего три-четыре раза, да и то по делам: боялся потерять голову. Эта женщина влекла его к себе невероятно, свои же шансы Кис оценивал как нулевые, и бесперспективность чувств добивала его окончательно – проще было не встречаться. Сейчас снова возникла необходимость в ее помощи и совете, и он поехал, предварительно созвонившись.

Так было заведено: Александра никогда ему не звонила, не звала – звонил он сам, находя тот или иной предлог. Но Александра всегда ему радовалась, встречая как друга.

Как друга...

Тогда, во время расследования по делу об убийстве Тимура, в котором была замешана Александра, он чувствовал себя куда свободнее. Он напал, он припирал к стенке бестактными вопросами, он повелевал – он был главным, и от него зависело всё и все. Включая надменную и язвительную журналистку Александру Касьянову.

Но нынче зависимым стал он сам. Теперь у него не было прежнего права следователя и вершителя судеб, а другого права он так и не приобрел.

И он стал смирным, ручным. Он стал *другом*.

Он всегда приходил без цветов, с бутылкой вина или джина, который она любила, или с конфетами к чаю: он приходил *другом*, не поклонником, не любовником. Они вместе ужинали, пили вино или джин; они пикировались, они беззлобно ругались, они много смеялись – Александра всегда умела рассказать остроумно и колко о своих светских похождениях... В общем, дивно проводили время как старые добрые друзья.

Это было до бешенства несносно, но это было единственное, что он мог себе позволить. И всё, что ему было позволено.

Лучше, чем ничего.

Лучше, чем ничего?..

И вот он опять ехал к ней – счастливо обмирая в предвкушении встречи и стараясь не думать о том горьком послевкусии, которое эта встреча оставит: одинокий вечер в пустой и неухоженной утробе его квартиры, немного скрашенный присутствием шалопая Ваньки; вечер, когда он вновь останется один на один с растревоженными в душе и теле чувствами...

Александра встретила его радостно. Она как-то похорошела и помолодела за последнее время, видать, прошлое стало потихоньку отпускать ее душу... Ее темно-карие, персидского разреза глаза живо блестели, густые каштановые волосы немного отросли и ладно обрамляли точеный овал лица – по-прежнему стрижка, но уже не «мальчуковая», а более женственная.

Обычно Александра была одета по-домашнему, она, как и Кис, любила дома чувствовать себя комфортно и носила мягкую, не стесняющую движений одежду. И сегодня на ней тоже была одежда домашняя, но какая-то особенная: свободная рубашка-косоворотка из белого шелка с тонким черным кантом по краям и рядом мелких черных пуговиц по левому плечу, шелковистые черные лосины. Этот костюм необыкновенно шел к ее высокой тонкой фигуре: полупрозрачный шелк льнул к груди, выдавая два полукружия белого кружева на смутно розовеющей коже, и вольными складками разбежался дальше,

неожиданно кончаясь на стройных ляжках, плотно схваченных черными лосинами...

Кис, с трудом оторвав глаза от игры белого шелка, ревниво напрягся: ждет кого-то еще? Для него она так никогда не одевалась...

Александра предложила кофе – совместный ужин сегодня не предвиделся, ей надо было уходить к девяти вечера на очередную тусовку. Оживленно накрывая на стол, она расспрашивала Алексея о делах и о жизни. («Да что ж ты хочешь, чтоб я тебе рассказал? Все как всегда: работаю...» – отвечал Кис.)

Когда дымящийся кофе зачернил две белые чашки, раздался звонок в дверь. Было семь вечера, время для визитов подходящее, и Кис поморщился: в кои веки к ней выбрался, так нет – кто-то приперся! Александра вела весьма светский образ жизни, и неудивительно, что...

Она вернулась из прихожей с букетом красных роз. В сердце больно уколола ревность: никак поклонник завелся! А собственно, отчего бы ему и не завестись... С какой стати молодая красивая женщина будет сидеть в одиночестве? Бури прош-лого немного улеглись, Александра ожила, и душа ее снова готова любить... Разве не так? Разве Кис что-нибудь ей предложил? Смог предложить? Посмел предложить? Разве они чем-то связаны? То-то. И не ворчи, старина. Ты не имеешь права даже на ревность... А то, что это женщина твоей мечты, – об этом знаешь только ты.

Александра небрежно впихнула цветы в вазу, и Кис возрадовался: может, поклоннику здесь не отвечают взаимностью?

– Достал, – произнесла Александра.

– Заметил, – отозвался Кис. – По жесту.

– Вот скажи мне, ты бы преследовал женщину, которую любишь, Алексей?

Ох, как ему нравилось, когда она называла его так: «Алексей...», немного растягивая последний слог! Музыка!

– Если бы при этом она не отвечала тебе взаимностью? – уточнила Александра.

Кис насторожился. Уж не намекает ли она?..

– Нет. Не преследовал бы, – произнес он сдержанно.

– Потому что ты любил бы, – кивнула Александра. – А он – он хочет завоевать. Вопрос престижа. Все бабы писают в трусики, а я – нет. Не может переварить.

Ну да. Александра у нас – звезда журналистики. Дружба с ней считается престижной, а уж положить ее, известную своей дерзкой неприступностью, в постель – это должно быть сравнимо с кубком чемпиона...

– Кто – он?

– Германн.

– Какой Германн?

– Ну ты что, не знаешь? Звезда эстрады. Певец. Дешевка, но смазливый. Волосы длинные, голос бархатный, глазки масляные, голова пустая. Пей кофе, остынет.

Александра придвинула к нему тарелочку с бисквитами. Но новый звонок в дверь снова помешал кофепитию.

– У тебя всегда так? – вдогонку спросил Кис.

Александра вышла в прихожую и открыла дверь.

– Вы Александра Касьянова? – раздался звонкий пионерский голос.

Кис не удержался и высунул нос в прихожую. В дверях стояла невысокая девушка, лет двадцати максимум, крашенная блондинка с неумелым ярким макияжем, напомнившая Алексею Надюху из пивной. Броский фиолетовый наряд с люрексом совершенно не шел к ее простому и вполне миловидному лицу. Если бы не это свежее личико, ее можно было бы принять за потаскуху.

– Для вас – Александра Кирилловна, – сухо ответила Александра. – Чему обязана?

Девушка гордо вздернула носик, но при этом порозовела от смущения.

– Может, вы позволите мне пройти?

– Не позволю. Чему обязана?

– Я – жена Германна!

Александра молча ждала продолжения. Но и девушка молчала, с вызовом глядя на нее.

– И что дальше? – поинтересовалась Александра.

– Я желаю узнать, что у вас с моим мужем!!!

Александра рассмеялась:

– Идите домой, девушка. К мужу. И спросите у него.

– Я спрашивала! Он ответил, что у вас с ним «отношения»!!!

– Вот как? Похоже, мальчик выдает желаемое за действительное.

– А-а, «желаемое»?! Значит, он вас «желает»?!

– Возможно.

– А вы его?

– Я никого не желаю.

– Я вам не верю! Вы его заманили, соблазнили! Иначе бы он не стал за вами бегать! Если он вами заинтересовался, значит, это вы его собой заинтересовали!

Александра расхохоталась:

– Уймись, сударыня. Я не заманиваю и не завоевываю мужчин. И если мне случается выбирать, то я выбираю из тех, кто любит меня.

– Так вы же сами сказали, что он вас желает! Он по ночам бредит вами! Он меня Александрой называл, когда мы... В общем, в интимный момент...

Она снова залилась краской, и Кису стало ее жалко. Но Александра оставалась по-прежнему сурова:

– Девушка, вы не обратили внимания на два слова: первое – «выбираю», второе – «любит». Выбираю – это значит не отвечаю любому и каждому, понимаете? А «любит» – это не то же самое, что «хочет». Если у него член готов протаранить брюки, то это называется «хочет...». А дальше подставьте то, что вам больше по вкусу, – хочет: уложить в постель, трахнуть, поиметь, засадить... Впрочем, достаточно. Русский язык богат, но все эти изысканные выражения начинаются со слова «хочет», так что можно им и ограничиться. А я – послушайте еще раз – я-выбираю-из-тех-кто-меня-любит. Понятно?

Жена Германна смутилась. Глаза опустила, и слеза не замедлила блеснуть из-под ресниц.

– Вы хотите сказать... – растерянно пробормотала она.

– Я не хочу сказать. Я сказала.

– То есть между вами и моим мужем...

Слеза поползла по щеке. Александра смилостивилась:

– ...ничего нет. И не будет, уверяю вас. Можете ему это передать. А заодно и вот это...

Она метнулась в комнату и вручила девушке розы, мокрые от воды.

Кофе, конечно, остыл.

– Больше никому не открываю, – сообщила Александра, отламывая кусочек бисквита. – Рассказывай, что там у тебя?

Кис все никак не мог сосредоточиться. В голове крутилась фраза: «Выбираю из тех, кто меня любит»... А ведь он – любит... Он об этом старается не думать, верно; он гонит от себя ее образ и мысли о ней; он ни на что не надеется и потому закрыл эту тему для себя раз и навсегда... Но если бы он мог позволить себе тему «открыть», то чувства, замороженные разумом, оттаяли бы и хлынули... Весьма бурным потоком, если честно.

Только проблема в том, что если одна часть ее сентенции верна: Кис любит, то другая часть – «я выбираю» – это вилами на воде писано... Но, может, Александра не догадывается о чувствах Киса? Он их так ловко запрятал, что и сам уже не знает...

– Эй, ты где, Алеша?

Кис очнулся. «Алеша» – это было еще лучше, чем Алексей!

– Мне нравится, когда ты меня зовешь «Алеша», – сказал он, посмотрев ей прямо в глаза. – Меня так редко зовут: все больше Кис или Алексей... А Алешей – почти никто. Только самые близкие друзья, а у меня их мало...

– Но я ведь тоже твой близкий друг. – Александра потянулась через стол и накрыла ладонью руку Киса. – Разве не так?

Ее прикосновение так обожгло Алексея, что он едва не выдернул руку. Это была пытка. Александра поджаривала его на медленном огне, ласково, даже нежно, глядя ему в глаза. Издевается, чертовка? Кис помедлил и осторожно освободился – сил не было терпеть.

Что же касается слов «хочет» и «протаранить», то Кису показалось, будто он, как двадцать с лишним лет назад, натянул на себя чересчур узкие супермодные джинсы, в которые приходилось вручную укладывать некоторые части тела под угрозой прищемить их «молнией». И теперь Кис боялся, что сейчас не то что брюки, а и стол протаранится, и даже усмехнулся, вообразив, каково будет зрелище, если вдруг меж фарфоровых белых чашечек с кофе появится совсем не фарфоровый...

– Дело в том, – начал он, отводя глаза, потому что ему вдруг померещилось, что Александра тоже усмехнулась, как если бы могла прочесть мысли Киса... – Дело в том, что мне нужно узнать, работает ли некий Юра Новиков в «Московском комсомольце» и какие там были материалы по нашумевшему делу о групповых изнасилованиях.

– Но это же очень просто узнать, – удивилась Александра. – Позвонил и спросил.

Право, не станет же Кис признаваться, что искал повода для встречи с этой несносной журналисткой, да?

– Видишь ли, – важно сообщил он, – такой звонок безболезненно проходит при двух возможных раскладах: первый – он там не работает; второй – он там работает, и его интерес был действительно

журналистский. Но есть и третья возможность: таковой журналист там действительно имеется, но при этом он как-то связан с преступниками. В последнем случае мой звонок может его вспугнуть.

– Ща сделаем, – кивнула Александра и, сверившись с записной книжкой, набрала номер. Через две минуты она вернулась за стол.

– Нет. Такого не имеется. Кто-то прикинулся. Материалы были, но другого журналиста. Чем я еще могу тебе помочь?

– Узнать, что было в прессе по этим делам. Времени нет сидеть в библиотеке или на Интернете... Сможешь?

– Завтра же, – кивнула она. – Все?

– Ты торопишься?

– Пока нет. А ты?

– Тоже нет... Но если у тебя дела...

– Ну что ты, Алеша, какие дела, когда ты у меня в гостях!

Ну и ну! Он не только «Алеши» удостоился дважды, но и чести быть дорогим гостем... Что-то его ненаглядная стерва сегодня ангелом прикидывается... К чему бы это?

– Подлить кофе?

– Давай...

– А хочешь, оставайся ужинать.

– Да ты ж уходишь!

– А я отменю. Ну их, надоели! Вечно одно и то же.

– Ну, я не знаю...

– А я знаю. Ты остаешься, и я никуда не пойду. Ты так редко меня навещаешь... Я ни на что не променяю такое событие!

Александра с легкой и вполне дружеской усмешкой вглядывалась в его ореховые глаза – желала, мерзавка, увидеть реакцию на свои авансы!

Кис мгновенно потерялся в пространстве своих комплексов. В их лабиринте он чувствовал себя подростком, восхищенным зрелой женской красотой, не смеющим и мечтать в самых сокровенных фантазиях о близости... А богиня с пьедестала взирает с ироничной усмешкой на принесенные дары мальчишеского обожания...

Он помолчал, переваривая услышанное.

– Как там сестренка поживает во Франции? – промолвил он наконец.

– Ксюшка-то? Отлично. Счастлива со своим красавцем Реми, он ее балует, а она при этом развила бурную деятельность, организовала какую-то ассоциацию по поддержке имиджа нового президента России во французских масс-медиа.

– Ого!

– Пусть пробует свои силы. Революции во французских медиа она не совершит и президенту ничем не поможет – да он и сам, даст бог, управится, – но имя себе может сделать... Пускай режется, это хорошо. А у тебя от Реми новостей нет?

– Есть. Сведения о наркотиках, которые я запросил.

Александра поморщилась при упоминании о наркотиках, и Кис пожалел о своей бестактности: ведь она в деле Тимура оказалась их жертвой...

– Прости.

– Да чего там... Знаешь, Кис, бережь свои нервы – это только их расшатывать. Вроде того, как держать все время ноги в тепле – только быстрее простужаться будешь. Лучше их холодной водичкой обливаться... Так и нервы. Ничего страшного: что было, то было, и я не собираюсь играть с собой в прятки...

– Ты умница.

А вот он с собой играет. Упорно, до идиотизма играет в прятки со своей любовью к Александре, и конца этим пряткам не предвидится... Он никогда не отважится заговорить с ней о своей любви, ему вовсе ни к чему отказ, приправленный какой-нибудь язвительной колкостью. Он, в отличие от умницы Александры, бережет свои нервы. Может, зря?

И вдруг неожиданно для себя, не веря собственным ушам, Кис произнес:

– Ты сказала этой девочке, что выбираешь из тех, кто тебя любит... Я не совсем понял, как это?

Он ведь сам с собой договорился: никаких разговоров и намеков! Болван, куда он лезет!

– Очень просто, Кис, – улыбнулась Александра. – Есть люди, которые любят. А есть люди, которые отвечают на любовь. Я принадлежу к последним.

– Не понял.

– Ну, некоторые как бы присматриваются, прицеливаются: кого любить? И в случае, если кандидатура намечается, начинают брать ее в оборот, окучивать со всех сторон... Добиваться взаимности, одним словом. А другие замечают только тех, кто уже в глаза смотрит, кто уже в поклонниках ходит, а дальше решают, кто им больше по душе... То есть, одни любят, а другие отвечают на любовь.

– А... Тогда выходит, что эти, которые отвечают, они не любят сами, что ли?

– Ну почему! Любят. Просто вот есть два таких типа, каждый любит по-своему...

– Нет, погоди, – разгорячился Кис, – ты сказала: «выбирают»! Это как же? Как галстук?

– До чего ты несносный, Кисанов! При чем тут галстук? Выбирают...

– Вот-вот, как выбирают? Кто лучше? Кто богаче? Кто красивее? Кто больше любит? Когда есть отбор, то есть и принципы отбора! Любовь – она неразборчива и слепа, а выбор – вещь сознательная! Вот и объясни мне, неразумному, на каких принципах строится выбор! Может, тебе надо предоставить резюме с послужным списком и перечнем достоинств, как при приеме на работу? Чтобы тебе проще было выбирать?

Кис так раскипятился, что до него не сразу дошел смысл ответа, когда, уже замирая в воздухе, в ушах еще звучали ее слова:

– ...Ну зачем же! Достаточно сказать, что ты меня любишь...

Он думал, что ослышался. Нет, он наверняка ослышался, он что-то недопонял!

Александра смотрела на него со своей обычной усмешкой: полные губы подрагивали, словно едва удерживались от смеха...

Кис только и сумел, что вскинуть брови, да так и замер с этими двумя вопросительными знаками на лбу. Александра встала, обогнула стол, подошла к Алексею сзади и опустила руки ему на плечи. Он не пошевелился, он не понимал, что она делает, зачем, почему; он не знал, как относиться к невероятному, но

очевидному происходящему и как себя вести.

Александра спустила руки пониже, ему на грудь, причем правая въехала в расстегнутый ворот его рубашки (Кис галстуков терпеть не мог и носил только в случае крайней необходимости) и приникла прохладными пальцами к его коже.

Он заерзал. Он обожал эту руку, которая нахально устроилась на его груди, в кучерявой шерсти, он обмирал от этого прикосновения... Но он не понимал. Он не понимал!!!

Ее волосы коснулись его щеки, уже немного колючей к концу дня. И ее голос выдохнул ему в ухо:

– Ты ведь влюблен в меня, правда же? Признайся!

Шок был настолько сильным, что Алексей мгновенно выбрался из душного лабиринта мальчишеских комплексов. Кажется, Александра затевала какую-то игру. Она, конечно, по-женски учуяла, что Кис не ровно дышит, это ясно... Но так же ясно, что он ей совсем не подходит. И никогда не сможет оказаться в роли ни ее любовника, ни ее возлюбленного. А раз так...

Он не согласен быть ни ее пажом, ни шутом.

– А зачем? – поинтересовался он коротко и жестко.

Она растерялась. Видимо, ожидала другой реакции. Медленно отняла свои руки. Снова обогнула стол, но села не на прежнее место напротив Алексея, а слева от него, на край стола, опершись на одну руку.

– Но ведь это так, не правда ли? – наконец спросила она, глядя на него серьезно, без своей обычной ироничной усмешки.

– Допустим. И что дальше?

– Допустим?!

Александра почувствовала, что разговор принимает какой-то иной оборот – явно не тот, который она предполагала.

Кис не ответил.

– Алексей! – требовательно произнесла она. – Скажи мне! Я хочу услышать эти слова от тебя!

– Зачем ты меня мучаешь?

– Потому что я стерва. Ты же меня зачислил в стервы, вот я и стараюсь. Итак?

Молчание.

– Алеша!

– Ладно, – сдался Кис. – Я люблю тебя... Наверное, это именно так называется... Если не считать того, что в отличие от всех влюбленных в мире я стараюсь как можно меньше думать об этом.

– Спасибо, – удовлетворенно-нежно произнесла она. Глаза ее искрились от какой-то мысли.

– Ты что-то затеяла, Александра... Давай колись, – мрачно отреагировал Кис.

– Я? – Она сделала невинное лицо. – Господь с тобой, что я могла затеять? Я просто хотела узнать, так ли это или мне показалось...

– Сашка! Не ври!

– Ты никогда не говорил об этом, – продолжала Александра, не обращая внимания на его восклицания, с тем же нежно-задумчивым видом, – потому что считал безнадежным делом...

Та-ак... Неужто она сейчас скажет: «А я на самом деле тоже люблю тебя, Алеша».

Ну нет, дудки. Этого не будет никогда. Потому что этого не может быть никогда. Не держите меня за идиота, ладно?

Александра вдруг пронизательно посмотрела на него.

– Знаешь, в чем твоя ошибка? Ты себя недооцениваешь, Алеша.

Допустим. Но все-таки – что же будет дальше? «А я на самом деле люблю тебя, и брежу тобой по ночам, и не смею тебе признаться в этом, а ты, как назло, сам не заговариваешь?» Ага-ага, держи карман шире, этого не может быть, см. выше. А что же может быть?

Александра вглядывалась в его глаза и, казалось, считывала с них весь ход философской мысли. По ее лицу мимолетно пробежала легкая тень. Александра помолчала, потом вдруг резко соскочила со стола и прошла по комнате, поглядывая на Алексея. Кажется, она решила изменить тактику. Кис развернул свой стул, чтобы ее видеть. Он ждал.

– Хорошо, – вдруг решительно произнесла она. – Я буду с тобой откровенна. Это не очень по-женски, прямо скажем, – откровенничать, но... Скажем, у меня местами мужские замашки. Так вот, буду с тобой откровенна. Знаешь, что я думаю о любви? Что это миф. Люди любят творить мифы и предпочитают верить в них...

Александра вскинула глаза, пытаясь прочесть выражение Кисова лица, но оно оставалось непроницаемым, и Александра продолжала шагать, уже не глядя на него.

– Экзистенциалисты правы: человек одинок по определению. Никто в этом мире никому не нужен и не интересен сам по себе – так уж устроены люди. Они корыстны, и потому любой интерес к другому, как бы он ни назывался – партнерство, дружба, любовь, – всегда чем-то мотивирован. Чем-то, что человек получает взамен. На примитивном уровне это материальный интерес, взаимные услуги, на более высоком – духовный взаимообмен, эмоциональный, энергетический... Но всегда обмен, всегда в обмен, всегда ты мне – я тебе! Собственно, разница между типами взаимоотношений – вопрос сугубо эстетический. Красивые отношения – не красивые, вот и все. Любовь – эстетична, меркантильный взаимообмен – не эстетичен. А суть та же.

Она снова посмотрела на Алексея и рассмеялась: очень уж озадаченный у него был вид.

– Ты не понял или ты не согласен?

– Продолжай, – буркнул детектив, все никак не догадываясь, к чему этот философский пассаж.

– А продолжать особенно нечего... Люди привыкли обманывать себя, твердя о возвышенности и чистоте любви. Но это всего лишь красивые фантики, в которые человеки предпочитают заворачивать свое говнецо. Тот, кто понимает суть людских отношений, кто не имеет привычки лгать себе, тот не нуждается в фантиках. А мы с тобой, я думаю, относимся именно к этой категории. Ты согласен?

– Допустим, – осторожно ответил Кис. – И что из этого следует?

– Что следует? Ты еще не понял? Из этого следует вот что: зачем нам все эти побрякушки и погремушки, если мы с тобой понимаем друг друга и можем...

Она вдруг остановилась.

– Прости, это глупо, – пробормотала она куда-то в сторону.

– Что – глупо?

– Я... Не знаю... Вся эта философия... Это ни к чему.

Ей вдруг стало неловко торчать перед ним посреди комнаты, и она прошла к креслу, плюхнулась в

него поперек, ноги на один валик, закинута на руки голова – на другой. Блестящие волосы свесились вниз.

– Прости, я собиралась сказать какую-то глупость. Вернее, хотела пошутить, но неудачно.

Она приподняла голову, поймала его взгляд и попыталась улыбнуться.

Конечно, Алексей ей не поверил. Ни ее жалким заверениям о шутке, ни ее жалкой улыбке – попытке улизнуть от начатого ею же разговора. Кис сгорал от нетерпения услышать продолжение, каким бы оно ни оказалось для него. Это, в конце концов, была для него первая возможность говорить о своих чувствах – в весьма неожиданном контексте, да, но оттого не менее сладостная и мучительная...

– Договаривай, Александра, – строго произнес он, щуря глаза, чтобы не выплеснулась и не затопила ее с головой обжигающая волна его неразделенной любви.

Александра посмотрела на него, решаясь.

– Видишь ли... Я хотела тебе предложить...

И она снова замолчала, поникла – вдруг напомнив ему Ксюшу, ее младшую сестру, с ее непосредственной повадкой, которая так несвойственна Александре...

Кажется, он начал догадываться. Не очень сам верил, но все же догадывался.

Но сказать не смел.

И Александра молчала.

Пауза.

Кис вдруг понял, что сейчас она возьмет себя в руки, вспорхнет с независимым видом, сошлется на что-нибудь и выпроводит его, чтобы положить конец неудачному и несостоявшемуся разговору. И потому, обмирая от собственной наглости, тихо произнес:

– Ты хотела мне предложить некий... скажем, альянс?

Сейчас ответит: совсем спятил, старина? Я да ты? Какой альянс, очнись!

Александра приподнялась на локте, вскинула на него удивленные глаза. С легкой усмешкой повела головой, чуть пожала левым плечом. Это означало примерно следующее: «Ты прав, но как ты догадался? Ведь мужики такие тупицы...»

Александра неуверенно кивнула ему в ответ, как будто никак не могла выбрать между «да» и «нет».

– Зачем тебе? – спросил Кис еще тише и немного грустно.

Она перевернулась, спустила ноги на пол, тряхнула волосами, будто отгоняя внезапно нахлынувшую на нее робость, столь непривычную для нее.

– Алеша, ты классный мужик, понимаешь? Мне с тобой невероятно хорошо, мне хочется, чтобы ты был чаще рядом, мне хочется... Ладно, откровенно так откровенно: с тех пор у меня ни разу не было мужчины. Я не хотела, я думать не могла об этом. Но вот постепенно тело стало выходить из летаргического сна, душа тоже, кажется... стали появляться желания...

– «Чего-то хочется, а кого не знаю»? Так, что ли?

– Не смей мне хамить! Я знаю! И чего, и кого!

– Я так должен понимать, что меня?

– Тебя, Кис.

У него мгновенно закружилась голова, как от бокала шампанского натошак. Но самолюбие упрямо

гнуло свое:

– Ты меня не любишь. Правда же?

– Алеша, зачем тебе это? Не играй в юного пионера, пожалуйста.

– Ты меня выбрала, да?

– Ну, если хочешь...

– То да. Ты выбираешь из тех, кто тебя любит... Это очень удобно, никаких дополнительных усилий не надо... И меня ты выбрала, потому что тебе со мной хорошо душевно, тебе со мной легко, комфортно. Мы друзья. Ты мне доверяешь. Ты знаешь, что я тебя никогда не обижу и не предаю... Я, как старый халат, – дешевый и не самый красивый, зато самый удобный... И почему бы нам не добавить к этому еще и постель... Тем более ты знаешь – я люблю тебя... И знаешь давно – с тех самых пор, когда мы познакомились, и знаешь это даже лучше, чем я сам... Я прятал от себя, я даже не надеялся... И теперь я должен быть счастлив, что мне вдруг такое обломилось... Так?

Александра смотрела на него с угасающей улыбкой. Она не знала точно, к чему ведет Кис, она потеряла нить управления их сегодняшним разговором, который планировала провести совсем иначе – кокетливо и легко соблазнить мужчину, который должен был, преисполнившись счастливой благодарности, просто лечь ковриком у ее кровати...

– Ну, так... Или почти так. Я стала очень брезглива после той истории... Ты – единственный мужчина, к которому я смогу прикоснуться.

Александра вдруг прищурила глаза и произнесла почему-то зло:

– Ты – чистый, Алеша... Как ты догадываешься, это вопрос не ежедневного душа, а души.

– Ты злишься оттого, что раз в жизни сделала комплимент? – попытался разрядить атмосферу Кис.

Но Александра взорвалась:

– Черт возьми, как только скажешь доброе слово, так тебя запишут либо в дураки, либо в лстецы! Ты что, Кис, не привык к искренности? Или к добрым словам не привык?

– Я не привык их слышать от тебя... – склонил голову набок Алексей, разглядывая ее в ярости. – Но если ты будешь делать это почаще, то я смогу, пожалуй, и пристраститься... – Он улыбнулся.

Но Александра не ответила на его улыбку.

– Ответь! – потребовала она.

Алексей молчал. Забытая на лице улыбка зависла, как у Чеширского кота.

– Я устала, Алеша, – произнесла Александра грустно. – Устала быть одна. Ложиться в холодную постель... Отбиваться от разных придурков... Женщине нужен мужчина, так устроено природой. Нужно чувство защищенности, нужна ласка, нужно... Многого нужно. А мужчине нужна женщина... Собственно, ты скажи мне прямо: тебя это не устраивает?

– Нет.

– Все или ничего?

– Никогда не принадлежал к экстремистам. Но в данном случае, пожалуй, можно сказать и так.

В душе вдруг стало пусто. В джинсах тоже.

Кис повернулся к столу и допил холодный кофе.

Александра молча наблюдала за ним.

Алексей неловко встал, собираясь уходить.

– Я... Прости... Дела...

– Конечно.

Кис вышел в коридор.

– Ты обиделся? Даже не поцелуешь меня на прощание? – неожиданно прозвучал за спиной тихий, смиренный голос Александры.

Он виновато вернулся, подошел, прикоснулся к душистым волосам, вдохнул умопомрачительный аромат духов.

Александра поймала его руку и положила себе на белый шелк – туда, где просвечивала под ним округлая линия белого кружева.

Шампанское натошак. Тесные джинсы.

– Саша, – сказал он, едва дыша, – ты напрасно эту игру затеяла. Так нечестно...

– Еще как честно! – засмеялась она. И его рука, ведомая ее тонкими и сильными пальцами, проскользнула под разрез застежки на теплую кожу.

Алексю показалось, что он умирает. У него давненько не было женщины, а сейчас этой женщиной была Александра – столь желанная и столь недостижимая, мучившая его по ночам вот уже больше года... Голова так не кружилась и при его первом в жизни мальчишеском свидании, голос пропал.

– Я тебе говорил, что ты стерва? – хрипло произнес он, чувствуя, что сдает позиции.

– Разумеется. Ты никогда не упускаешь этой возможности....

Ее рука, цепко державшая его кисть, соскользнула глубже, уже под кружево.

Кис собрал последние силы. Плохо работавшая голова все же что-то подсказала ему – что-то из области мужского самолюбия и гордости.

И он осторожно, не желая обидеть ее резким жестом, высвободил свою руку.

– Я позвоню. – Он чмокнул Александру в щеку и подумал, что после сегодняшнего им будет очень трудно созвониться и вообще увидеться... И что он делает большую глупость...

## «Поигрались»

«Эй, кто еще не видел дураков? Приходите, посмотрите: вот он я, Кисанов Алексей, частный детектив и самый что ни на есть круглый и квадратный, самый дурацкий дурак на свете!

Отказаться от *такого*? Не-ет, – мысленно простонал Кис, – пойдите поищите, другого такого недоумка не найдете! Александра его больше на порог не пустит, и правильно сделает, между прочим, так ему и надо...»

Так размышлял Кис с утра пораньше в четверг. Утро выдалось свободным, и он наконец выспался и неторопливо принял ванну вместо обычного скорого душа. В холодильнике обнаружился готовые блинчики, которые накануне купил Ванька, и надо признаться, что жгучее самобичевание не помешало детективу позавтракать со здоровым аппетитом.

Впрочем, настроение никак нельзя было назвать хорошим, а когда позвонила Галина, оно и вовсе испортилось.

Она регулярно позванивала Кису, каждый раз с робкой надеждой спрашивая, как продвигаются дела. Но каждый раз дела были исключительно никак: всякая новая ниточка, на которую надеялся Кис, с удручающим постоянством вела в новый тупик.

– Может быть, сегодня что-то удастся прояснить, – пытался утешить ее Кис, – я жду новостей...

Он и в самом деле ожидал новостей от Ваньки, который умчался на свидание с каким-то транссексуалом, обещавшим добыть нужную информацию. Транссексуал Катя, по Ванькиным словами, горячо откликнулся на просьбу помочь, поскольку «рад отомстить за нас, за женщин». Что ж, в добрый час – за женщин так за женщин! Лишь бы помог выйти на нужных людей...

– Муж вспомнил, где мы видели Стасика, – всхлинула Галя. – Расспросил мою подругу, установил его личность... Они его объявили в розыск, квартиру опечатали... А я как раз хотела за чистым бельем к нему съездить...

Повесив трубку, Кис направился к компьютеру. Попозже, вечером, Кис намеревался посетить Веру Лучникову, а пока что хотел в сладостной неспешности перечитать и обновить свои записи по делу «зомби», как он окрестил его.

Перечитав и сделав пометки об уже выполненных пунктах, Кис задумался. С самого начала во всех этих делах его интриговал один момент, да все никак не хватало времени задуматься об этом всерьез. Но сейчас время было, и Кис принялся усиленно размышлять: почему это мужчинам рот заклеивали, а женщинам – нет? Почему мужчины были связаны липким скотчем, а женщины – веревками? Скотчем – быстрее и надежнее. Выбраться из него без посторонней помощи практически невозможно. А из веревок, если они не слишком туго затянуты, выбраться можно, что, собственно, и произошло в четырех из пяти случаев. Не связали только Лучникову.

У него смутно брезжили кое-какие соображения на сей счет, но их следовало проверить. И потому, глянув на часы, он решил съездить к последней потерпевшей, которая звалась Натальей Константиновной.

Выбор пал именно на нее по двум причинам: во-первых, жила она близко, в центре: во-вторых, он уже встречался с ее падчерицей Мариной, у которой при упоминании мачехино имени скисало лицо, оправдывая фамилию Кисловская. Вот Кис и решил глянуть заодно, что ж там прокисло у этих женщин.

Кис, как водится, поехал без звонка: зачем лишние переживания по телефону? Вспоминать об изнасиловании, понятное дело, потерпевшей не хочется, рассказывать постороннему – тем более. Кис мог

рассчитывать только на встречу, на личное обаяние, на свое умение вести разговор.

Оно у него было, это умение, особенно с женщинами. Будучи человеком старомодным, он женщин уважал априори: слабый пол. Конечно, он понимал, что слабый пол не такой уж слабый и что в бархатных лапках острые коготки водятся, которые иной раз куда опаснее примитивного мужского кулака и неповоротливой и наивной мужской психики... Но, полагал Кис, коготки потому и ранят иной раз смертельно, что слабый пол вынуждают быть сильным нерадивые мужики. Те самые закомплексованные слабаки и нюни, которые себя не уважают и других, естественно, тоже. Кого можно уважать, если сам себя не уважаешь? Кого можно любить, если себя не любишь? Разве может быть щедрым нищий? То-то...

Короче, в разговорах со слабым полом Кис обычно был терпелив, внимателен и деликатен. Это у него и называлось умением вести разговор, на него он и полагался.

...Не то чтобы детектива подвело это самое умение, но встреча с Натальей Константиновной изрядно поколебала его рыцарские наклонности, оставив у Алексея мерзкое ощущение, словно его выдержали полчаса в ванне с липким сахарным сиропом.

Слащаво-кокетливая, фальшивая до невозможности, она, как плохая актриса, закатывала глазки, дабы выразить запределность произошедшего, и двусмысленно улыбалась, произнося душным шепотом: «Ну, это... сами понимаете...», не забыв при этом обрисовать групповое изнасилование в деталях, о которых деликатный Кис вовсе и не спрашивал. Причем на лице ее отражалась некая мечтательность, как если бы она вспоминала не более чем об утреннем эротическом сне.

Кис, как это свойственно людям, судил о других в меру своего понимания, а именно – в меру понимания самого себя. Он хорошо знал, что момент насилия в любовной игре – весьма пикантная приправа, он и сам не прочь, что сцена насилия, допустим, в кино может возбуждать зрителя. Но он также отлично понимал, что в реальности, где уже нет зрителя, комфортно смакующего под чаек-кофеек эротические сцены, а где есть только жертва один на один с насильником, – это уже совсем другая история: история поругания души и тела, ничего общего с эротизмом не имеющая.

И беглая сладостная улыбочка Натальи Константиновны, ее мимолетное сытое потягивание при воспоминании о групповом изнасиловании удивили его неимоверно: все это шло полностью вразрез с его представлениями. Он честно попытался пошарить в закоулках своего подсознания, на донышках самых старых и пыльных ящиков своих воспоминаний, но ничего, что могло бы пролить свет на столь неожиданную реакцию изнасилованной женщины, ему обнаружить не удалось.

Не то чтобы Алексей считал свою душу эталоном для всех человеческих душ – нет, разумеется, нет! Он, к примеру, никак не сумел бы обнаружить в себе даже бледной тени того позыва, который заставляет некоторых ублюдков мучить и убивать... И все же поведение Натальи его насторожило. Возможно, тут что-то другое... Или нет? Может, она просто законченная блядь? И Кису этого постичь не дано? Но ведь даже проститутки не любят, когда их насилуют!

Отложив эту загадку на потом, он приступил к беседе с Натальей Константиновной с особой внимательностью, втайне порадовавшись своему случайному выбору, павшему именно на эту свидетельницу: слишком она примитивна и самодовольна, чтобы заметить подвох в его вопросах.

Оказалось, что, как Кис и предположил, от веревок было освободиться не так уж и трудно – после минут пятнадцати кручения-верчения кистями веревки ослабли и сами соскользнули с рук.

– Почему, как вы думаете? – простодушно спросил Кис.

– Ну, это ж ясно! – удивилась Наталья Константиновна недоумию детектива. – Они же насиловать

пришли, а не мучить! Если бы падчерица не явилась, я бы что, по-вашему, сутки должна была лежать связанная? Ни пописать, ни попить? А так они чуток связали, чтобы я милицию не смогла вызвать, пока они не уйдут, и все – дальше им уже никакой нужды не было...

– Они вам это сами объяснили? – еще простодушной удивился Кис.

– Нет, ну вы странный какой-то! Ничего они не объясняли! Это ж понятно и так!

– То есть вы убеждены, что бандиты позаботились о том, чтобы вы могли попить и, извините, пописать?

– Ну они ж тоже люди! Дело сделали, поигрались и пошли себе! Что ж дальше-то над женщиной издеваться?

Право, забавная дамочка! Она это называет «поигрались»! Интересно...

– А супруг ваш от этого зрелища умер, – неожиданно сменил тон Кис. – И до инфаркта его довели эти, как вы выразились, игрушки. И ваши редкостной доброты и заботливости бандиты видели, что человек умирает, но не остановились, врача не вызвали, – жестко прокомментировал он.

– Ну... – Наталья Константиновна растерялась. – Ну-у... – снова завела она, – это ж мужчина, другое дело. Им, может, мужчин не жалко. Они даже говорили, что вот, мол, нехорошо старому мужу с молодой женой...

Даже самой легкой тени не набежало на ее лицо при упоминании о смерти мужа. Положительно, она еще и дура: ума не хватает хотя бы сыграть некое подобие скорби... Оставалось только удивляться, как это ухитряются вроде бы приличные мужики вляпываться в отношения с такими особями, как Наталья Константиновна...

– Ага, вот оно что... – Кис, разумеется, спорить не стал. – Я вот никак не соображу, – вернулся он к простодушному тону, – всем мужьям заклеивали рты куском скотча. А женам – нет. Почему? Может, вы догадались?

– Конечно, – снисходительно ответила Наталья Константиновна. – Для минета оставили свободным.

Алексею показалось, что на его щеках проступила краска. Однако лицо его собеседницы оставалось безмятежным.

– А кричать, на помощь позвать вы не пробовали? Не все же рот был занят...

– Ну как же, я звала! Только никто не пришел.

Что верно, то верно: никто из соседей криков не слышал...

– Бандиты, насколько мне известно, ограбили вас. Взяли ценные вещи и деньги.

– Ужас просто! – затараторила Наталья. – Взяли кольцо с рубином, с бриллиантом...

– На общую сумму в двадцать тысяч долларов, я в курсе, – поморщился Кис. – А вы мне вот что скажите: вещи и деньги, которые они взяли, лежали на своих обычных местах?

– Ну да!

– Они их быстро нашли. Вы что, не имеете привычки прятать ценности?

– Ну... Кто же мог подумать! У нас квартира на сигнализации! Если бы они меня не втолкнули, когда я открывала дверь, то не смогли нас ограбить!

– Где именно находились деньги?

Наталья Константиновна задумалась. И думала довольно долго.

– В ящике серванта, – наконец промолвила она.

Ага, интересно. А в деле записано – в ящике письменного стола.

– А драгоценности?

– В шкатулке. А шкатулка стояла на тумбочке в спальне.

– Она и сейчас там стоит? Можно посмотреть?

– Зачем? – нахмурилась Наталья. – Она... Сейчас ее там нет. Я ее на ключ заперла, в тумбочке.

– Так где же ее обычное место?

– Ну, раньше я ее на тумбочке держала... А теперь, после этого, запирать стала.

– Бандиты не все вынесли, верно?

– Я не понимаю, почему вы... С какой стати вы интересуетесь?

– Пытаюсь понять. Я бы на месте бандитов взял шкатулку и высыпал все ее содержимое себе в карман, к примеру. А не стал бы разбирать, что взять, а что оставить. А эти добряки, насколько я понимаю, вас пожалели и с вами по-братски поделились!

– С чего вы взяли?!

– С того, что вы закрыли шкатулку на ключ. Значит, есть что хранить.

– На что вы намекаете?!

– Ни на что, господь с вами. Просто радуюсь, что вам такие славные бандюги попались. Вряд ли ваш супруг согласился бы с этим определением, да супруга-то уже нет. Так что его мнение нам узнать не удастся, – позволил себе издевку Кис и быстро распрощался, оставив Наталью Константиновну в полном недоумении.

Ну и отлично, пусть недоумевает. Не заметила, как прокололась! Не могла точно сказать, где лежали деньги, – скорее всего, потому, что солгала в первый раз, а теперь не помнит, как именно. И с драгоценностями он удачно провел свой пас – наверняка они не все забрали, как она заявила в милиции.

Кис был страшно доволен. Рассказ «потерпевшей» ему весьма понравился. Он так мысленно и поставил слово «потерпевшая» в кавычки. И эти кавычки его сильно заинтриговали.

Теперь для полноты картины ему требовалось поговорить с Верой Лучниковой – единственной, кого бандиты не связали.

## От слова «любовь»

Он прибыл на Сокол около восьми вечера, разумно предполагая, что человек днем на работе и вечером его застать легче.

Расчет оказался верен, и Вера, рассмотрев его удостоверение, пропустила Алексея в гостиную.

Она была в бархатном, вишневого цвета халате, наброшенном поверх брючек и свитерка, – мерзла.

Красивая женщина, отметил про себя Кис. Благородные и строгие черты; русые волосы, небрежно подобранные на макушке, открывают грациозную шею, по которой струятся две выбившиеся пряди; серые глаза лучатся умом и едва заметной мягкой иронией... Полная противоположность Наталье Константиновне с ее яркой, но дешевой панельной внешностью.

В то же время Вера Лучникова показалась ему бледной, изможденной, вяловатой – словно замороженной. Кис отнесся к этому сочувственно: видать, последствия перенесенного шока.

На вопросы Вера отвечала вежливо, но неохотно и скупо. Детективу приходилось переспрашивать и уточнять.

– Я прошу вас понять, Вера Игоревна, насколько важна каждая деталь, даже самая малюсенькая, – терпеливо пояснял Кис. – Каждое слово, жест, интонация – все очень важно!

– Знаете, я была в таком состоянии, что... – Вера посмотрела на него каким-то отстраненным, нездешним взглядом: должно быть тамошним, в воспоминаниях... – Все смазлось в памяти.

– Я понимаю, понимаю! – горячо заверил ее Кис. – Но все же... А чаю нельзя у вас попросить? – вдруг улыбнулся он.

Не то чтобы он так уж хотел чаю, хоть оно и было бы весьма кстати, просто Кис надеялся за чаепитием создать более непринужденную обстановку, растормошить, растопить немножко эту заснеженную женщину.

– Разумеется.

Вера, зябко кутаясь в халат, пошла на кухню. Алексей проследовал за ней и некоторое время молча следил за тем, как Вера ополаскивает кипятком заварочный чайник из синего фарфора.

– Давайте попробуем сделать так: я буду задавать наводящие вопросы, – наконец произнес он. – Может, они помогут вам вспомнить что-то важное... Хорошо?

Вера ответила легкой улыбкой: что-то было в этом детективе располагающее. Глаза светло-карие, чуть зеленоватые, умные, спокойные; во взгляде есть глубина, перспектива, в которой угадывается прочувствованная и осмысленная жизнь; хороший мужской подбородок, говорящий о наличии характера, но без излишней жесткости; буйная шевелюра намекает на темперамент, а жесткая стрижка – попытка обуздать непослушную растительность; голос приятного тембра, интонация не фальшивая, искренняя. Он несуетен; пожалуй, немного стеснен, но не зажат, для Веры черта важная: она не доверяла людям, не умеющим справиться со своими комплексами. Комплексы – это ядовитая радиоактивная грязь, покрывающая и разлагающая любые хорошие качества в людях...

Короче, детектив Алексей Кисанов был оценен скорее положительно, Вера в его присутствии чувствовала себя непринужденно и сочла, что его можно удостоить откровенной беседы. Он не станет ухмыляться за спиной, вспоминая доверенные ему пикантные подробности, он деликатно сотрет их из своей памяти, уважая чужую душу и чужую беду...

– Вы, наверное, знаете, что всего таких изнасилований было пять? И во всех остальных случаях пострадавшими были жены. Законные супруги, я имею в виду, – смущаясь, уточнил Кис. – Только вы не имели этого, так сказать, статуса. А теперь подумайте: по-вашему, преступники приняли вас за жену? Или они знали, что вы на тот момент не являлись женой... – путался в словах Кис.

Вера помогла ему:

– Что я была любовницей?

– Да, – обрадовался поддержке Алексей.

– Между прочим, зря вы стесняетесь этого слова, – заметила Вера, наливая кипяток в синий чайник. – Оно красивое, от слова «любовь». Любовница – это та, которую любят. А жена – это что-то непонятное. На старинном русском – просто женщина. И не факт, что любимая.

– Верно, – удивился Кис, – никогда об этом не задумывался. Но вы совершенно правы... В общем, как вам кажется, бандиты знали, что вы не жена?

– Нет. Толя назвал меня женой при них, и никто никак не отреагировал. – Вера прикрыла чайник «бабой» и вернулась в гостиную. Кис не отставал. – Кроме того, они, уходя, назвали меня «хозяйкой».

– «Хозяйкой»? Это в каком же контексте? Так водопроводчики говорят, получая свою десятку!

– Я тогда тоже удивилась... Но мне было не до того. А вот сейчас припоминаю: они сказали очень странную фразу... Что-то по поводу сбербанка... Погодите...

Вера отвернулась к окну, и Кис на некоторое время получил возможность полюбоваться ее строгим профилем.

– Вот как они сказали: «Все, хозяйка, как в сбербанке. Бывай!» Это было тогда, когда они набили свои пакеты ценностями. Словно они их не выносили, а, напротив, принимали в банк на хранение... Или что-то в этом роде... Я так и не поняла.

Кис вскочил и забегал по гостиной.

– Извините, – пробормотал он, проносясь мимо Веры, – когда думаю, люблю ходить...

Вера усмехнулась и отправилась на кухню разливать по чашкам чай.

Когда она принесла дымящиеся чашки и тарелку с каким-то экзотическим печеньем, Кис уже сидел, помахивая нетерпеливо ногой, закинутой на другую ногу.

– Это чрезвычайно интересная деталь, – проговорил он возбужденно. – Чрезвычайно! А еще что-нибудь, Вера Игоревна, не вспомните? Подумайте, прошу вас! Что-нибудь такое, что могло вас удивить, показаться странным... А?

Вера снова легонько улыбнулась и придвинула детективу чашку:

– Прошу вас.

Кис послушно затренькал ложечкой, размешивая сахар, с нетерпением поглядывая на Веру.

Она думала. Опустив глаза в чашку, она тоже кружила ложкой янтарную жидкость, хотя сахару там было всего пол-ложечки и он давно уже растворился...

– Вспомнила, – Вера подняла глаза от чашки. – Вот еще что: когда Толе стало плохо, я закричала. Мне уже было все равно, что у них пистолет, я уже не могла думать ни о чем, кроме Толи...

– Простите, Вера, я хотел бы уточнить: вы кричали громко?

– Изо всех сил.

– А до этого почему не кричали? Не пытались позвать на помощь?

– Из-за Толи. Чтобы не сделать ему еще хуже.

– Я понимаю... Но продолжайте, я вас перебил.

– Я закричала и где-то подсознательно ждала удара, если не выстрела. И знаете, как они отреагировали? Они меня спросили: «Что, так больно?» И вдруг разом меня отпустили. Честно говоря, я никогда не слышала, чтобы бандиты страдали повышенной чувствительностью к чужой боли...

– Так-так-так, – пропел Кис довольно. – Добренькие бандиты. Это очень, очень любопытно...

– Вот еще что удивительно: они пользовались презервативами. То ли брезгливы, то ли...

– Ну, это скорее всего для того, чтобы не оставить генетических следов.

– А-а, об этом я не подумала... И все же они вели себя относительно, если можно так выразиться, деликатно: перед тем, как меня изнасиловать, они пытались меня... – Вера слегка запнулась, но быстро взяла себя в руки, – меня возбудить. Мне это тоже показалось странным – разве насильникам не все равно, что чувствует их жертва?

– Невероятно, – произнес Кис. – Есть у меня одна престранная мыслишка... Но скажите мне вот что: во всех остальных случаях, кроме вашего, шайка оставляла женщин связанными, хоть и не очень сильно – практически всем удавалось освободиться от веревок самостоятельно. И заметьте – веревок! Связывали не скотчем, от которого невозможно избавиться без посторонней помощи, а веревками! И рты женщинам не заклеивали. Вы следите за моей мыслью?

– Не очень, честно говоря, – призналась Вера.

Она немножко раздумянулась от горячего чая, глаза оживились и заблестели, и она стала необыкновенно хороша. Кис посоветовал бы ей почаще пить чай... И иметь приятных собеседников, конечно.

– Ну как же, – удивился он, – картиночка складывается прелюбопытная: со всеми женщинами преступники обращались исключительно щадяще, если, конечно, не считать самого процесса изнасилования, который был из разряда жесткого порно... Но ни одна женщина не была избита, никаких иных жестокостей не было; веревочки надели почти для красоты... Рот ни одной не заклеили, что на самом деле было бы логично: хоть и зима, все окна закрыты, да и по вечерам в каждой квартире свой гвалт стоит, а все же риск имелся, что соседи услышат крики о помощи... Вас это не наводит ни на какую мысль?

– Вы хотите сказать, что эти изнасилования... Что не сами женщины и не секс были их целью... Что они были подстроены специально, чтобы довести до инфаркта мужей?

– Вера... Можно я буду вас звать по имени?.. Вера, это же очевидно! Это с самого начала было ясно, стоило только сопоставить дела... Но теперь тут еще кое-что наклеивается...

– Погодите! Если это так... Если это было рассчитано на инфаркт... То, значит, это вовсе не изнасилования, а убийства?!

– Убийства, – кивнул Кис, – и весьма возможно – заказные. Да вы успокойтесь, Вера, прошу вас, а то я начинаю чувствовать себя виноватым, что разбередил в вашей душе раны...

– Нет-нет, ничего... Продолжайте.

Вера с вниманием прилежной ученицы уставилась на Киса.

– Вы единственная, кого они не связали. Почему, как вы думаете?

– Я его просто-напросто отпихнула – того, кто полез ко мне с веревкой. Я его кулаками по спине

вытолкала из комнаты! Они даже удивились... Помнится, я еще тогда подумала: трусы! Если б я сразу об этом догадалась! Я под дулом пистолета совсем растерялась, мне и в голову не могло прийти, что с ними можно женским кулачком управиться! А если бы я оказалась посмелее, если бы не растерялась – ничего бы не случилось, и Толя остался бы жив...

Ее голос задрожал, и Вера провела пальцами по глазам, судорожно сглотнув.

Кис дотронулся до ее плеча:

– Не корите себя. Вы ни в чем не виноваты. И дело вовсе не в том, что они трусы...

– А в чем? – совсем тихо спросила она.

– Я думаю, что они просто приняли вас за заказчицу. Сценарии обговаривались заранее, но ваше поведение было ими воспринято как изменения в некоторых сценах. И потому были так неожиданно послушны вашей воле: хозяин – барин. Кто платит, тот и заказывает музыку.

– Простите, не поняла! Как они могли принять меня за...

– Дело не в вас, – мягко произнес Кис, останавливая ее жестом. – Давайте рассмотрим эту гипотезу. Щадящее обращение со всеми женщинами – раз. Все жены остались молодыми богатыми вдовами – два. Ни одна из четырех пострадавших жен не сумела предоставить следствию ни одной конкретной детали, за которую можно было бы хоть как-то зацепиться, – три. Только вы описали голос, вспомнили слова; только вы рассказали мне, что насильники проявили к вам – скажем так – участие; только вы не дали себя связать, только вы закричали изо всех сил... Остальные, я думаю, вели себя весьма смирно, только тихо «повизгивая», как выразился муж одной из потерпевших, оставшийся в живых после инфаркта... И только вы попытались вызвать «Скорую» и ухитрились сдернуть маску с лица одного из них... И вы – не жена.

Алексею показалось, что его слова вжали Веру в кресло, как при резком старте автомобиля. Голова откинулась назад, пальцы до побеления вцепились в подлокотники.

– Так вот оно что... – проговорила она, – вот что вы имеете в виду... Поэтому они со мной так разговаривали... Не зная, что я не жена... Значит, Ирина...

– Вы догадались, какой напрашивается вывод, верно?

– То есть заказчицы в этих убийствах – же-ны, – подытожила Вера.

– Именно. И «ограбления» скорее всего являлись заранее обговоренной платой за доведение до инфаркта. Уж очень резво бандиты все находили – видимо, заранее знали, где и что взять... Скажите-ка, те дорогие штучки, которые в вашем случае бандиты вынесли, они лежали на прежних местах, куда их положила еще супруга Анатолия Кочеткова, или вы уже успели навести в квартире свой порядок?

– На прежних. Я не хотела ничего трогать до их развода. И, кстати, утром того дня Ирина зачем-то заезжала домой к Толе... Выходит, она пришла, чтобы подготовить плату? Положить все на условленные места?.. Боже, какое ничтожество, какая низость!..

– И, полагаю, вас нарочно подставила – самой не хотелось оказаться в роли жертвы изнасилования. Ведь, насколько я знаю, в то время она практически не жила с мужем, а поселилась у любовника... Так? Выходит, это не случайная ошибка: на вас навели как на жену... Бандиты явно не знали, кто вы на самом деле, и, со своей стороны, удивлялись вашему поведению... Но подчинились, считая вас заказчицей.

Вера молчала, обхватив себя за зябкие плечи.

– Послушайте, Вера... Вы меня слышите?

– Слышу... – эхом откликнулась она.

– Скажите, чем я могу вам помочь? Может, какую таблетку вам дать? Слышите, Вера? Что я могу сделать для вас?

– Уйти.

Вера встала, прошла к двери и распахнула ее.

– Одну секундочку... К вам никакой журналист не наведывался?

– Нет.

– А других странных встреч...

– Простите. Мне надо побыть одной.

Кис, растерянно потоптавшись на пороге, подчинился.

Виктор обрадовался, увидев, что Вера ест сама, без его настойчивых напоминаний, – она нажарила полную сковородку мяса с картошкой и, не дождавшись его со смены, уплетала ужин со здоровым аппетитом. Он даже насторожился: столько времени боролся с ее анорексией, а тут вдруг...

– Все в порядке, Веронька?

Вера кивнула с набитым ртом.

Она поставила ему тарелку, положила вилку с ножом и показала жестом: сядь. Виктор присел, но беспокойство не отпускало его. Вера была сильно возбуждена, и он испугался, не «угостили» ли ее новой дозой наркотика.

Но Вера развеяла его сомнения, прикончив наконец свой кусок мяса с жадностью оголодавшего тигра. Она рассказывала о визите частного детектива и о роли жен в этих делах и все время нервно посмеивалась.

– Что с тобой, Веронька? Ты так возбуждена, так оживлена... Чему ты радуешься?

– Я больше не собираюсь кончать жизнь самоубийством!

– Это отлично, очень здравая мысль!

– Я собираюсь ровно наоборот уничтожить ее!

– Кого – ее? Ирину?!

– Я с ней разделаюсь!

– Ты хочешь... В каком смысле? Не может же быть... Что ты задумала? Вера, опомнись!

– Ах, как мне сразу стало весело жить! Я должна ей отомстить за смерть Толи, за свое унижение! Ты знаешь, что нет ничего, что успокаивало бы душу сильнее, чем месть?

– Вера, очнись, приди в себя! Что ты несешь! Тебя послушать, так прямо исламист-фундаменталист, а не женщина!

Вера рассмеялась:

– Да я же не убивать ее собираюсь!

– Правда? А я уж было подумал... И как же ты собираешься мстить?

– В тюрьму ее! За заказное убийство! Я помогу милиции это доказать!

– Как, Верочка? Что ты можешь сделать?

– Пока не знаю... – Вера немного притихла. – Но я сделаю все! Раз это правда, значит, где-то существуют и доказательства!

– Веронька, родная... Ты очень перевозбуждена. Давай я тебе налью немного красного вина, смотри, я хорошее купил...

Вера выпила бокал вина залпом, как водку. И затихла окончательно, уставившись невидящим взглядом в пространство.

Виктор снова наполнил бокал: в данном случае немного алкоголя ей будет весьма кстати. Налил и себе.

– Вера... – позвал Виктор, подвигая бокал, – давай за твое здоровье... Ты рассказала этому детективу о подозрительном докторе, вколовшем тебе наркотик?

– Нет...

– А о слежке?

– Зачем? Это все происки Ирины! За это я ей тоже отомщу! – упрямо произнесла Вера, но в ее глазах показались слезы.

Она немного захмелела после второго бокала. Виктор взял ее за руку.

– И все же надо ему об этом рассказать, если ты действительно собираешься помогать следствию. Завтра же, слышишь?.. Он тебе оставил свой телефон?

Вера протянула визитку.

– Только он не из милиции, он частный детектив.

– Но ведь он тоже ведет расследование!

Вера налила себе третий бокал и выпила его также залпом.

– А я бы и впрямь с удовольствием ее убила! Купила бы пистолет и застрелила!

– Но ты этого не сделаешь, правда?

– Почему? – с вызовом спросила Вера.

– Потому что мы цивилизованные люди и не занимаемся самосудом...

Вера разрыдалась в голос.

– Мы цивилизованные, да! Мы образованные, добрые, умные, интеллигентные! И поэтому всякое дерьмо нас уничтожает одним щелчком, как клопов! Им это просто, они не цивилизованные! А мы не можем ответить тем же, нас внутренняя культура, черт подери, не пускает! Мы ждем, пока нищая и продажная милиция вместе со свежее испеченными безграмотными детективами нас защитит! Но нас, Виктор, не защитит никто, кроме нас самих! И мы сами – мы тоже не защитим себя, цивилизованные идиоты!

Рыдания сотрясали ее плечи.

«Нервная система очень ослаблена, – подумал Виктор. – Надо этот разговор заканчивать да в постель ее уложить, баиньки».

– Веронька, зачем ты так говоришь? Детектив этот, – он посмотрел в визитку, – Кисанов, вполне толковый мужик. Смотри, как он схему вычислил! Ты бы сама сроду не догадалась, если бы он тебя не навел на эту мысль, правда? Да и в милиции не одни дураки сидят, я с ними иногда сталкиваюсь по работе, и, знаешь, там есть отличные ребята, честные и...

Вера вдруг обняла его за шею и ткнулась губами в скулу.

– Ты хороший парень, Виктор... Знаешь, без тебя я бы не справилась... Спасибо тебе.

– Какие-то глупости говоришь, право, – проворчал Виктор, скрывая охватившую его радость.

Вера, не разжимая рук, притихла где-то под мочкой его уха.

– Верочка, – он осторожно положил руку на ее волосы, – Верочка, ты в порядке?

– А знаешь что? – Она оторвалась от шеи Виктора и посмотрела на него с торжествующим видом. – Я сама найму этого детектива, Кисанова! Пусть он и найдет доказательства! И Ирина сядет за заказное убийство! Надолго! Не знаешь, сколько у нас за это дают?..

# Кража

Марина проснулась рано и с трудом заставила себя выпить кофе. Она подрагивала от возбуждения, и Слава накинул ей на плечи поверх халата большую шаль, мамину. Последние дни он ночевал у Марины: утром расходились по конторам, вечером встречались в ресторане, потом ехали к ней. В какой-то момент Марина вдруг подумала, что он ни разу не пригласил ее к себе, и она так и не видела его квартиру... Но не успела она толком додумать мысль, как Слава сказал:

– Ты знаешь, я все время по вечерам у тебя, днем на работе, и мне так до сих пор и не удалось навести порядок в моей холостяцкой квартире. Вот закончим наше мероприятие, и я съезжу наконец к себе, приберусь! А потом приглашу тебя торжественно в гости. Придешь?

Он спросил это с такой надеждой, что Марина растаяла, а вместе с ней и легкие облачка сомнений.

Но в самый неподходящий момент вдруг всплыли новые. Она уже заводила машину, и Слава сидел рядом с ней на пассажирском сиденье, и его красивый профиль неясно вырисовывался в сумраке, и тут Марина подумала, что ехать «на дело» на ее машине крайне неосторожно, серебристо-голубой «Фольксваген» многие соседи знают, следовало бы ехать на Славиной...

И вот тут неприятно кольнула мысль о том, что и его машину она ни разу не видела, все разъезжают на Марининой...

– Слав, послушай... – Марина волновалась: к утреннему возбуждению прибавилась эта неприятная мысль, и ей хотелось поскорее развеять свои сомнения. – Это неразумно, что мы едем на моей машине. Ее знают все соседи! Мы об этом не подумали, но надо было ехать на твоей! У тебя же есть машина?

Марине стало неловко, ей показалось, что в вопросе прозвучало подозрение, которого она не сумела скрыть. Какое именно подозрение, она толком не знала; когда что-то неясное, нелогичное, странное происходит, в голову начинают лезть всякие глупости: «А вдруг он просто жиголо? Что я о нем знаю? Может, никакой машины у него и вовсе нет? Глупости, глупости: какой жиголо будет тратить ежевечерне такие суммы на ресторан!

А вдруг он все-таки хочет воспользоваться мной и отобрать у меня мамино кольцо с моей же помощью? Этого Виталика я в глаза не видела, а вдруг он настоящий бандит?! Колье возьмут, меня чем-нибудь по голове...»

– Конечно, есть! Мне просто не удалось до сих пор тебе ее показать – глупо же таскаться повсюду на двух машинах. Черная «Тойота», четырехприводная, со всякими прибабасами – мальчишество, конечно. Но только я думаю, что не стоит ее брать: она привлечет к себе куда больше внимания, чем твоя малявка; все окрестные мальчишки к ней сбегутся, и у нас обнаружится целое стадо свидетелей... А нам они вовсе ни к чему. Твой «Фольксваген» просто поставим подальше и пройдем к подъезду пешком, по возможности незаметно... Но если хочешь, Маринка, то давай съездим за моей! Она недалеко стоит, в гараже на Белорусской!

У Марины немедленно отлегло от сердца, и она ответила весело:

– Ты, Славка, как всегда, прав! Едем на моей!

И напряжение улетучилось окончательно, когда ее плечи ощутили приятную тяжесть его руки.

Виталик оказался довольно сумрачным и малоразговорчивым человеком. Марине показалось, что к ней он отнесся как-то неприязненно, и она сразу замкнулась: осуждает ее, наверное... Плевать! Это не его

дело, и нечего было тогда соглашаться! Тоже мне – морализатор нашелся!

Впрочем, что именно думает Виталик, – может, он просто плохо выспался в эту ночь, или с женой поссорился, или с начальством в конторе, – Марина этого так и не узнала, поскольку все произошло стремительно быстро. Она не простояла и двух минут в пролете между этажами, наблюдая, не пойдет ли кто по лестнице, как ее тихонько окликнули.

Марина поднялась: дверь была уже открыта. Тихо охнув, вошла. Быстро отключила сигнализацию, огляделась.

Колье она нашла быстро, оно оказалось на своем прежнем месте, в папином сейфе, – гадкая Наташка, додумавшись сменить замки на двери, не сообразила сменить код на сейфе.

Торжествуя, Марина помахала темно-синей бархатной коробочкой Славе, ждавшему ее деликатно в прихожей; Виталик стоял на лестнице, «на стреме».

– Ура! – прошептал Слава. – Теперь домой!

Виталик так же хмуро распрощался. Марина расщедрилась и отблагодарила «специалиста» поцелуем в щеку, что заставило его чуть-чуть улыбнуться. Улыбка, впрочем, вышла кривоватой и не шла к его лицу, словно оно не улыбалось никогда.

Условились о встрече в ресторане, и Марина с некоторым напрягом подумала, что вечер в обществе этого бирюка будет сущим наказанием... А, без разницы! Главное, что она держит в руках бархатную квадратную коробочку, и внутри, зацепленные за два маленьких ушка, змеятся и сияют мамины бриллианты с сапфирами.

Конечно, Наталья позвонила в тот же вечер. Она орала в трубку так, что та прыгала в руке Марины.

– У тебя, видно, начинается старческий маразм, – издевательски ухмыльнулась в трубку падчерица. – Не помнишь, куда положила часы, не помнишь, куда задевала ручку, – так-то ты обращаешься с папиными подарками?! А теперь и колье, которое мой папа, между прочим, подарил моей маме, а вовсе не тебе, потаскуха, затырила? И еще смеешь мне звонить?!

– Я в милицию заявлю! – визжала Наталья.

Марина бросила трубку. Слава, слушавший этот разговор, улыбнулся.

– Ну, теперь твоя душенька довольна?

– Даже не представляешь, как! – Марина открыла синюю коробочку, снова полюбовалась на колье. – Как ты верно заметил, справедливость восстановлена! И это вызывает глубокое удовлетворение в моей душе, – со смехом закончила она.

Спустя каких-то полчаса Наталья снова позвонила, но на этот раз уже в дверь. Марина испугалась, услышав ее ор за дверью.

– Что делать? – прошептала она.

– Гасим свет и делаем вид, что никого нет до-ма, – тихо ответил Слава.

– А вдруг она милицию вызовет?

– Глупышка, милиция предложит пройти в отделение и написать заявление. На основании ее обвинений никто дверь ломать в твою квартиру не станет. А если тебя вдруг потом и вызовут менты, скажешь, что ни о чем понятия не имеешь. Она ничего не докажет. А я, в крайнем случае, могу временно

спрятать кольцо у себя.

И, уловив тень, мелькнувшую в лице Марины, Слава добавил:

– А еще лучше – положи в камеру хранения или арендуй сейф в банке. Никто не найдет, уверяю тебя.

– Воровка! – неистовствовала Наталья за дверью. – Поганка! Уродина! Я тебя всегда ненавидела! Я знаю, ты дома! Открой, паршивка! Это ты украла кольцо, это твоя работа!

Слава расплылся в довольной улыбке.

– Чему ты радуешься? – прошептала Марина.

– Так... Смешная сцена.

– Что-то мне не очень смешно. Соседи слышат!

– А тебе-то что? Подумаешь! Мало ли идиотов на свете!

– Ты помаду свою на зеркале в прихожей оставила! Небось кольцо примеряла, дрянь, губы подкрашивала! Да только воровка ты бездарная: помаду забыла! А я вот ее в милицию снесу – пусть твои отпечатки снимают!

– Какую помаду? – спросил Слава.

– Понятия не имею! Никакой помады я не оставляла, я вообще ее не вынимала. У меня, кстати, одна потерялась на дискотеке, а я с тех пор новой не купила, а вторая дома, и я ее с собой не брала!

– На понт, наверное, берет, – усмехнулся Слава.

– Шизофреничка, – прокомментировала Марина.

Наконец Наталья угомонилась и оставила Марину в покое. Марина подглядела в окно, как она злой, решительной походкой пересекает двор.

– Не бери в голову, – сказал Слава. – Ничего она не сможет сделать. Иди лучше ко мне...

Он раскрыл ей объятия, и Марина, сев к нему верхом на колени, счастливо приникла к нему...

## Что теряет Артист

И снова облом. Информация, которую принес Ваня, оказалась – в который раз! – пустышкой. А начало было таким обнадеживающим...

Транссексуал «Катя» нашел – или лучше сказать «нашла»? – людей, которые знали людей, в свою очередь, знакомых с теми, кто разыграл Стасика. Ваня, пойдя по цепочке, сумел встретиться с громадным Лехой и мелким Сеней, и они добродушно поведали ему, что о розыгрыше их попросил дружок, Колян: сказал, что надо мужика одного поставить на место, припугнуть, а то зарвался, не пояснив, о чем именно идет речь. Он же «клиента» и привел на хазу. Леха с Сеней нашли предложение забавным и охотно выполнили просьбу: клиента до смерти напугали и сами развлеклись от души... Дружок же, Колян, сейчас в отъезде, он деловой и вернется только через неделю, не раньше.

– Не сказали, кто Коляна-то об услуге просил?

– Сказали, что не знают, – беспечно откликнулся Ванька. – Дождись Коляна, может, он будет такой добренький через неделю, что тебе расскажет! – издевательски хихикнул он.

«Через неделю!» – проворчал Кис. У него она есть, эта неделя? А ну как Стасика вычислят? Опасность с двух сторон – то ли Артист найдет своего двойника, чтобы от него избавиться, то ли родная милиция расстарается... Да и мыслишку одну хотелось проверить, насчет «блондинчика»...

– Да на что он тебе сдался, Кис? Ну, допустим, обрисует тебе его Колян, но кто такой – либо не знает, либо не скажет.

– Да так... У меня впечатление, что засвечивается парнишка повсюду: Кисловская его описала, Надюха его описала, Стасик его видел, и голос молодой, о котором пострадавшие упоминали, скорее всего тоже ему принадлежит.

– И что с того?

– Ванька, не ходи работать в уголовный розыск, когда домучишь свою учебу, ладно?

– Да я и не собираюсь, – обиделся Ванька. – Я в адвокаты пойду. Буду против вашего брата клиентов защищать и деньги лопатой грести. Так что с того?

– А означает это, мой юный друг Иван, следующее: не жилец он. Наш Артист-насильник заметать следы начнет, и парнишка этот – первый кандидат на устранение. Так-то.

– Тебе что, Кис, жалко его, что ли?

Алексей неопределенно пожал плечами.

– А почему ты думаешь, что этот хмырь начнет убивать? До сих пор он только по части изнасилований упражнялся!

– Не то чтобы я так думал, но вероятность имеется. Скажи-ка мне, будущее светило юридической науки, на сколько он может сесть за свои дела?

– По совокупности? Ну... На много.

Кис хмыкнул.

– Хорош студент. Ну ладно, «много» – это тоже кое-что. Кроме того, на Петровке есть старые нераскрытые изнасилования, в которых просматривается та же деталька: насильники пользовались презервативами. Может, тоже удастся нашему Артисту припать... А скажи-ка мне теперь, с точки зрения

преступника, которому хвост подпалили, что лучше: сесть на «много» или убрать того, кто засветился?..

Кис вдруг замолчал и суетливо полез за сигаретами. Если следовать собственной логике, то... То очень нехорошие вещи получаются. Очень.

– Ты чего? – встревожился Ванька, видя, как посерьезнело лицо детектива.

– Ты, Ванюша, дождешься, когда Колян при-едет, и сбегашь к нему на свидание. Расспросишь его хорошенько, кому он такую услугу оказал.

– Ну, это еще через неделю... – протянул Ванька. – Ты ведь за неделю дело раскроешь, правда, Кис?

Алексей нервничал. Интуиция подсказывала ему, что надо торопиться, что события могут принять опасный оборот. Но как тут торопиться, когда ноль информации в кармане? Казалось бы, столько держал ниточек в руках – и ни одна не сработала, не размоталась, не вывела! Артист был неуловим...

А все же образ его потихоньку складывался в воображении детектива.

Нет сомнения, человек при деньгах: на все эти слезки-переодевания, на все эти любовно поставленные спектакли со Стасиком в главной роли нужно было потратиться. Конечно, у него есть некая бригада бесплатных помощников и участников. Как минимум, из трех человек. Может, людей и больше, но нам об этом ничего не известно... Впрочем, вряд ли: чем больше народу, тем меньше шансов, что тайна будет надежно сохранена. Так что, скорее всего, столько их и есть: три человека, он сам четвертый, лидер.

Для бандитской группировки маловато. Некая отдельная, не связанная с прочим уголовным миром бандочка? Вполне возможно, учитывая, что эта мини-банда ни в какие дела, разборки, дележки территорий и сфер влияния не суется, а занимается наименее почтенной преступной деятельностью – то есть изнасилованиями...

Но если допустить, что это всего лишь маленькая бандочка насильников, то сразу становится непонятным другое: откуда такой размах? И, самое главное, сколько усилий, чтобы обеспечить тылы! Двойник – это себе не каждая политическая фигура может позволить, а тут какая-то мелкая сошка... Да как тщательно, да как неотступно возвращивался этот двойник! Ради чего?

И вот еще что: имя. Горик, исчезнувший из всех адресных архивов, скорее всего, просто сменил фамилию... То есть – снова хлопоты и траты на новый паспорт и прочие бумажки, лишняя головная боль.

Столько затрат для подстраховки – денег, времени, усилий! Как-то несоразмерны все эти затраты образу мелкого преступника-насильника...

А соразмерны они человеку, которому есть что терять. Причем по-крупному...

Что?

Алексей был убежден, что не ошибся и что именно Федя Горик стоял за всем этим: интуиция его голосовала «за», да и, помимо внешнего сходства, детали в характере совпадали: актерские наклонности, мечты о режиссуре, любовь к театрализации...

Федя, как понял Кис из всех собранных рассказов, был совсем неглуп, но ленив, утруждать себя не любил – производил на людей хорошее впечатление за счет отличной памяти и некоторых способностей. Кис хорошо знал эту породу: такие люди со временем либо превращались в злостных неудачников и агрессивных зануд, либо все же находили себя в какой-то деятельности, как правило, достаточно творческой и непременно имеющей хоть какое-нибудь признание. Стасик может служить тому подтверждением: одаренный, но безвольный и с ленцой, он так бы и попал прямым ходом в первую категорию агрессивных зануд, если бы не Галя. Именно благодаря ей Стасик реализовал свои таланты,

добился некоторого признания, которое подобным натурам необходимо как воздух! Сопоставление здесь вполне уместно: Алексей не раз убеждался, что внешнее сходство почти всегда продолжается в характерах. И деятельность Артиста, сколь она ни своеобразна, также не лишена творческого начала, как и не лишена публичности, – он явно красовался перед своими подручными, равно как и перед потерпевшими.

Только где его искать, Федю? Из какой норы выползает он, чтобы совершать свои разбойные набеги? Кем стал пухленький и добродушный мальчик, любитель самодеятельного театра, ленивец и любимчик учительниц?

...Как легко превратился он из прилежного ученика в приклатенного хулигана! Отсутствие характера, попал под влияние? Или, вероятней всего, просто сменил ориентиры. Очень скоро после начала «перестройки» появились первые денежные люди. Включая пацанов. Приторговывали сигаретами, грузили, воровали – кто во что горазд. Мальчику Феде наверняка хотелось вырваться из душного и бедного мира неполноценной семьи. До тех пор он мечтал о карьере артиста и режиссера – то есть о том, что было престижно еще в советском обществе. Хлынувшие рекой легкие перестроечные деньги резко смели прежние ценности, и парнишка быстро переориентировался... Подался в блатные, точнее, в приклатенные. То есть никаких своих принципов у парня не сформировалось, они у него меняются в соответствии со злобой дня.

Но блатной карьеры Федя не сделал. Неизвестно, в силу каких причин, но очевидно: иначе он бы сейчас не промышлял сексуальным разбоем. Значит, не удержался: то ли не по вкусу, то ли не по характеру пришлось ему эта среда, в которой существует четкая субординация и где ему пришлось бы долго бегать в пешках, пока не выслужился бы... А для кратчайшего пути к вершинам блатной карьеры, возможно, жестокости не хватило: там ведь надо по трупам идти. Или благоразумие остановило: блатная карьера коротка, заканчивается быстро и вместе с жизнью.

Итак, в блатных Горик не задержался. Как-то сумел сформировать собственную компактную группу: лучше быть большой рыбкой на маленькой тарелке, чем маленькой рыбкой – на большой, как гласит английская поговорка. Разумно. Чем занимались с самого начала? Весьма возможно, что за его плечами (здесь было бы уместнее назвать другую часть тела!) уже немало изнасилований. Одновременно грабили потерпевших, на что и жили. У ребят на Петровке Кис узнал о двух старых, пятилетней давности, делах по изнасилованиям, в которых упоминались презервативы. Дел могло быть намного больше, но изнасилованные женщины часто предпочитают молчать... Серега собирался навеститься к потерпевшим с фотороботом «Стасика» – надо будет и Кису их навестить.

И вдруг Федя, несостоявшийся артист и состоявшийся насильник, каким-то образом становится неким солидным человеком, который начинает не на шутку заботиться о своей безопасности, страховаться, менять имя, приспособлять к себе двойника и прочее. То есть человеком, которому есть что терять. Что же случилось? Куда он сумел пролезть?

Чушь несусветная насчет торжества справедливости, которую эти четверо исправно несли перед каждым актом изнасилования, – как ни смехотворно, а все же лозунг. Вполне политический. Неужто в политику его занесло?

Необходима была новая встреча с Верой. Еще вчера он задумал попросить Веру составить что-то вроде психологического портрета Артиста: все же она его видела, все же она с ним имела дело и, будучи сама психологом, могла бы сделать ценные комментарии. Но Вера неожиданно положила конец разговору: «Мне надо побыть одной...» Что с этим можно было сделать, что возразить? «Возьмите себя в руки, девушка, и отвечайте на вопросы?» Был бы перед ним мужик – другое дело. А тут сидит такое хрупкое существо, почти неземное, какое-то прозрачное и потустороннее, и разве с таким существом можно так грубо? Никак нельзя... Так что пришлось Кису ретироваться.

Что ж, будем надеяться, она не откажется от новой встречи.

Кис набрал номер. Осторожно, прямо сладко поинтересовался, как Вера себя чувствует и в состоянии ли еще раз побеседовать с ним.

К его удивлению, Вера вполне управилась со вчерашним шоком, голос ее был крепок, даже бодр и уже не напоминал неземной шелест потустороннего видения.

– Я тоже хотела с вами поговорить, – сообщила Вера. – Я должна вам кое-что рассказать. Виктор, мой друг, считает, что это важно... Кроме того, у меня есть предложение: я хотела бы вас нанять, чтобы вы доказали вину Ирины! Так что давайте встретимся.

– Прямо сейчас? – с надеждой спросил Кис.

– Вечером. Сейчас я должна уходить.

Но ждать вечера Кису не хотелось, он торопился, он беспокоился, хотелось скорее взять след.

– Прошу вас, хоть кратко, что за важное «кое-что»?

– Это долго, просто вы спрашивали вчера о странностях – так вот, у меня есть парочка. Вечером расскажу подробно.

– Еще минуту, – взмолился Кис. – Хотя бы в двух словах: вы психолог, должны понимать людей, можете мне сказать что-нибудь о «главном»?

– Я спешу! – ответила Вера с легким раздражением.

– Два слова!

– Ох, и зануда же вы, господин детектив! Ладно, проще сдаться, чем спорить... Он любит власть и умеет руководить: все действия расписаны как по нотам, слушаются его беспрекословно. Такая дисциплина, если не говорить о военных, встречается только в авторитарных группировках, а их, обобщая, существует три вида: уголовная, религиозная и политическая. Далее, в нем есть что-то жалостливое – он из тех, которые сами рук никогда не марают, при жестоких сценах не любят присутствовать, даже, вполне возможно, в кино на них отворачиваются... Это он спросил меня: «Больно, что ли?», и в голосе его прозвучало что-то похожее на сочувствие. Но это не доброта; таких людей не называют добрыми – их называют добродушными. Скорее всего, в общении он производит приятное впечатление... По всей видимости, это человек с неплохими задатками по натуре, но без малейших принципов. Готов на все ради своих интересов.

– Вы что-то почувствовали, что позволило бы определить его среду обитания? Связан с уголовным миром?

– Не уголовник, не думаю. Даже эти замашки с театральными билетами: какой же «браток» додумался бы?

– А поточнее?

– Все, Алексей Андреевич, вы исчерпали лимит времени и моего терпения! До вечера, я буду дома после семи!

И Вера повесила трубку.

Вера посмотрела на часы: через пять минут за ней должна была прийти машина. Очень крупная московская фирма приглашала на работу – сами позвонили и предложили ей блестящие условия. «Наслышан о вас, наслышан», – сказал ей некий Игорь Петрович, заместитель директора. Вера спросила,

кто ее рекомендовал, но Игорь Петрович отшутился: слухами земля полнится. Она, наверное, и не подозревает, насколько известна ее персона в деловых кругах!

И теперь за ней послали шофера. Что ж, примерно так и должно было быть. Вера за свое профессиональное будущее никогда не боялась.

Вера знала себе цену и никогда этого не скрывала. Она была убеждена: то, что люди обычно называют скромностью, – не более чем глупость. Только тот, у которого не все в порядке с мозгами, не в состоянии объективно видеть свои достоинства и недостатки. И либо занижает свои достоинства, что и называется в народе скромностью, либо их сильно преувеличивает, а то и вовсе придумывает, что свойственно людям самовлюбленным и хвастливым.

Умный же человек способен более-менее объективно обрисовать и те и другие. Все, что касалось ее профессиональных качеств, Вера оценивала весьма высоко и вовсе не была намерена скрывать эту оценку от посторонних, а в особенности от своих потенциальных работодателей.

Сразу после увольнения она позвонила тем из партнеров Анатолия, которые были ей симпатичны и которые – она знала это – хотели бы ее переманить. В другие, незнакомые, но солидные, фирмы она разослала письма со своим резюме. И принялась спокойно ждать: была уверена, что в ближайшее же время кто-то откликнется. А то и все сразу...

Но, к ее удивлению, никто из бывших партнеров Веру не пригласил. Отделались туманными обещаниями и малоубедительными отговорками. Веру это задело, но, поразмыслив, она пришла к выводу: не хотят ссориться с бывшей Толиной фирмой, которой теперь заправляла Ирина. Что ж, дело ясное. И Вера стала ждать ответов на свои резюме.

Ответы стали приходить. Вера ходила на собеседования, выслушивала предложения – должность, зарплата, круг обязанностей – и никак не могла принять решения. Хотелось сравнить и выбрать, работать не хотелось. Вернее, видеть людей не хотелось. Лучше было сидеть дома, завернувшись в плед, пить горячий чай и смотреть в окно. Из всех на свете людей только Виктор ее не раздражал. Он был чем-то вроде домашнего животного: радовался ее присутствию, ничего не просил, только деликатно опекал... Она сроднилась с ним, он стал ей кем-то вроде то ли брата, то близкого друга...

Хороший, добрый, заботливый и бескорыстный. Мечта! Как это его до сих пор никто к рукам не прибрал? Хотя при его образе жизни он для семьи потерянный экземпляр. Для Веры же – находка: ей семейной жизни не надо. Ни с ним, ни с кем другим. Жила одна, и все было чудесно, а как захотела семейной жизни, так все и пошло наперекосяк. Потеряла все: Толю, ребенка... Все, о чем мечтала. Все, к чему шла так долго – всю молодость. И теперь, когда молодость стала убывать, когда отчетливо возникло ощущение последнего шанса, судьба наподдала ей по заднице: нет у тебя шансов. Ни последнего, ни предпоследнего – ни одного.

Хорошо бы Виктор так и остался при ней – тенью друга, тенью мужа, тенью семьи...

Конечно, так не будет. Вера понимала, что Виктору – если не сейчас, то вскоре – понадобится от нее большее. Он и сам пока не осознает, что их связывает, понимает, что она в ауте, и ждет, пока придет в себя. Но наступит день, когда он захочет сформулировать их отношения – сначала для себя самого, потом потребует ответа от нее... Но это будет потом, не скоро. А пока все складывается наилучшим образом: он при ней и ничего не требует. Счастлив, что не гонят. Мужчина-мечта, мужчина-подарок. Во всяком случае, для Веры.

А вот теперь и работа нашлась. Вера была, пожалуй, польщена: в эту фирму она резюме не посылала, на работу не просилась – они сами ее разыскали и сами ее позвали.

Тем лучше. Жизнь продолжается...

Белоснежная «Ауди» притормозила у ее подъезда. Последний взгляд в зеркало – ничего, не так уж и бледна, под пудрой и легким слоем румян не видно, – и Вера спустилась. Садясь на мягкое сиденье из белой кожи, она чувствовала волнение перед деловой встречей, и оно ее радовало: жизнь возвращается к ней.

И потому, занятая мыслями о предстоящей беседе, она не обратила внимания на то, что лицо водителя показалось ей смутно знакомым...

Зазвонил мобильный, и шофер, выслушав собеседника, кратко ответил: «Хорошо».

Повернулся с лучезарной улыбкой:

– Вера Игоревна, начальство просило перенести встречу на пятнадцать минут попозже и велело мне пока напоить вас кофе. Или вы предпочитаете чай? Может, лучше сок? Алкоголь? Фирма угощает!

Вера улыбнулась в ответ и легко согласилась. Они вошли в кафе, расположенное недалеко от офиса, и Вера выбрала грейпфрутовый сок.

...Что было дальше, она уже не помнила.

## Потерпевшая

Закончив разговор с Верой, Кис отправился на «Войковскую», нашел на Большой Академической нужный дом. Ему повезло: на его звонок дверь немедленно приоткрылась. Правда, на цепочке. Хорошенькая кудрявая шатенка поинтересовалась, что ему нужно. Кис достал удостоверение. Женщина разглядела, склонив голову набок.

– И что вы от меня хотите?

– Может быть, не на пороге? Если у вас найдется десять минут... – Алексей был воплощенная любезность.

Она сняла цепочку и впустила его в квартиру.

– Проходите, я сейчас.

Женщина ушла в ванную, откуда доносился шум воды, завернула краны и присоединилась к Кису.

– В квартире больше никого нет? Я бы не хотел говорить при посторонних.

– Никого, кроме меня и ребенка. Малышка заболела, я взяла больничный... А в чем, собственно, дело?

– У меня тема немного щекотливая... Пять лет тому назад, – начал Кис, – произошло...

– Ах, вот вы о чем! – нахмурилась женщина. – Почему вы мне сразу не сказали! Я на эту тему не желаю разговаривать, и не надейтесь!

– Простите, Оксана, я хорошо понимаю, что воспоминания для вас болезненны, но... Этот человек до сих пор на свободе и продолжает...

– Только не надо взывать к моей совести, ладно? Я делаю все, чтобы забыть, вычеркнуть из памяти этот кошмар! И мне это почти удалось! Я замужем, у меня семья, я с трудом восстановила психику, чтобы эта история не сказывалась на моих отношениях с мужем, который, кстати, ничего не знает! А вы являетесь и вот так просто все разрушаете! Из милиции приходили, тоже спрашивали! Почему я должна страдать, чтобы избавить от страданий других?! А если бы мой муж был дома? Вы бы при нем тоже стали задавать мне вопросы, да?!

– Я специально спросил, одна ли вы дома... – тихо ответил Кис.

– Помню, – раздраженно буркнула Оксана.

– Надо так понимать, что вы бережете свою психику, не хотите травмировать себя воспоминаниями – и пусть страдают другие, вам все равно?

– Именно!

– А если я вам скажу, что он довел до смерти несколько человек? А если я вам скажу, что только чудом удалось спасти одну женщину, которая хотела покончить с собой? Вы мне тоже скажете, что вам личный покой дороже?

Оксана не ответила.

Кис продолжал, все так же тихо, ровным и мягким голосом, не сводя понимающих глаз с молодой женщины:

– Я не прошу у вас подробностей этой грязной истории, Оксана. Все, что я рассчитываю у вас узнать, – это некий психологический портрет насильника. То, что вам удалось почувствовать, понять, заметить.

Помогите мне, пожалуйста. Я вам даю слово, что разговор останется между нами.

Оксана все еще молчала, глядя исподлобья на детектива.

– Покажите еще раз ваше удостоверение! – вдруг вскинулась она. – Оно не фальшивое? Вы правда детектив?

– Если у вас есть справочник «Желтые страницы России», то в разделе «Детективные агентства» вы найдете и мое.

Оксана стояла в нерешительности.

– У вас ведь девочка?

– Дочка...

– Лет так через пятнадцать... Что бы вы почувствовали, если бы, не дай бог, с ней случилось то, что случилось с вами?

– Это нечестно... – Оксана с трудом подавила спазм в горле. – Вы пользуетесь запрещенными приемами! Это подло так припирять меня к стенке!

– Это не деликатно, Оксана, согласен. Но честно.

Она не ответила.

– Вы любите мужа, вы дорожите вашей семьей, – продолжал Кис все так же мягко, но с напором. – И наверняка не хотели бы, чтобы ваш муж умер от инфаркта, как это случилось с другими, когда у них на глазах насиловали жен?

Оксана подняла руки:

– Пощадите. Сдаюсь. Спрашивайте.

– Спасибо. Мне, Оксана, нужно уловить характер преступника. Я пытаюсь сузить круг поиска, понять, куда, в какую среду мог попасть этот человек. Я знаю, откуда он вышел, но не знаю, куда и к чему пришел. И, самое главное, как. Поэтому любая деталь, которую вы сочтете возможным мне рассказать, поможет уточнить его портрет.

– Я не знаю, что именно...

– Все. Если можно...

Оксана возмущенно посмотрела на него и одновременно залилась краской до такой степени, что у нее на глазах выступили слезы.

– Вы сказали, что без подробностей!

Кис не ответил.

Оксана взяла со стола большущую пепельницу, сигареты и зажигалку, села на диван, устроила пепельницу рядом.

– Отвернитесь.

Кис не понял, смотрел вопросительно.

– Возьмите ваш стул и переверните его, я не хочу видеть ваши глаза. Если вы курите, я вам тоже пепельницу дам.

Кис стул переворачивать не стал, а просто сел на него верхом, лицом к столу, спиной к дивану. Оксана поставила вторую пепельницу перед ним и вернулась на диван.

– ...В тот вечер я поссорилась с Сашей, – донесся до Киса ее голос, – это был тогда мой бойфренд... Богатый и наглый. Я как дура терпела его выходки... До сих пор не понимаю, любила ли я его или меня красивая жизнь ослепила... В тот вечер на дискотеке он хорошо заправился коктейлями. И начал хвастаться перед друзьями, расписывая мои достоинства... – Она запнулась и добавила: – В постели... Из-за этого я с ним сильно поссорилась... Точнее, полностью порвала отношения. Выскочила из дискотеки как ненормальная, стала голосовать. Разумеется, мама мне сто раз говорила: никогда не бери левака, особенно ночью... Но, знаете, по молодости всегда кажется, что плохое случается с другими и ты о них читаешь в газетах, а с тобой никогда ничего не может произойти... К тому же я была не в себе, меня душили слезы от возмущения и обиды... Притормозила машина, «жигуленок». За рулем был молодой человек, довольно красивый.

– Этот? – Кис вытащил фоторобот и протянул руку назад, к Оксане.

Оксана отвела листок от себя.

– Мне следователь уже показывал. Похож.

Кис вытащил фотографии Стасика. Оксана прикрыла бородку пальцем.

– Похож, – был ответ. – Но на фотороботе похож больше. Так вы его уже нашли?

– Нет, к сожалению. Свидетели описали. А фотографии случайно попали ко мне в руки. Значит, тогда у него бороды не было?

– Нет. Так вот... Я села в машину спокойно – у него такая улыбка была вежливая, приятная, добрая... Мы тронулись. Примерно через сто метров двое мужчин голосовали на обочине, и он притормозил. Я запротестовала, сказала, что не хочу ехать с тремя мужчинами, но он только улыбнулся – очень обаятельно улыбнулся – и открыл дверцу. Они сели по обе стороны от меня. Ну и... Короче, вывезли меня за город. Я так и не поняла, куда. Там было такое место недалеко от дороги, вроде поляны, закрытой кустами. Они вытащили из багажника одеяло... Старое стеганое, желтое, таких теперь не делают... И... потом...

Ее голос дрогнул.

Кис с трудом удержался, чтобы не обернуться.

– То есть, их было трое? – спросил он спокойно.

– Да... Они меня выволокли из машины, поставили на одеяло, двое держали за руки, а этот, красавчик, который был за рулем, встал передо мной и сказал: «Ты зачем на дискотеку ходишь? Богатых мужиков цеплять?» Я, конечно, ответила «нет». Он ухватился за вырез моей жилеточки – на мне была такая жилеточка с блестками, на шнурках, синяя... Открытая очень, с декольте... Вот он схватился за вырез и говорит: «Значит, ты сиськи напоказ бесплатно выставляешь? Просто так, для народа? А задницу ты обтянула – на мне юбка была в обтяжку – тоже просто так, без задней мысли?» И захохотал, повторяя, что удачный каламбур вышел: «Задница без задней мысли»... Те двое, что держали меня, угодливо подхихикивали... Я ему ответила: «А ты что, борец за нравственность?»

Он снова расхохотался... Представьте себе, даже в этой ситуации я не могла не признать, что он парень обаятельный... Мне все не верилось, что это может плохо кончиться, он совсем не был похож на бандита... «Ну что ты, – сказал он, – зачем мне нравственность? Я борец за справедливость!»

И стал развязывать шнуровку на моей жилеточке.

Я все пыталась потянуть время, поддержать разговор в какой-то надежде, что вдруг мы до чего-нибудь договоримся... «Это как – борец за справедливость?» – спросила я.

Я думала, что моя затея удалась. Потому что он вдруг пустился в речи и даже жилетку мою оставил в покое...

Он говорил что-то такое, из чего следовало, что женщин он ненавидит. Что они мигом западают на его красивую внешность, но так же быстро от него и уходят. Что он талантлив, но женщинам от него нужны только деньги. Что все они – то есть мы, женщины – твари продажные. А все, что продается, можно либо купить, либо экспроприировать. Я еще, помнится, спросила: «Украсть, что ли? Как вещь?» В ответ он просто опрокинул меня на одеяло... И, встав над мной, почти выкрикнул: «Вы все сначала хотите много денег, а потом много секса! Сначала отхватить богатого мужа, а потом завести хороших любовников... И рыбку съесть, и на ... сесть! Причем сразу на несколько! Я знаю, о чем вы все, сучки, мечтаете, что вам по ночам снится: групповуха! Вам всегда всего мало – и денег, и ...ев!»

Он был первым. Двое других смотрели. Жадно смотрели... Будто в первый раз видели.

Кис откликнулся:

– Возможно, это и было их первое дело.

– Возможно... – вздохнула Оксана. – Только теперь слушайте и ничего не говорите. Я расскажу вам то, что не рассказывала никому и никогда... Не знаю, пригодится ли вам, но вы сказали, что пытаетесь уловить характер... В общем, когда он закончил, у меня пошла кровь. Месячные должны были начаться, это, в принципе, нормально, так бывает. Но они этого не знали. Подумали, наверное, что это что-то серьезное, кровотечение какое-то... Так вот, растерялись они страшно. Как маленькие. Смотрели друг на друга, будто спрашивая, что делать. И этот, красавчик, тоже стоял в столбняке. Но вдруг спохватился, взял себя в руки и как рыкнул на остальных: «Что встали, козлы? А ну, давайте дело делать!» Меня так удивило: «дело»! Они пошли «на дело»! Не для удовольствия, а для «дела» меня насильовали?

– Именно так.

– Почему?

– Красавчик, как вы выразились, объединил вокруг себя маленькую группу, вдохновив их идеей, что они не просто бандиты, и даже вовсе не бандиты, а борцы за «справедливость». Это был момент, когда его авторитет мог рухнуть. Он их привел «на дело», и он отвечал за все. Лидера играл. Поэтому первым справился со своей растерянностью, а может, даже и с жалостью к вам...

– Когда второй расстегнул брюки, красавчик отвернулся. Вроде бы ему и вправду было неловко. Но потом снова повернулся и стал смотреть.

– Будто себя заставил?

– Типа того... Только второй не мог ничего. У него не стояло, презерватив не на что было надевать... Третий кончил так быстро, что я едва успела почувствовать. Красавчик уже полностью пришел в себя и стал над ними издеваться. Они выглядели, как побитые щенки.

– Они, как я понял, были без масок? Вы можете их описать?

– Не забудьте, было темно. Этого, Красавчика, я хорошо запомнила: я его разглядела, еще когда машину остановила. Да и вообще, он был у них главным, я на него больше смотрела. Второй, который не справился с «делом», был небольшого роста, светлый, показался мне совсем молоденьким, прямо пацаном. Третий – длинный и смурной. Волосы темные – и глаза узко посаженные. Но я бы вряд ли кого-то из них узнала, кроме Красавчика.

– Вы даже не представляете себе, Оксана, как важно то, что вы мне рассказали! Я вам очень признателен.

Оксана в ответ неопределенно хмыкнула за спиной у Алексея.

– Потом они меня ограбили – забрали деньги, у меня доллары были, сняли драгоценности и уехали. Бросили меня в лесу... Вам тоже спасибо, – добавила она без всякого перехода.

– За что? – искренне удивился Кис.

– Я не знаю, что было хуже всего в этой истории. Само изнасилование или то, что было потом...

Голос Оксаны завис в воздухе многоточием.

– Простите, о чем речь? – не выдержал Кис и повернулся.

Оксана посмотрела ему в глаза, как показалось Алексею – с упреком.

– До сих пор жалею, – проговорила она, – что обратилась в милицию. Пошла в районный отдел... Видели бы вы их рожи! Как они на меня смотрели, как слушали, как выпрашивали подробности! Как их смаковали... Даже скрыть не смогли. Они, понимаете, не столько сочувствовали мне, сколько насильникам! Или, вернее, завидовали им... Бр-р, какая гадость! Те – понятно, бандиты, с них и спроса нет. Но милиция ведь существует, чтобы меня защищать! Нас всех защищать – от бандитов! А они... Они на той стороне, вот что страшно. Вы... Как это сказать... Вы меня утешили. Что не все такие мерзкие в милиции...

– Я не в милиции, я частный...

– Знаю. Но небось раньше в милиции работали?

– Работал. На Петровке.

Кис хотел было добавить, что не все в милиции такие; что, как везде, там тоже разные люди, что есть отличные ребята... Но передумал. Рожи, о которых говорила Оксана, он тоже знал и видел. Они были реальностью, и абстрактное наличие «отличных ребят» ничего не могло изменить в ее личном опыте.

Он распрощался с Оксаной и направился в сторону проспекта Мира, где жила Александра.

## Совет с Александрой

Разговор с Верой и встреча с Оксаной порадовали Алексея: они подтвердили, что Кис на верном пути. Он уже не сомневался в том, что Федя Горик и Артист – одно и то же лицо. И лицо это потихоньку приобретало конкретные черты... Но ему не хватало чего-то, какого-то маленького штриха в портрете Артиста, чтобы окончательно нащупать его нынешнюю среду обитания. Хотелось посоветоваться с Александрой. Но...

Станет ли она с ним разговаривать? А если и станет – то как себя вести? Как будто ничего не произошло? Прийти с повинной? Прийти по делу? С цветами? Без?

Кис понял, что прямо сейчас потонет в море безответных вопросов, и потому поскорее набрал ее номер – пока не захлебнулся.

Александра была дома.

– Мне хотелось бы услышать твое мнение по одному вопросу, – деловито произнес он. – Могу к тебе заехать на полчаса?

– Заезжай, – деловито ответила Александра, приняв его тон. – Только действительно на полчаса, больше у меня времени нет.

Алексея все-таки угостили чашкой кофе и вежливо-прохладной улыбкой. Он вел себя так, словно явился на деловой прием: обрисовал характер Артиста, как он ему представлялся, добавил сделанные Верой зарисовки к портрету и подытожил:

– Ему есть что терять, это очевидно. Я хотел бы понять: что именно? Бизнес или политика? Деньги или власть? Ты много общаешься и с той и с другой категорией, вот и скажи мне: откуда, по-твоему, выплыл Артист?

Александра задумчиво изучала остатки кофе в своей чашке. С самого начала их встречи ее взгляд старательно обходил Алексея.

– Точнее, куда он заплыл? – продолжал с горячностью Кис, стараясь компенсировать бурными деловыми эмоциями холод в личных. – Он парнишка из простых, приблатнился на определенном этапе своей жизни, но в чужую структуру не втянулся, каким-то образом вынырнул. Остался в стороне, прикинулся таким бандитом-революционером: грабь награбленное, восстанавливай социальную справедливость. Но и на этом, похоже, не остановился. Ему наверняка хотелось другой жизни: больших денег, большего уважения – его трое подельников уже исчерпали себя в качестве публики – и более эстетичной, «благородной» деятельности... У него есть задатки, он неглуп, артистичен, изобретателен; к тому же деньжата у него были: в качестве восстановления социальной справедливости он экспроприировал не только женские тела, но и ценности... Так куда же он подался? Чего сумел добиться, что теперь так тщательно страхуется? Звездой эстрады или спорта не стал, остаются два магистральных пути – бизнес и политика, ты согласна? Тогда что именно: бизнес или политика?

Александра подумала, допила кофе, попытала сигаретой и, поглядывая задумчиво в окно (лишь бы не на него, был убежден Кис!), произнесла:

– Деньги и власть идут рука об руку. Иногда трудно разделить.

– И все же! Кто-то начинает с политики и затем пробивается к деньгам, к кормушке; кто-то начинает с бизнеса и затем проталкивается к власти!

Александра едва заметно усмехнулась.

– Я иногда спрашиваю себя, действительно ли ты нуждаешься в моих советах. Ты и сам все отлично понимаешь и уже наверняка составил свое мнение...

– Если бы не нуждался – не пришел бы! – вскинулся Кис.

В самом деле, решит еще, что он только ради нее притащился... Не-ет, Кис по делу пришел, и баста!

Александра скосила на него персидские глаза и хмыкнула.

– Ты являешься только затем, чтобы услышать подтверждение своим мыслям. Ничего нового я тебе и не скажу. Ну да черт с тобой, слушай, раз пришел... Видишь ли, бизнес – это мощная центрифуга, которая безжалостно выбрасывает из своего нутра всех тех, кто зазевался, кто не сумел соответствовать весьма жесткой и безальтернативной схеме существования в нем. И в этой схеме нет места, элементарно нет времени для любого другого рода деятельности: светской, преступной, культурной – какой хочешь. Бизнес – это не работа, это образ жизни и мышления. И если бы твой Артист занимался бизнесом, он не стал бы и не смог бы тратить время на слежку, переодевания, постановочные эффекты и групповые изнасилования. С другой стороны, исходя из твоих описаний, вряд ли Артист сумел бы встроиться в серьезный нынешний бизнес – слишком закрытая и жесткая система. У него характер не тот, да и связей, похоже, нет. А кто ж отвалит сочный кусок чужому – пришлому, когда своим-то глотки перегрызают?

– Значит, политика? – оживился Кис.

– Я рада подтвердить твою догадку, – тонко улыбнулась Александра и удостоила Алексея беглым взглядом, отчего его пульс незамедлительно участился. – Скорей всего. Политика – это тихий прудик: зона много- и разнообразно населенная... На донышке трепещет и бьется чистый родничок, тщится пробиться через мутноватые воды, привнести свежее, насыщенное кислородом дыхание, – и в нем резвятся рыбки; а в теплых, прогретых солнышком, обширных стоячих заводях мечут икру лягушки, суетятся насекомые, лениво улавливаемые жабами; стрекозы сонно липнут к воде; нежно-розовые кувшинки бесстыдно разлеглись на зеленых плоских листьях, как обнаженные купальщицы на надувных матрасиках; камыши-эксгибиционисты агрессивно стремят вверх свои фаллосы; пролетарская осока режет воду, как правду-матку, – в общем, место найдется всякому и каждому...

– Ох, здорово! Статью сочиняешь? – польстил Кис.

– Так что, скорее всего, твой Артист там и поселился... – Александра не удостоила комплимент вниманием. – Сунулся в какую-нибудь задрипанную партийку. Если ты прав, и язык у него хорошо подвешен, и он способен наболтать что-то, похожее на лозунг и программу, – с такими данными можно и со стороны пробиться. В отличие от бизнеса, где болтовня ценности не имеет.

– Умница!

Кис вскочил, забыв, что они в прохладных отношениях, и чуть не кинулся к Александре с объятиями. Но вовремя спохватился и сел обратно.

– Ага, – уже сдержаннее произнес он, – ты очень доходчиво все объяснила, спасибо. Скажи мне вот что... Если я верно представляю характер Артиста, то он вовсе не сексуальный маньяк. Как ни дико звучит, но изнасилования для него – это скорее род деятельности, в которой он самореализовывался, другой он просто не нашел, ленив слишком... Однако по всему выходит, что теперь нашел: сунулся каким-то боком в политику. Но почему он продолжает? За заказные изнасилования ему очень хорошо заплатили, но ведь это огромный риск, как бы он ни страховался! Почему он на него пошел? Не устоял перед соблазном заработать?

– Это не просто соблазн. В его ситуации это острая необходимость. Ведь ты же сам сказал, что грабежи, сопровождавшие изнасилования, – это его основной, если не единственный, источник дохода.

А для того, чтобы куда-то сунуться, ему нужна была легенда. Не мог же он рассказывать правду о своей «деятельности»! Наверняка прикинулся каким-нибудь бизнесменом... Может быть, из глубинки – труднее проверить. Тем более что он актерствовать любит... Наплел про какую-нибудь фирму, про приличные доходы... Но легенду же надо поддерживать! Необходима приличная иномарка, дорогой прикид, соответствующая имиджу квартира, хотя бы съемная, деньги на хорошие рестораны и ценные подарки для нужных людей... И, самое главное, нужны вливания в саму партию – без этого туда не подъехать, не втиснуться, не встроиться. Именно поэтому он должен был приткнуться к какой-нибудь жалкой, задыхавшейся партийке или иному политически окрашенному объединению. Денежные вливания – та база, на которой можно строить все остальное, любую болтовню. Вот он и «зарабатывал» до последнего времени...

– Премного благодарен. – На этот раз Алексей сдержался и обозначил на лице лишь беглую любезную улыбку. – Мне не хватало именно этой связки между насильником и новоиспеченным политиком... Если пошарить по всевозможным партиям и партийкам – можно наскрести фотографии?

– По печати? Вряд ли, публикуют только лидеров. А он, судя по всему, недавно начал и пока где-то у кого-то за спиной маячит, не более...

– Ты права, конечно. Пошлю-ка я Ивана по партийным приемным с фотографией Стасика... Я позвоню, можно?

Александра кивнула, и через минуту Кис давал инструкции Ваньке: «Сделай на компьютере фотографию без бороды тоже, сможешь? Вот и отлично, одна будет с бородой, вторая – без. Выпиши из справочника по Москве все задрипанные партийки и политические организации, до самых вшивых. И вперед, по адресам к секретарям и секретаршам! Прихвати какие-нибудь конфетки, глазки сострой. Ну, если мужик, то тоже можно – некоторые очень падки... А говорить – говори, что ты из международной нотариальной конторы и что у него богатый брат-близнец обнаружился, который его разыскивает. Якобы кто-то видел его на каком-то политическом сборище, а больше ничего не известно. Что значит «не поверят»? Они же все телесериалы смотрят! Еще и не такому поверят, у нас народ с тренированным воображением! Вперед, Ваня!»

– Работы на месяц, как минимум, – сказал Кис, положив трубку. – И рискованно очень: слух о розыске может побежать впереди Вани. И тогда Артист насторожится. Но если повезет... Все равно другого выхода нет.

– Успехов, – сдержанно произнесла Александра.

Кис отклонялся с глупой светской улыбкой. Спускаясь по лестнице, с досады стукнул изо всех сил в стенку кулаком.

Ну и что? Еще одна глупость: только кулак в кровь разбил...

«Если Александра права, – думал он в машине, слизывая выступившую на костяшках кровь, – если я верно смоделировал характер Артиста и его нынешнее положение, то ситуация у нас очень нехороша. Ну просто очень-очень нехороша... Любой вполне успешно устроенный, со связями и репутацией человек будет насмерть охранять свое положение. Причем «насмерть» в наше время отнюдь не метафора... Чего же ждать от Артиста, который положил годы и кучу разнообразных усилий для того, чтобы добраться до чего-то существенного? Этот человек не остановится ни перед чем, чтобы прикрыть свои тылы».

А его тылы не прикрыты. Ему мешает Стасик. Для Артиста было бы оптимальным решением предложить милиции и свидетельницам Стасиков труп. Труп в споры не вступает, не пытается доказать свою непричастность, не ищет возможных свидетелей для подтверждения своего алиби.

Но тут Кис быстро подсуетился – Стасика припрятал. Что должен делать Артист? Сдаваться он не намерен, это ясно. Он будет искать Стасика. Пока не нашел, но... Надо сказать Гале, чтобы прекратила на дачу ездить, – ее слишком легко выследить. Пусть Стас лучше сидит голодный, но живой. Впрочем, Кис сам его навестит, глянет, как там дела, а заодно и продукты отвезет. Он-то быстро распознает «хвост», если таковой возникнет...

Но пока что Стасика не нашли. И, видимо, не представляют, где искать. Галя туда ездит редко, а они, видать, до сих пор не сообразили, что она могла бы отважиться спрятать «преступника», которого ищет ее муж, на их собственной даче!

Значит... Ставки высоки, Артисту отступать некуда... Следовательно, теперь в опасности Вера Лучникова и Марина Кисловская. Две свидетельницы, которые способны его опознать.

Первая ласточка уже была: «журналист». Марина, как нарочно, подтвердила худшие опасения банды: категорически заявила, что сможет Артиста опознать. Они, возможно, поначалу обрадовались: Марина уверенно указала на Стасика! Но – Стасик пропал.

Что-то и Вера обронила о «странностях». Вечером он ее выпросит, не исключено – еще один привет от Артиста... Как досадно, что надо ждать до семи!..

Кис так разволновался, что готов был ехать к Вере сию секунду. Но на часах было пять, и ехать было бессмысленно...

Он без энтузиазма перекусил в центре – в «Макдоналдсе», назло вредной Александре, которая это заведение презирает. И, пережевывая не-вкусный хлеб с жирной котлетой, продолжал свои размышления.

Итак, обе женщины в опасности. Но до сих пор живы, хотя Артист уже делает круги вокруг них. Что это означает?

Означать это может две вещи: либо Кис ошибся, и свидетельницам ничего не грозит, и «жалостливый» Артист не собирается заходить так далеко, либо Артист готовит новый сценарий, для которого ему требуется время...

Беда в том, что Кис не знает, насколько подонок близок к финалу «сценария». А Марина к тому же что-то от него скрывает. Возможно, в ее «обстоятельствах» нет ничего общего со всей этой историей, но только теперь Кису все кажется подозрительным. А вдруг за «обстоятельствами» тоже стоит Артист?

У Киса от собственных догадок мурашки побежали по загривку. Он стремительно набрал рабочий номер Марины и закричал, забыв о соседях по столикам: «Нам нужно срочно встретиться! Прямо сейчас!»

– Сегодня не могу, – холодно-капризно ответила Марина.

– Отложите ваши дела, прошу вас! Поверьте, это очень важно!

Он понял, что Марина колеблется, и даже затаил дыхание в ожидании ее согласия...

– Не могу, – вдруг отрезала Марина. – Звоните мне завтра в любое время, договоримся. А сегодня я занята.

Гудки отбоя подтвердили ее несгибаемость.

Что же за дела такие неотложные у Марины Кисловской?

Кису оставалось надеяться только на то, что завтра еще не будет поздно.

Он позвонил Сереге на Петровку и, уворачиваясь от града встречных вопросов, поделился своими опасениями, закончив разговор при помощи старого трюка «алло, я тебя не слышу!». На душе немного

полегчало: Серега – толковый мужик, быстро поймет, что к чему. Может, удастся выбить охрану для свидетельниц... Но полегчало именно что «немного».

Кис посмотрел на часы. Теперь к Вере, а после нее – напрямик к Марине: лучше с постели подниму, лучше невежливым покажусь, но ее предупрежу и об «обстоятельствах» выпрошу...

# Странная Вера

Снедаемый беспокойством, он приехал к Вере загодя – в слабой надежде, что она появится раньше назначенного часа.

Но Веры дома не было, зря Кис жал кнопку звонка, никто не шелкнул за дверью.

Кис устроился ждать на широком подоконнике между лестничными пролетами подъезда, рассчитывая, что особо долго здесь сидеть не придется.

Однако примерно час пришлось ему слушать, как живет подъезд своей вечерней будничной жизнью: звуки телевизора, лай собачонки, детские голоса, плач младенца, томительный запах жареного лука и острый – чеснока, напомнивший, что от гамбургера остались жажда и изжога... За одной дверью ругались, голоса в повышенных тонах хорошо слышны, но слова невняты – да зачем Кису нужны слова? В многомиллионном городе каждый вечер в ячейках квартир, сдобренная запахом жареного лука, озвученная телевизором, идет человечья жизнь: ругаются миллионы супружеских пар, ссорятся родители и дети, плачут младенцы, и лают собаки, и чей-то негибкий маленький пальчик тычет в клавиши фортепьяно, терзая слух...

В половине восьмого лифт затрясся и заскрипел – старый сетчатый лифт дома постройки 50-х годов, – и освещенная кабина остановилась на шестом этаже.

Кис осторожно слез с подоконника и мягко поднялся на лестничную площадку. На площадке было четыре квартиры, по две с каждой стороны; каждую пару дверей разделял выступ стены. Квартира Лучниковой была крайняя справа, и стоявшая к нему спиной русая женщина в песцовой шубке шарила в сумочке именно перед ее дверью. Стало быть, хозяйка явилась.

Ему не хотелось подходить сзади, пугать Ве-ру, – именно так на нее напали бандиты. И потому, сделав пару шагов назад, на две ступеньки вниз, он ждал, пока она войдет в квартиру, чтобы потом позвонить в дверь, как приличный человек. Вытянув голову из-за лифта, он подсматривал за ней, ожидая. Вера все никак не могла нашарить ключи в сумочке, и Алексею вдруг показалось, что она пьяна.

Неожиданно Вера засмеялась и присела на корточки, пушистые полы шубы накрыли кафель ровным кругом. При этом она вполборота повернулась к Алексею, и он разглядел и ее легкий профиль, и светлые пряди, выбившиеся из прически, и даже улыбку – остаток уже отзвучавшего смеха.

И еще он успел разглядеть большое темное пятно на рукаве светлой шубки. Возможно, в этом было виновато тусклое подъездное освещение, но Алексею почудилось, что это пятно крови.

Она подняла сумочку вверх дном и потрясла ее. Что-то в ней застряло, и Вера вновь тихо рассмеялась. Запустив руку в сумку, вытащила оттуда одну за другой две маленькие статуэтки из слоновой кости и поставила их сбоку от двери. Содержимое сумки тем временем, лишившись препятствия, водопадом ринулось на кафельный пол.

В разных регистрах заголосили шмякнувшиеся о кафель мелочи, тюбик помады докатился до ног Киса и поскакал, припевая, по ступенькам; что-то стукнуло погромче и позвонче, и Кис определил по звуку, что предмет отлетел в сторону верхнего лестничного пролета. Он высунул голову чуть подальше, чтобы разглядеть, но вещица оказалась вне зоны его зрения. Одновременно он снова услышал тихий смех Веры. Чему она смеялась, он так и не понял, только утвердился во мнении, что Вера пьяна.

Вера сгребла содержимое сумочки обратно, забыв щетку для волос, которую Кис разглядел у соседских дверей; тюбик помады успокоился на одной из ступенек, и Вера не заметила его отсутствия;

статуэтки остались стоять у стены. Она распрямилась и, звякнув ключами, отперла дверь. Но вместо того чтобы войти, она вдруг уронила ключи и кинулась к чужой двери: заметила свою щетку. Прижав ее к груди, Вера снова засмеялась – как-то странно весело и очень тихо, сама с собой, – шагнула в темное пространство квартиры и прикрыла за собой дверь. Ключи так и остались лежать на пороге.

Что ж, у Киса есть отличный повод! Он резво сбежал на несколько ступенек, поднял помаду – перламутровый с золотом колпачок треснул, но все равно помада Л’Ореаль хозяйке пригодится; затем подскочил к порогу и поднял связку ключей. Потянулся было и за статуэтками из слоновой кости... Но рука замерла на полпути: статуэтки были покрыты пятнами. Несомненно, крови.

Кис некоторое время задумчиво стоял посреди лестничной площадки. Эти пятна ему очень не нравились. Разговор с Верой со всей очевидностью придется строить иначе... Если не отложить совсем. Нет, не отложить, – ну и что, что Вера пьяна? Может, будет только разговорчивей. Надобно срочно выяснить у нее происхождение окровавленных вещей.

За дверью Лучниковой что-то стукнуло, и Кис очнулся. Должно быть, нетрезвая женщина задела какой-нибудь стул... Пора к ней наведаться. Но оставался еще один предмет, выпавший из сумки Веры, – тот самый, который он не смог разглядеть. И Алексей повернулся вправо, к лестнице...

У нижней ступеньки следующего пролета поблескивал небольшой хромированный пистолет.

Кис так и сел на ступеньку. Это была аккуратная и даже элегантная «беретта». Прихватив пистолет за дуло носовым платком, он осторожно опустил его во внутренний карман.

Строго говоря, это было уже не его дело. Строго говоря, ему следовало бы позвать ребят с Петровки. И еще строже говоря, лучше всего прямо сейчас...

Он не успел додумать, что было бы лучше всего предпринять в данный момент, потому что до него донесся сдавленный крик.

Верин крик.

Кис подскочил как ужаленный и кинулся к двери.

И услышал тихий, очень тихий мужской голос. Спокойный и жесткий.

И рука Алексея, уже устремившаяся к кнопке звонка, застыла на полпути. В кармане у него лежали ключи от Вериней квартиры. А замок защелкнулся только на одну «собачку», Алексей слышал. И не лучше ли будет...

Он осторожно вставил ключ, еще осторожней повернул его и спустя мгновение оказался в темной прихожей.

– Пустите, – услышал он сердитый голос Ве-ры, – пустите меня! Там холодно, я не хочу!

Кис подкрался к двери в комнату.

Вера была перекинута через подоконник, и какой-то мужчина в черном пальто и маске пытался столкнуть ее вниз. Вера изо всех сил вцепилась за край карниза и капризно хныкала, словно речь шла о детской игре: «Там холодно, я туда не хочу...»

Алексей не очень понял, как ему удалось сделать такой бросок, но он его сделал: разбежавшись на два шага, пролетел по воздуху чуть не от порога комнаты к окну и приземлился прямо за спиной у мужчины, хватаясь за его пальто и опрокидывая его на себя. Мужчина рухнул на Киса, увлекая за собой Веру. Получился гамбургер из трех человек с бандитом в качестве стейка. Кис оказался в самом низу, полностью нейтрализованный, и, как днем в «Макдоналдсе», от этого гамбургера тоже почувствовал изжогу.

Мужчина в маске спихнул Веру с себя и, резво вскочив на ноги, бросился к двери. Освобожденный от груды тел, Кис не менее резво кинулся за маской. Эта сволочь, выскочив на лестничную площадку, сообразила захлопнуть за собой дверь, и несколько крошечных секунд, в которые Кис заново ее распахивал, ему сильно испортили дело: на площадке уже открывались двери лифта.

Из лифта вышел какой-то мужчина. Бандит буквально поднырнул за его спину, и через мгновение лифт уже заскрипел, уезжая. Кис с разбегу врезался в растерявшегося незнакомца, перекрывавшего детективу подступ к лифту.

– ...

Одарив мужчину непечатным выражением, Кис бросился на лестницу. Но тут же замер, машинально приметив, что человек, вышедший из лифта, исчез в Вериной квартире.

– ...

Кис скакнул обратно наверх и вломился в квартиру.

## Посторонний мужчина

Виктор не знал, как защитить Веру. От нее страшно было на шаг отойти – хоть работу бросай.

Но работу он бросить не мог. Все, что он мог сделать, – это быть рядом до и после.

Вот и сейчас, закончив смену – сегодня пришлось выйти вечером, – он торопливо шагал к дому на Соколе. Поднял, уже привычно, взгляд на ее окна.

И похолодел: окно было раскрыто настежь.

Как вскочил в лифт – уже не помнил; как на него налетел на площадке какой-то мужчина – едва заметил; как ворвался в настежь раскрытую дверь ее квартиры – уже не чувствовал.

У распахнутого окна, на полу, лежала Вера.

Кинулся, закрыл окно. Склонился к Вере. Кажется, без сознания. Но жива.

И в тот же момент оказался в стальном замке сильной мужской руки, обвинившейся вокруг его шеи, а лопатки ощутили твердое, жесткое, круглое прикосновение.

– Спокойно, голубчик, – проговорил сзади него мужской голос, – не дергайся. А то эта штука может нечаянно выстрелить в результате неосторожного движения... Понял? Руки вверх! – приказал голос.

Виктор повиновался. Обвинившая шею рука ослабла, и он получил толчок в спину.

– Не двигаться. Ручки обратно пожалуйста, вверх то есть. Так, хорошо. Теперь медленно поворачиваемся. Медленно, я сказал!

Виктор, задрвав руки, неловко повернулся лицом к мужчине.

Мужчина был среднего роста, худощав, и Виктор даже удивился – шея его до сих пор помнила стальной замок его руки, никогда бы не подумал... Темные, коротко остриженные волосы с первой проседью на висках, странный, мягкий взгляд, никак не вязавшийся с бандитским поведением.

– Документы при себе?

Виктор потянулся за паспортом во внутренний карман куртки.

– Стоп! – прикрикнул незнакомец. – Одной рукой, вторую не опускать. И медленно, медленно вынимаем... Так, хорошо, паспорт. Кидаем – одной рукой.

Он поймал паспорт на лету, не сводя глаз и дула пистолета с Виктора. Вытянул перед собой таким образом, чтобы и Виктор, и паспорт, и пистолет были рядом в поле зрения.

– «Коваленко Виктор Григорьевич, 1953 года рождения...» И что вы тут делаете, Виктор Григорьевич?

«Да он наверняка из милиции!» – вдруг догадался Виктор.

– Вы из милиции? – спросил он с облегчением.

– Не совсем... Руки! Не опускать!

– Я... Я друг Веры. Я врач. Вот пришел с работы, хотел посмотреть, как она, а тут вы... и окно...

– Она в обмороке, по-моему. Посмотрите.

– Я, собственно, этим и занимался... А руки... Можно опустить?

– Да. Но помните, что у меня пистолет.

Виктор, покосившись на означенный предмет, нагнулся. Приподнял веко: суженные, точечные зрачки.

Вера была не в обмороке, Вера спала. И разбудить ее было невозможно. Виктор оголил руку: так и есть, следы укола. Значит, «Женя» снова наведался...

Кис уже сидел в кресле, все еще сжимая пистолет и зорко наблюдая за движениями Виктора.

– Кто вы? – спросил Виктор, разогнувшись.

– Частный детектив. Но милиция тоже сейчас прибудет, не волнуйтесь.

– Да я, собственно, и не волнуюсь... Уберите вашу пушку, она вам ни к чему: я действительно друг Веры и врач...

Кис велел Виктору сесть и, поглядывая на него, набрал на мобильном номер: «Сергея, срочно выезжай, Лучникову пытались убить!»

– Что? Что вы сказали? Веру пытались убить?!

– Вытолкнуть из окна.

– Кто?!

– Он забыл представиться, невоспитанный.

– Уж не тот ли, который ворвался в лифт?

– Вполне возможно.

– А, черт! Знал бы я! Я бы его сцапал!

– «Бы-бы»! Если бы у моей тети были яйца, то она была бы моим дядей! – процитировал Кис любимое выражение друга-француза Реми. – Лучше скажите, что с Верой?

– Ей опять вкололи наркотик!

– Что значит «опять»?!

Виктор перенес Веру на постель, и следующие десять минут Кис с глубочайшим вниманием слушал историю о слежке, звонке из «Мелитополя», о «коллеге» и странной потере памяти...

– Нет, это невероятно! – забегал детектив, дослушав до конца. – Ну объясните мне, как же можно было об этом умолчать?! Почему вы следователю не сообщили? Почему она мне сразу не рассказала?! – стонал он.

Еще через пять минут милиция наводнила комнату. Ирина Львовна и Роман час назад были застрелены из пистолета 9-го калибра. Очень возможно, что из той самой «беретты», которая лежала во внутреннем кармане у Алексея и которую Кису пришлось вытащить и предъявить следствию. Соседи слышали выстрелы, видели Веру, выходящую из квартиры убитых. Перчатки Веры были в крови, ее шуба с подозрительным пятном на рукаве валялась на полу, ее дверь стерегли окровавленные статуэтки...

Кис и Виктор давали по очереди показания. Вера, провалившаяся в наркотический сон, была глуха и нема и не ведала, что ей грозит арест по подозрению в убийстве.

На кухне нашли записку, написанную разъезжающимся почерком: «Я их убила и ухожу из жизни. Будьте все прокляты».

– Это спектакль! – пытался объяснить Кис. – Свяжитесь с Петровкой, это часть одного и того же дела по изнасилованиям!

– Без вас знаем, что нам делать, – огрызнулся в ответ капитан.

– Да поймите же вы, это постановка, это мизансцена! Ей вкололи наркотик и привели на место

преступления! Иначе зачем бы ее пытались выбросить в окно? Она однажды пыталась выброситься, пресса историю расписала, и преступники на этом и сыграли! Ее подставили на роль убийцы, а затем собирались инсценировать самоубийство!

– Воображение у вас... Детективы бы лучше писали! Доказательства есть?

– Но попытка вытолкнуть ее в окно – разве не доказательство?

– Нет, – отрезал капитан. – Ее видели на месте преступления, два человека убиты из ее пистолета, у нее повсюду следы крови, я уверен, что жертв.

– У нее никогда не было пистолета! – почти кричал Виктор.

– А вы ей кто? Вы муж? Вы с ней тридцать лет прожили, чтобы знать, что у нее есть, а чего нет?

– Но, послушайте, она же, как вы утверждаете, застрелила двоих из пистолета. Пистолет рук не пачкает, не нож ведь! Кровь на перчатках объясняется только одним: кто-то ей намеренно выпачкал руки! – вторил Виктору Кис.

– Стоит ли искать логику в действиях женщины, находящейся в наркотическом опьянении? Сделаем анализ, посмотрим, чем она балуется.

– Она не «балуется»! Ей вкололи! Она никогда не была наркоманкой! – молил Виктор быть услышанным.

– Есть такой наркотик, который приводит человека в гипнотическое состояние, он даже называется так – «рогипнол»! – пытался объяснить Алексей. – Под его действием можно заставить человека сделать все, что угодно! А потом он к тому же еще и забудет, что сделал!

– Доказательства?

– Ампулы нет, – горячился Кис. – Если бы сама – ампула бы нашлась!

– А если выбросила?

– Тогда ищите в мусоропроводе: если сама выбросила – найдете.

– Не учите меня, ладно? Распишитесь вот тут и очистите помещение. А подруга ваша, как только придет в себя, поедет в изолятор временного содержания.

– Никуда я не пойду. Живу я здесь, – заявил Виктор, демонстративно усаживаясь в кресло. – Я врач, а Вере необходимо наблюдение врача. И ее нельзя в изолятор, за ней уход нужен!

– Документик имеется?

– Нет... Но мы живем вместе!

– В отсутствие хозяйки квартиры я не имею права оставить тут постороннего мужчину, не зарегистрированного на данной жилплощади!

– Пошли. – Кис буквально потащил Виктора к выходу. – Мы его только злим, и он из духа противоречия Веру не то что в изолятор, а в Матросскую Тишину упечет. Пошли, пошли, Виктор Олегович, сейчас с Петровки подъедут, они там получше соображают... Это же совершенно очевидно, что Веру подставили, только тупица может этого не видеть... Пошли, подождем на улице, покурим...

– Ах ты, черт, – произнес Кис уже на улице, у подъезда, пыхтя гаснущей на ветру сигаретой, – у меня такое ощущение, что я догоняю уходящий поезд! Расскажи вы мне сразу об этом «коллеге», мы бы тут засаду устроили! И взяли бы этого ублюдка тепленьким! А так я здесь сегодня по чистой случайности оказался...

– Слава богу, – вставил Виктор, – иначе бы Вера...

– Причем тут бог! – рассердился Кис. – Тут все мозгами решается, а не божьей волей, да только как прикажете мозгами работать, когда нужных элементов информации не хватает! Вот и Кисловская о чем-то умалчивает! Может, никакого отношения ее молчание к делу и не имеет, а все же...

Детектив вдруг сильно изменился в лице, что-то пробормотал еле слышно, некстати хлопнул Виктора по плечу и рванул к своей машине.

– Куда вы? – изумился Виктор. – Ведь сейчас люди с Петровки подъедут!

– Скажете им, чтобы срочно к Кисловской ехали! – крикнул Кис, захлопывая за собой дверцу «Нивы».

## Праздничный ужин

На пятницу был наконец назначен ужин у Славы дома. Марина не знала, ни где он живет, ни какая у него квартира. Единственное, что ей было известно, – квартира находится на Юго-Западе, в каком-то весьма престижном квартале... На ее расспросы Слава только загадочно отвечал: «Увидишь». И ей чудилось за его словами что-то такое роскошное, изысканное, хоть и неприбранное... Казалось, он собирается ее удивить.

Слава встретил ее после работы на своей «навороченной» «Тойоте», и они покатали, замирая в пробках, на Юго-Запад. Слава в машине всячески интриговал ее намеками на шикарный ужин, который ждет их дома.

В районе Ленинского проспекта он вдруг хлопнул себя по карману, наморщил лоб и произнес растерянно:

– Ключи!..

Во время очередной пробки Слава перетряхнул свой небольшой кожаный портфель, во время другой, изогнувшись под ремнем безопасности, обшарил все карманы.

– Маринка, по-моему, я забыл ключи у тебя дома... Господи, как глупо, целый час потеряли! Нам придется вернуться к тебе...

Он был так расстроен, что Марина даже принялась его утешать:

– Не страшно, подумаешь, ну что ты, в самом деле, как маленький! Съездим за ключами, потом поедem к тебе...

Они потеряли еще час в пробках, и Марина начала чувствовать голод и досаду. Уже подъезжая к дому, Марина вдруг не без раздражения подумала: а готов ли ужин, которым он так заинтриговал ее? Как же Слава его приготовил, если у него не было ключей? Неужто начнет готовить только после прибытия на место? Она умрет с голоду!

– У тебя там ничего не сгорит, я надеюсь?

– Сгорит? – Слава обернул к ней непонимающее лицо. – Нет, что ты! – вдруг просиял он: дошло, о чем она. – Я еще вчера заготовки сделал, когда убирал, надо будет только разогреть... Ну ничего, мы приедem и быстро разогреем, правда?

Слава поставил машину довольно далеко от подъезда, «чтобы не разворачиваться потом». Марина предложила сходить одна, но Слава только рукой махнул:

– Я сам не знаю, где они. Лучше будем вдвоем искать.

Он шел к ее подъезду, как всегда оглядываясь; Марине не нравилась эта привычка, словно он пробирался к ней тайком, и она даже однажды сказала ему об этом.

Слава тогда рассмеялся: «Извини, издержки прошлого. У меня была связь с одной замужней женщиной, и она страшно боялась, чтобы соседи меня не увидели. Я так натренировался с ней, что с тех пор засело в мозгу: чтобы соседи не увидели...»

Не сказать, чтобы Марине было приятно слушать подробности об «одной женщине», но Слава чмокнул ее в щеку очень нежно, и она в результате только посмеялась.

В прихожей Шанька радостно закрутилась под ногами. Слава снял с Марины пальто.

– Мы же только на минуту, за ключами! – возразила Марина.

– Какое дивное платье! – отступил на один шаг Слава. – Тебе очень идет красный цвет!

Он ей, верно, шел, особенно этот оттенок глубокого пурпура, тонувший в тонком бархате. Марина повернулась перед Славой, чтобы он получше оценил туалет, выбранный для торжественного ужина в его квартире.

И неожиданно ей бросились в глаза две вещи на полочке под зеркалом: часы «Пьер Карден» с бриллиантом и золотая ручка «Монблан».

Марина с изумлением обернулась к Славе.

– Что это? – прошептала она. От неясного ужаса у нее сел голос.

– Посмотри, – указал он на них, – это те цацки, о которых тебя спрашивала Наталья?

Безотчетно повинувшись его жесту, Марина взяла вещи в руки, покрутила неизвестно зачем. И без того было ясно, что вещи те! Она бросила их обратно на полочку.

– Это они... Ничего не понимаю! Что это, Славка?

– Сюрприз. – Слава очень серьезно посмотрел на нее и кивнул в сторону большой комнаты. – А там тебя ждет еще один.

Марина замерла в плохом предчувствии, ноги как-то сразу ослабли, и она стояла в нерешительности в прихожей, безнадежно выискивая в Славином лице признаки обычной нежности.

– Заходи же, смелей!

И он, подтолкнув Марину к гостиной, услужливо распахнул перед ней дверь...

На диване лежала Наталья. «Мертвая», – отчего-то подумала Марина.

На столике стояла раскрытая синяя коробочка, кольцо было на месте. Рядом на стуле сидел Виталик. При их появлении он встал и, хмуро кивнув Славе, направился в коридор. «Все готово», – бросил он, проходя мимо.

Наталья вдруг застонала и пошевелилась. Спит?

Мгновение спустя из коридора донесся звук закрываемых замков.

Марина, холодея, обернулась:

– Слава, что происходит? Что это все означает? Почему Наталья здесь? Почему Виталик? Почему часы, ручка? Что все это значит?!

Слава взял ее за плечи.

– Поверь мне, – сказал он проникновенно, – поверь мне, Маринка: мне очень жаль, что так все получилось. Я бы предпочел тебя трахать, честное слово. Мне давно никто такого удовольствия, как ты, не доставлял, клянусь... Но так все по-дурацки вышло...

– Слава!!! Что ты несешь?! – взывала Марина. Ей стало безумно страшно, что-то было между его словами – то, чего он не сказал, но что она уже начала понимать, хотя и не могла, не желала верить... – Скажи мне, ты спятил? Что с тобой?!

Она попыталась обхватить его за шею, прижаться к нему, словно надеялась его разбудить, докричаться: «Это же я, Марина! Которую ты любишь! С которой просыпаешься рядом вот уже две недели!..»

Но он крепко стиснул ее плечи, не давая ей сделать ни одного движения.

– Прости, ты не оставила мне выбора. Ей-богу, это так неприятно... И некрасиво как-то... Мне тебя жалко, и я рад бы оставить тебя в живых, но не могу...

Марина рванулась из его рук. Но Слава держал ее крепко.

Ее мозг судорожно искал выхода.

– Хоть объясни мне... Пожалуйста... – жалобно проговорила она.

Слава с сожалением покачал головой:

– Глупенькая... Ты так и не узнала меня без бороды и с перекрашенными волосами! А еще фоторобот составляла...

Если бы Слава не держал ее так крепко за плечи, она бы рухнула: ноги в прямом смысле подкосились.

– Давай кончай! – донесся голос Виталика из прихожей. – А то эта тетка скоро проснется.

– Наталья! – закричала Марина, вспомнив о ее присутствии в комнате. – Наташа! Наташенька!!! Проснись, умоляю! Они нас хотят убить!!!

– Не «нас», а тебя... – грустно уточнил Слава. – И убьет тебя она, – указал он на спящую Наталью. – Из-за колье. Все соседи слышали, как она кричала, что ты его украла. И ее отпечатки найдут по всей квартире, и саму ее вместе с колье найдут на месте преступления, но она вспомнить ничего не сможет... Давай, Виталик!

Виталик появился из прихожей. Слава рывком перевернул Марину так, что она оказалась спиной к нему. Его руки взяли ее в железное кольцо.

Марина видела, как Виталик направился к столику, вытащил из-под журнала обычный кухонный нож. Маринин к тому же...

Шанька, учуяв беду, испуганно жалась к ногам хозяйки.

– Прости, Маринка, – прошептал Слава ей в затылок, и она почувствовала прикосновение его губ к своей шее.

Виталик занес нож. Марина стояла перед ним, не защищенная ничем, стиснутая Славой... «Куда ударит? – пронеслось некстати в голове. – В сердце? В живот? В шею?»

Она отпихнула Шаньку, крутившуюся под ногами, и начала выбрасывать ноги вперед, словно танцуя гопак, стараясь попасть Виталику по ногам. Два первых удара оказались удачными: не слишком сильными, но, учитывая каблуки, чувствительными; Виталик отскочил.

– Держи ее крепче, – буркнул он Славе, потирая ушибленную голень.

Марина меж тем занесла коленку как можно выше и ударила с размаху назад каблуком. Слава взвыл: удар пришелся по коленной чашечке, – и выпустил ее из рук. Марина резко села на корточки и вынырнула назад, за ноги Славы. Кинулась в коридор.

Она успела открыть замок.

Нож мягко и даже почти не больно вошел под ребро.

Марина повисла на двери, открывая. «Помогите!» – крикнула она в образовавшуюся щель.

Еще один удар настиг ее, на этот раз повыше. «В сердце метит», – успела подумать она, несмотря на полный хаос мыслей.

Она выскочила на лестничную площадку, уцепилась изо всех сил за перила: «Помоги-и-те!»

Виталик исчез в квартире. Марина не могла больше сделать ни шагу, она качалась, вцепившись в перила до побеления пальцев. Почему никто не идет на ее крики о помощи!

– Помогите!!! – еще громче крикнула она, но на самом деле получилось куда тише: сил кричать уже не было...

Она увидела, как из дверей ее квартиры двое мужчин выволокли Наталью в полубморочном состоянии, подтащили ее к висевшей из последних сил на перилах Марине, выпачкали ей руки и одежду в Мариной крови, вложили нож в правую руку – в левой у Натальи было зажато кольцо, – и Виталик, прихватив Натальину кисть с ножом, нанес Марине еще один удар в спину.

Наталья едва держалась на ногах, и, как только мужчины отпустили ее, рухнула возле Марины. Марина опустилась на ступеньку – у нее уже не было сил цепляться за перила – прямо в лужу крови под ней. Ее крови.

«Я умираю, – подумала она. – Это бред, это невероятно, непостижимо, но я умираю...»

– Ты уверен? – донесся до нее сквозь ватный туман голос Славы. – А если выживет? Может, еще разок стукнуть?

– Я тебе не киллер, – проворчал Виталик. – Грязную работу всегда другим оставляешь, а сам барином...

– Надо ж кому-то и головой работать, – усмехнулся Слава. – Проверь, я сказал.

Марина сидела на ступеньке, уронив голову в колени. Из ее ран вытекала кровь, красная кровь на красном платье. Вытекала ее жизнь, впитываясь в бархат и превращаясь в бездарную, пошлую красную лужу на грязно-серой цементной ступеньке...

Кто-то осторожно взял ее за голову, приподнял лицо. Это был папа. «Доченька, я так по тебе соскучился... – произнес он. – Я не хотел тебя предавать, это получилось нечаянно, прости меня... Я люблю тебя очень-очень сильно, и мы с тобой теперь всегда будем вместе, только ты и я...» – «А мама? – спросила Марина. – Мама?» – «Ну конечно! Конечно, и мама тоже! Мы втроем. Хочешь, я куплю тебе Барби?..»

– Будь спок, – произнес Виталик, аккуратно опуская голову Марины обратно на колени. – Она того, всё.

– Отличная мизансцена получилась, – одобрительно кивнул Федя Горик, склонив голову набок и окидывая взглядом площадку лестницы. – Даже лучше, чем я предполагал!

Но Марина этого уже не слышала.

# Алый пурпур

Влетая во двор Кисловской, Кис едва не столкнулся с большой белой машиной иностранной марки, вырвавшейся из-за угла. Его охватило дурное предчувствие.

...Проклятие! Оно не обмануло его! В полном столбняке разглядывал Кис обеих женщин: Марину, уронившую голову в колени на верхней ступеньке лестницы, и Наталью позади нее, завалившуюся на бок на лестничной площадке. Он не сразу понял, откуда взялся красный теплый ручей, сползавший по грязным цементным ступеням лестницы, пока не разглядел в глубоком пурпуре бархата Марининового платья алый оттенок крови...

Кис очнулся от столбняка, приблизился, присмотрелся: в одной руке у Натальи был зажат кухонный нож, в другой – дорогое кольцо с бриллиантами и сапфирами. Она была жива и, по всей видимости, цела, а вот на леденеющей Марининой руке пульс едва прощупывался – слабый, умирающий, но еще был! Кис не мог сказать, насколько глубоки раны и задеты ли жизненно важные органы, но крови она потеряла немерено, если судить по теплоте красному ручью...

В надежде, что Серега не замедлит прибыть, Кис вызвал «Скорую», а сам пока облазил все ящики в квартире Марины в поисках перевязочных средств. Он перевязал Марину как умел, снова пощупал пульс: пока есть... Но сколько она еще продержится, пока эта чертова реанимация приедет?

Пока что он позвонил поочередно во все соседские квартиры. Завидев странную и страшную сцену, соседи пытались вывалиться в полных семейных составах на лестничную клетку. Кис почти силком запикивал любопытных обратно в недра их квартир, размахивая своим удостоверением и что-то крича о неприкосновенности места преступления и уликах. Тщательно прикрывая за собой двери, в которые так и тянулись соседские шеи, он выяснил следующее: накануне вечером вот эта дама, которая там валяется на площадке (пьяная, что ли?), устроила колоссальный скандал, колотила в дверь Марины Кисловской и обзывала ее воровкой, твердя о каком-то колье... Что же касается сегодняшнего вечера, то, как дружно утверждали обитатели соседних квартир, никто ничего не слышал: пятница, впереди выходные, народ интенсивно живет семейной жизнью. Кричали телевизоры, гудели стиральные машины и пылесосы, кто-то пил, кто-то спал...

Или – или никто не захотел признаться, что струсил откликнуться на крики о помощи?..

Вернувшись на лестницу, Кис, к своему облегчению, услышал сирену реанимобиля. У него еще оставалось несколько минут, и он продолжил свой маленький осмотр места преступления. Разглядел повнимательнее Наталью Константиновну: она бы-ла то ли без сознания, то ли погружена в наркотический сон. Задрал рукава: есть, есть точка! Нет сомнений, еще одна инсценировка режиссера– любителя...

Меж тем Наталья стала приходить в себя, просыпаться, шевелиться. Она приподнялась, непонимающим взглядом обвела лестницу, не задержавшись на Марине и никак не отреагировав на кровавую лужу. Попыталась встать. Ее тут же затошнило, и она на четвереньках отползла в угол, откуда до Киса донеслись характерные звуки, вызвавшие у него содрогания в желудке.

Сволочи, как точно рассчитали дозу! Сейчас приедет милиция, и Наталья будет в сознании; что ее стошнило – так это вполне может пройти как реакция на убийство; Наталья, скорей всего, как и в делах со Стасиком, об уколе ничего не вспомнит, и о том, что происходило после него, – тоже, конечно, нет. Кому придет в голову искать след от укола, кто предположит, что ее накачали хитрым наркотиком, стирающим память? На все ее отнекивания и заявления, что она ничего не помнит, в милиции только посмеются: нашли на месте преступления с орудием преступления в одной руке и с мотивом преступления – в другой...

Марину увозили в Склиф еще живой, но с «неблагоприятным прогнозом». Что на врачебном языке означало: «вряд ли выживет». Наталья, частично пришедшая в себя, ничего, разумеется, не помнила.

К счастью, приехал Серега, которому Виктор исправно передал слова Алексея, и, оставив слабую Наталью отлеживаться, слушал внимательнейшим образом историю о наркотиках в деле с Верой и Мариной.

Кис, как мог, обходил Стасика стороной: придет время. После этих двух попыток убийства с задействованными в них наркотиками будет куда легче убедить следствие в невинности Стасика.

Стасик. Надо срочно им заняться, срочно связаться с Галей, узнать, не ездила ли она на дачу. Потому как если ездила – за нею мог быть «хвост»...

– На кого ты работаешь, Кис? – в третий уже раз спрашивал Серега.

– Прости, задумался...

– Ага, так я тебе и поверил! Докладывай, сукин сын!

– Серега, отвяжись. Ты же знаешь...

– Ну да, ну да, тайна клиента! Знаешь, куда ее себе засунь?

– Ну, так и быть, держи: Вера Лучникова.

Кис почти не соврал, ведь только сегодня утром Вера предложила ему работать на него! Пока Серега разберется и сопоставит даты, Кис, глядишь, это дело до конца успеет размотать.

– Пошел я, – встал Кис. – У меня есть еще срочные дела.

– Скотина ты, Кисанов. Чую я, ты еще что-то об этом деле знаешь!

– Может, да, может, нет. Через пару дней, Серега. Дай мне два-три денечка, и я тебе все расскажу, как исповеднику!

С чего это он взял, что за пару дней управится, Кис не знал. Но черт его дернул пообещать. Ладно, в крайнем случае разведет руками и скажет: «Не вышло, едрена вошь. Не управился...»

– Как там Вера?

– Оклемалась. Мы с ней этого мужика оставили, Коваленко. И одного нашего парня, для охраны. А завтра она переедет к этому Коваленко, он ее то ли друг, то ли любовник, без разницы. Поживет пока у него.

– Но она в сознании?

– В смутном, я бы сказал. А тебе зачем?

– Ну как же, она все-таки моя клиентка!

Серега посмотрел на него с большим сомнением в серых глазах.

– Ох, хитришь ты, Кисанов!... Ну да хрен с тобой. Через два дня, я не забыл!

– Я сказал два-три...

# Дача

Покидая квартиру Марины Кисловской, Кис осознал, что намерения позвонить Галине он так и не осуществил. Посмотрел на часы: скоро полночь.

Да муж ее на выезде с Серегой, лишних вопросов задавать не станет!

Рассудив таким образом, Кис забрался в машину и позвонил с мобильного. Галю он разбудил, но, забыв извиниться, обрушил на нее град вопросов: когда была последний раз на даче? Да не заметила ль, случаем, слежку за собой? Да не было ли чего еще странного?

Оказалось, что Галя была как раз сегодня днем, в рабочее время. Мужу она признаться не могла, куда и зачем ездит, завтра выходной, вот она и решила сегодня съездить... «А слежку – помилуй, Кис, какая слежка? Кому это в голову может прийти – следить за мной?»

Хотел бы Кис знать, что может прийти в голову Артиста...

Ведь пришло же совершить два убийства в один вечер! Он, гад, рассудил вполне логично: если убрать сначала одну свидетельницу, то это может насторожить милицию, несмотря на все его хитроумные сценарии, и вторую милиция может взять под охрану... Хитрая сволочь! Так где же гарантия, что он параллельно не занимался поисками Стаса? И занимался вполне успешно? И Галю уже выследили?

Тут ведь вот какой вопрос тогда напрашивается: а жив ли еще Стасик?

Делать нечего, несмотря на поздний час, пустоту в желудке и усталость, придется Кису ехать на Галину дачу.

Раскисшие дороги были, к счастью, пустыми, и через полтора часа Кис, поплутав в дачном поселке, все же добрался до нужной улицы. Было около часу ночи, поселок стоял темный – зимой здесь мало кто живет, а если и живет, то уж давно спит...

Кис все же из осторожности поставил машину в самом начале улицы, внимательно осмотрелся и, тихо закрыв дверцу, неслышно заскользил мимо черных заборов.

Нужный дом ничем не отличался от своих собратьев: глухой и темный, ни дымка, ни света.

Но так и должно было быть, так они и договаривались со Стасиком. Будем надеяться, это единственная причина, по которой дом вымер...

Кис втек в калитку и прилип к стене дома: ни звука, ни шороха. Спит? Жив ли?

Обошел: тихо. Никого вокруг дома он не приметил. Да и то – зачем кому-то прятаться у дома? Посетитель, если таковой и был, пришел, сделал черное дело и исчез.

Вернувшись к входной двери, Кис постучал. Никто не ответил. Постучал погромче. Нет ответа. Звонить не хотелось: ночью звуки разносятся далеко. И все же легонько нажал кнопку звонка.

Безрезультатно.

Кис полез за универсальной отмычкой – дивной штучкой, подарком Реми. И вдруг услышал за дверью слабый шорох.

Шансов, что это был именно перепуганный Стасик, а не убийца, было все же больше. В самом деле, тогда надо допустить, что Кис приехал сюда именно в тот момент, когда явились по Стасикову душу... А это было бы невероятным совпадением. И сегодня их было уже два: он приехал к Вере одновременно с

убийцей и к Марине – хотя и опоздал, но почти за пятку поймал. Ну, не просто, конечно, совпадение, не зря Кис напрягал извилины, но тем не менее лимит совпадений на сегодня должен быть исчерпан! И потому он тихо произнес:

– Стас?

И, услышав в ответ нервный вздох, убедился в своей правоте с большим облегчением.

– Это Алексей Кисанов, детектив, откройте мне тихонько дверь...

Дом пахнул затхлым помещением, которое редко проветривают. Было накурено, тепло и душно.

В темной комнате они и расположились – Стасик на кровати, Кис на стуле.

Все оказалось спокойно: никто Стасика не тревожил, никто по его душу не появлялся.

Кис решил ночевать здесь, чтобы не тащиться обратно. Стасик даже накормил его ужином и нашел для детектива одеяло: освоился на Галиной даче.

Утро не принесло ничего нового. Кис размышлял.

Артист все больше и больше запутывался в проколах. Первый – с Верой: Ирина Львовна подставила вместо себя соперницу, уведшую у нее мужа... Впрочем, это могло быть затеей ее любовника, сладкого Романа.

Как бы то ни было, Артист отомстил за вероломство обоим. Причем руками одурманенной наркотиком Веры. Тем самым рассчитывал подставить опасную свидетельницу, а затем вывести ее окончательно из игры «самоубийством».

Другой прокол вышел с Мариной: она застала преступников в то короткое мгновение, когда они покидали квартиру, снимая маски, и запомнила бородатого...

Новой неприятностью для Артиста стало исчезновение Стасика. С одной стороны, даже хорошо: милиция стала Стасика еще больше подозревать. С другой – «двойник» выпал из-под контроля.

Последний прокол вышел сегодня, когда Кис спас Веру от неминуемой смерти. Вера осталась жива и, следовательно, снова представляет для Артиста угрозу. Но вряд ли он теперь до нее доберется: она под охраной.

И сейчас, как никогда, Артисту необходимо подсунуть милиции Стасика, который должен взять все грехи на себя. Вернее, на свой труп. Причем, несомненно, с очередной инсценировкой несчастного случая или самоубийства – убийство тут не пройдет.

И последнее: а не вычислили ли они самого Киса?

Нет. Крайне маловероятно, чтобы они следили за квартирой Стасика в тот вечер, когда Галя обратилась к Алексею. Кроме того, Кис лопатками чувствует «хвост». И если бы он был – давно бы уже заметил.

Значит, все, что им остается, – следить за Галей. В конце концов, это логично: кто, как не любовница, может помогать беглецу? Вряд ли им могло в голову прийти, что Галина прячет его на своей даче, но где-то он скрывается, а она его опекает... Следовательно, за ней должны были установить слежку. Тем не менее, похоже, что до сих пор Галю не выследили: наверное, просто руки у негодяев не дошли, на Кисловскую и Лучникову бросили все силы. Зато теперь, когда руки развязаны... Да, теперь они должны резво приняться за поиски Стасика.

Кис связался с Галей по мобильному и велел отправляться на вокзал, купить билет на электричку и

проехать хотя бы одну станцию.

– Скажи Димке, что к подруге надо навеститься или на рынок – придумай, что хочешь, в конце концов, это много времени не займет! Выходи через пару часов, ладно?

Кис оставил машину в дачном поселке, отогнав ее подальше, на другую улицу. Сел на электричку и поехал в Москву. Спустя полтора часа он был возле Галиного дома.

Он проследовал за Галей до вокзала, наблюдал, как она покупает билет, видел, как она вышла на перрон и рассматривала электронные табло в поисках нужной платформы. Он просеивал взглядом каждого, кто маячил за ее спиной.

Никого.

Мероприятие было в точности повторено на следующий день: никого.

«Может, – думал разочарованный Кис, – они не предполагают, что Галина отважится ехать к Стасику в выходные, когда муж дома? Завтра понедельник, рабочий день, – тогда они должны появиться завтра!»

И они появились.

Точнее, появился парнишка в синей куртке. Кис легко заметил его в толпе возле аптеки, он толкся недалеко от остановки троллейбуса, прячась за спины прохожих, которых было немало в этот послеполуденный час. Верно описали его свидетели: простоватое деревенское лицо, глаза хитрые, быстрые и смешливые – нахаленок, как обозначил его Стасик.

В назначенное время Галя возникла в дверях аптеки и двинулась к метро; парнишка резво устремился за ней, Кис не менее прытко – за ним. Они благополучно добрались до Киевского вокзала, Галя направилась в кассу, и в этот момент Кис позвонил ей на мобильный.

– Тихо, Галя, тебя могут слышать! Не смотри по сторонам, не оборачивайся ни в коем случае. За тобой «хвост». Сейчас ты громко воскликнешь что-нибудь типа: «Как, прямо сейчас? Но я не могу!», потом изобразишь на лице досаду и скажешь: «Ладно». Повернешься и поедешь опять на работу, как будто тебя с работы вызвали. Поняла?

Галя молча кивнула в трубку, полагая, и вполне справедливо, что находится в поле зрения Киса. Умница, правильно!

«Тоже мне, сотруднички! – громко воззвала Галя в трубку. – На пять минут уйти нельзя! Что значит – без меня никак? Я директор, а не нянька! Всех повыгоняю, к чертовой матери!» Она возмущенно отключилась и, как велел Кис, размашисто зашагала к выходу из здания вокзала. Проводив Галину до ее аптеки, Нахаленок метнулся, поймал какую-то тачку, Кис тоже поймал – своя была на даче. Но водитель попался неповоротливый, и детектив с досадой смотрел, как отрывается от них на светофорах красный «Москвич»...

Спустя десять минут под аккомпанемент проклятий Киса они окончательно потеряли машину из виду.

На следующий день Кис явился в аптеку – Нахаленок торчал на месте, – прошел в Галин кабинет и полчаса объяснял ей, что и как нужно сделать назавтра.

– Вчера мы еще были не готовы к тому, чтобы привести банду к Стасику, а сегодня – вся надежда на тебя! Так что сосредоточься максимально, Галина!

Он начертил ей план, стрелочками показал, куда сворачивать, попросил повторить, закрыв глаза, и оставил Галину только тогда, когда она смогла без запинки рассказать, как пройти от станции *на дачу Александры*.

Дача Александры ему дорого обошлась. Поначалу он хотел было навести банду на собственную дачу. Но перестраховался: а вдруг Артист решит справки навести о хозяине? Частный детектив – человек весьма для преступника подозрительный, гляди, и ловушку почует...

Перебрав в уме все возможные варианты, Кис пришел к выводу, что просить об услуге некого, кроме Александры.

Он позвонил. Спросил, нельзя ли приехать. Ледяное «Я занята» в ответ и предложение объяснить суть дела по телефону. И фоном где-то в глубине ее квартиры мужской смех.

Кто?

Кто у нее?!

Чему Он смеется?!

Ах, как не хотелось ему просить ее об одолжении; ах, как хотелось спросить, кто у нее сидит в гостях и в каком таком качестве? Но, разумеется, он сказал только то, что собирался сказать:

– Мне нужна твоя дача.

Она даже не спросила зачем! И, когда Кис попытался объяснить, перебила:

– Нужна так нужна.

– Да, но я должен тебя предупредить: вдруг там что-то поломается или побьется...

– Я тебе выставлю счет, – сухо сообщила ему Александра и засмеялась – нет, не ему! А в ответ гостю, голос которого гудел где-то в глубине ее квартиры.

– Когда можно за ключами подъехать? – окончательно расстроился Кис.

– Пришли Ваньку. Пусть прямо сейчас и едет.

Она положила трубку.

Кис потом все выспрашивал у Ваньки: какой из себя? Как звать, не слышал? А Ванька в ответ страшно важничал и степенно описывал лицо (красивый мужик!), костюм (хороший костюмчик!), носки (в тон носочки-то!), парфюм (французский!). Кис терзался неимоверно до тех пор, пока не услышал, что мужик усатый и что звать его Феликс. Усатый Феликс был другом ее детства и, кажется, опасности не представлял...

Уф!..

– ...У них не должно быть впечатления, что ты здесь в первый раз, – пояснял Алексей Галине. – Они предполагают, что ты любовника опекаешь, помогла ему спрятаться, возишь ему продукты... Поэтому никто не должен заподозрить, что ты толком не знаешь адреса, ясно? Постучишь, Ваня тебя впустит, как будто это Стасик там, поняла? Веди себя непринужденно. И не вздумай оглядываться!!!

Галя свою роль исполнила с блеском. Купила билет, проехала до нужной станции и почти без колебаний нашла нужный адрес. Один только раз она засомневалась, но – браво, молодчина! – начала вдруг прихрамывать, остановилась, сняла сапог и, поскакивая на одной ноге, принялась внимательно разглядывать свою пятку, незаметно изучая окрестности, чтобы сориентироваться. Золото, а не женщина, оценил Кис, неотступно следовавший за Галей и Нахаленком от аптеки.

На стук Ваня, мелькнув в проеме двери наклеенной бородкой а-ля Стасик, впустил Галю. Кис не видел Нахаленка, засевающего в кустах напротив дома, но был уверен: парнишка все рассмотрел и все запомнил.

В Москву Нахаленок и неотступно следовавший за ним детектив возвращались на электричке, но машина Киса, на случай очередной гонки, стояла уже на привокзальной площади.

Он не ошибся и своей предусмотрительности порадовался: Нахаленок вскочил в первую же притормозившую тачку и направился на Юго-Запад.

Высокий дом, в котором Нахаленок исчез, был, по предположению Киса, местом проживания Артиста: именно к нему должен был ехать докладывать о результатах слежки парнишка. Кис покинуть машину не рискнул: если он прав, то Нахаленок может появиться в любую минуту.

Что ж, и здесь детектив рассчитал верно: минут двадцать спустя синяя куртка вынырнула из подъезда и отправилась к проезжей части ловить новую машину. Кис, не выйдя из своей, тихо тронулся следом.

На этот раз он оказался в Новогирееве. Синяя куртка скрылась в одном из подъездов, и Кис, выждав, применил старый прием: достал свой кошелек и позвонил в первую же дверь, объясняя, что кошелек сей обронил молодой человек в синей куртке, но что Кис догнать его не успел, ибо молодой человек скрылся в недрах этого подъезда...

Информация была получена незамедлительно и полностью: Киреев Антон, квартира 14.

Красота! Хоть сейчас иди и бери всю компанию!

Однако Кис считал, что было бы разумнее подождать и обзавестись самыми что ни на есть прямыми доказательствами.

Кис прождал еще два дня, точнее, две ночи: он не шибко волновался, уже зная, что Артисту нужно время на разработку сценария. А Кис в это время разрабатывал свой...

Спрятавшись за углом улицы, он видел, как проезжала мимо дачи Александры большая белая машина – в свете дня он хорошо разглядел марку, «Ауди», и номер.

Видел он и то, как ночью подкралась к дому высокая фигура и, светя маленьким фонариком, внимательно изучила замки на даче; и как снова мелькнула синяя куртка – Нахаленок, пригибаясь и прячась по кустам, исследовал окрестности дома и садик; и как еще одна фигура, ростом со Стасика, но без бородки, явилась ночью на разведку...

Кис ждал и размышлял. Работа над «сценарием» явно кипит вовсю: что же они придумают? Ему нужно быть готовым к последней схватке с противником, на карте не только его профессиональная честь, но и жизнь... Артист уже был не просто насильником – он стал убийцей, хладнокровным и страшным.

Ох, как бы ему сейчас пригодилась информация, которой располагала Марина Кисловская! Но Марина находилась в тяжелейшем состоянии в реанимации, задета почка и легкие, и нечего даже мечтать, что к ней пустят частного детектива...

Ничего, Кис теперь управится. Пасьянс идей и фактов потихоньку раскладывался, стоило только еще чуть-чуть напрячь мозги...

И Кис напрягал мозги, выстраивал возможные версии дальнейшего хода событий. Для несчастного случая у них не так много возможностей: вряд ли они рассчитывают, что Стасика (которого, впрочем, на даче Александры сроду не было) будет легко выманить из дома. Стасик прячется, значит, боится, а раз боится, то из дома никуда не пойдет, двери никому не откроет и в переговоры не вступит – уж за Ваньку в

роли Стасика Кис ручается. А шум поднимать у двери дачи им ни к чему.

Тогда – мизансцена дома. Пожар? Отравился газом? Электричеством шарахнуло? Крысиного яду проглотил? Сделают ему укольчик – спите, батенька, а сами то ли к розетке Стасика, то ли к газовой плите, то ли костерчик разведут...

Или – самоубийство? «Не могу вынести груза вины за все мои преступления, добровольно уйду из жизни...»? Под дулом пистолета и не то напишешь, вон Вера нацарапала же записку! А потом в петлю его... Или застрелят и в руку пистолет вложат. Свидетели ведь упоминали о пистолете? Упоминали. Вот милиции пистолет и подкинут...

Во всех этих случаях, поскольку Стасик дверь добровольно не откроет, а шум поднимать нельзя, они постараются проникнуть в дом сами. Следовательно, вскроют замки. И непременно ночью.

Какие еще варианты? Погиб в перестрелке? Да с кем Стасику стреляться?

Впрочем... Стасику-то не с кем, а Артисту есть! У него ведь в банде еще трое, и все это знают. И перестрелкой между бандитами никого не удивишь в наши времена... Кстати, Кис как-то упустил из виду: а как, собственно, Артист представляет дальнейшую участь остальных членов своей банды? Допустим, милиция проглотит наживку: труп Стасика в качестве главаря. А остальные? Все равно же их искать будут?

С другой стороны, как их найдешь? Здесь Артист спокоен: никто их толком не видел, описаний нет, ищи ветра в поле... Вот только Нахаленку не повезло: этот засветился. Марина его видела – раз. Стасик, у которого Нахаленок стырил сигареты, его заметил – два. Вера Лучникова – три. Мальчишка неосторожный, слежку ведет небрежно, вычислить его крайне легко...

Кроме того, он и был, скорее всего, «спикером», это его молодой голос вещал о восстановлении справедливости... И голос этот потерпевшие могут узнать... И он же наверняка тот «молодой блондинчик», приплативший Надюхе из пивной за «розыгрыш». И Надюха тоже легко его опознает. А если повезет, то и «деловой» Колян по возвращении опишет именно Нахаленка в качестве заказчика на «шуточки» у геев...

Почему именно его? Да потому, что парнишка работает на авансцене, у самой рампы, на свету и на виду. И не случайно на все роли, обеспечивающие хоть какую-то публичность, Артист поставил именно Нахаленка. Собственно, роль у Нахаленка одна: *камикадзе*.

Очень, очень даже возможно, что события примут именно такой оборот: Артист любит решать все проблемы одновременно. Следовательно, готовится сцена поножовщины или перестрелки.

Но какой бы сценарий ни готовил Артист, он начнет воплощать его ночью, со вскрытия замков. Они рассчитывают, что Стасик будет спать. А даже если и проснется, то не пикнет: куда ему против четверых! Укол делать вряд ли будут: Актер не дурак, должен понимать, что труп первым делом на аутопсию отправится. Наркотик этот исчезает из крови через три-четыре часа, да кто ж поручится, что тело не найдут раньше? Им самим выгодно привлечь внимание к даче, например, дверь оставить открытую, чтобы соседей заинтересовать: иначе труп может пролежать аж до следующего Галиного приезда. А им нужно, чтобы следствие заглохло как можно скорее.

Далее, Стасика, по сценарию, убивают. Ножом? Вряд ли, кровь много лишних следов оставляет на одежде, а в темноте от них трудно будет уберечься – не рискнут же бандиты зажигать свет... Кроме того, если Нахаленок будет принесен в жертву, то воспользуются они, несомненно, огнестрельным оружием. Тем самым «большим» неопознанным пистолетом, о котором упоминали потерпевшие. С глушителем, к примеру.

И пожалуйста, дорогая милиция, вот вам труп искомого бандита и одного из его приспешников! Как раз того самого – вот повезло ментам! – которого смогут опознать свидетели. Просто подарочный набор.

Ну что ж, если Кис сделал верную ставку, то его сценарий будет не хуже. На этот раз удача должна ему даваться в руки: он, право же, славно поработал и на прихоти дорогой содержанки заработал с лихвой! Ей осталось только благосклонно кивнуть Алексею и томно прошептать: я твоя...

Кис, окрыленный образом судьбы, склоняющей томную головку к нему на плечо, – причем очаровательная головка эта имела отчего-то полное сходство с Александрой, – вышел из дома и направился к станции: гостей он ждал не раньше ночи, а пока что у него имелись дела в городе. А точнее, в Новогирееве.

# Нахаленок

Нахаленка дома не было, его мать, вытирая руки о передник, пообещала, что «к обеду будет». Обед намечался в час дня.

Кис уселся в «Ниве», зорко наблюдая за подходами к дому. Воспользовавшись нежданной паузой, он размышлял, оттачивая свой сценарий. И так, если Артист будет выстраивать мизансцену перестрелки, ему придется позаботиться о том, чтобы милиция в нее поверила. Значит, в темную массу на кровати они стрелять не станут. Кроме того, Артист не дурак, знает наверняка, что расстояние, с которого произведен выстрел, эксперты установят играючи. А *перестрелка* не бывает вплотную, стреляют на расстоянии – именно с целью не подпустить к себе другого... Значит, им нужно Стасика вытащить из постели и отвести его «на позицию». Разделятся, скорей всего, два на два: одни держат перепуганного и дрожащего Стасика, другие становятся напротив. И если расчет Алексея верен, то в паре напротив окажется именно Нахаленок... Он наверняка не стрелок – воришка-карманник, не более. Так что стрелять в Стасика будет второй. Он же, в случае чего, мальчишку придержит, когда его будут укладывать те, кто останется рядом со Стасиком...

И придется Кису сильно рискнуть и сыграть роль Стасика до конца, иначе они отвернутся: «Пришли поговорить». Ну и что, что с пистолетом, нынче только так деловые разговоры и ведутся! Наврут с три короба...

Был уже час дня, а Нахаленок все не появлялся. Кис выбрался из машины и занял позицию поближе к подъезду. Спустя десять минут он заметил синюю куртку, возникшую из-за угла. Ага, мы иногда и ножками ходим, не все в тачках разъезжаем! Тем лучше.

Кис перехватил его у соседнего подъезда. Мальчишка, ощутив твердый кружочек дула, надавивший на его ребро, побледнел и замер. Кис взял его под руку, как старый добрый знакомый, и пригласил в машину. Нахаленок приглашение принял без колебаний, чему способствовало, несомненно, жесткое дуло у ребра.

В машине они просидели примерно час, беседуя. Мальчишка хмурился, смотрел недоверчиво и угрюмо, но слушал внимательно.

– И главаря вашего зовут Федор Горик, – нажимал Кис. – И живет он на Юго-Западной...

– Вы и это знаете? – удрученно проговорил Антон.

– Знаю. Так же, как и то, что теперь он сменил имя...

– Уж года три как сменил...

– А промышляете вы сексуальным разбоем все пять. Тебе сколько лет?

– Двадцать три.

– Значит, ты с восемнадцати в банде?

– У нас не банда! У нас отряд!

– Отряд – чего? Приматов?

Должно быть, Нахаленок ничего о приматах не знал, потому что, не заметив подвоха, ответил серьезно и даже торжественно:

– Мы боремся за справедливость!

Кис озадачился. Конечно, он что-то в таком духе и представлял, но думал все же, что к этой белиберде члены банды относятся с долей циничного юмора, а лапшу на уши Артист вешает только своим жертвам... А вот поди ж ты, и этому Антону, который оказался неожиданно старше, чем выглядел, тоже успешно навесил... Неужто пацан совсем придурок?

– То есть, когда вы отлавливали девчонок у дискотеки, насиловали их и грабили – это была «борьба за справедливость»? И потом, когда по заказам дамочек убивали их мужей, – тоже за справедливость сражались?

Нахаленок понес такую чушь в ответ, что у Киса уши моментально свернулись в трубочки. Слушая пламенную мешанину про виноватых во всем коммунистов, евреев, «новых русских», демократов и продажных баб, он только изумлялся – нет, не тому, что Феде удалось придумать этот бредовый политически-националистический коктейль, а тому, что нашлись охотники употребить его в пищу для ума. Впрочем, наличие последнего у Нахаленка вызывало сильные сомнения: чтобы такое схавать, нужно вовсе мозгов не иметь... Самое же поразительное, что мальчишка ведь не дебил, не умственно отсталый, разве что по юности не разобрался? Да ведь двадцать три уже!

Хотя, сказал себе Кис, и совсем взрослые, и даже вроде бы умные попадают в сети – хоть партийных лидеров, хоть гуру в сектах, все одно. Так чего ж с Антона строго спрашивать?..

– У вас политическая партия? – спросил он полуутвердительно.

Антон важно кивнул.

– Из четырех человек? – подковырнул Кис.

– Зачем же? Мы взяли одну существующую партию и просто навели в ней порядок... – Антон вдруг заговорил баском, явно подражая чужой интонации, должно быть, Артиста.

– Какую же это партию вы «взяли»?

– Ага, – сказал Антон, оживившись, – значит, этого ты не знаешь! А я тебе не скажу!

– И не надо, сам найду. И как же вы до таких светлых идей добрались? Ведь, насколько мне известно, Федя был бездельником и неудачником.

– Да так... – пожал плечами мальчишка, – от скуки. Стояли мы как-то у дискотеки...

...Вышло все от скуки. От нечего делать получилось. От тоски неудачника.

То есть Федя, конечно, неудачником себя не считал... Впрочем, чего врать самому себе: был он неудачником и занудой, который вечно проклинал несправедливую судьбу.

Федя был артистичен по натуре. Сын школьной уборщицы и рабочего, балованный и ленивый, но – откуда что взялось! – обнаружилась в нем тяга к искусству. Он ходил в драмкружок районного Дворца пионеров и мечтал о карьере актера. Вот закончит он школу, вот поступит в театральное училище...

Но только для этого надо сдать экзамены. А для этого прочитать много книжек.

Загвоздка была в том, что Федя не любил читать. Катастрофически не любил, сам вид книги навевал на него скуку, и умственное напряжение, связанное с восприятием черных противных слов, тараканами сидевших на белой бумаге, утомляло его и вызывало отвращение. Он мог прочитать книжонку-другую, он легко схватывал любую информацию и играючи запоминал с чужих слов, он мог цитировать по памяти целые отрывки, но читать эти горы литературы?.. Он мечтал о сцене, он видел себя в разных ролях, он даже целые спектакли ставил в воображении – эффектные, сочные, яркие – и уже успел решить, что ему нужна карьера не актера, а режиссера...

Но только для карьеры режиссера нужно было прочитать еще больше книжек и еще много чего написать на экзамене, а Федя не только читать не любил, но и писать.

Федя с трудом закончил школу, до аттестата его дотянула мать: в ногах валялась у директора школы, чтобы не отчислили, чтобы хоть с троечками, да оставили... Какие уж тут экзамены в театральный!

Вот и остался талантливый Федя со своим талантом один на один. Работать не хотелось, что вполне естественно: человеку с творческими наклонностями претил грубый физический труд, а на какой иной труд он мог рассчитывать, не имея образования и ненавидя интеллектуальные усилия? Как, впрочем, и любые другие тоже.

А народ вокруг суетился. Из каких-то углов и щелей вдруг повылезли немытые мужики и сопливые подростки, которые резко наводнили все нижние сферы первоначального накопления капитала, как то: торговля – сигаретами, пивом, первыми импортными продуктами, – мелкий дво-ровый рэкет и валютные операции в масштабе районной «Березки». И Федя тоже пустился приторговывать чем мог, пока не остановился на пиве – другого дела, которое не требовало бы труда, но приносило хоть какие-то деньги, он не нашел. А денег хотелось больших и сразу. А почему нет? Другие-то как-то сумели хапнуть! Он попытался было подъехать к одному парню со двора, который, Федя знал, занимался наркотой, хотел в долю войти, но тот и говорить с ним не стал: у Феди даже во дворе была репутация человека ленивого и безответственного.

Заработанные деньги Федя быстро проматывал на удовольствия. Им овладела жажда – та самая жажда, которая охватила всю нацию: быть богатым здесь и сейчас. Но «быть богатым» озверевший от дикого капитализма совок понимал вовсе не так, как западный богач. Богач денежки считает и пыль в глаза никому пускать не намерен. Тогда как совок денежки превращал немедленно в ту самую пыль, которую интенсивно пускал в глаза всем и каждому. И потому денег не было никогда. И потому они все время были нужны.

Впрочем, «удовольствия» ему удовольствия не доставляли: Федя жил в агрессивном противоречии с миром, который его, такого талантливого, отверг и не оценил, и в постоянной зависти к другим, преуспевающим и денежным. Версию об отверженном таланте Федя сам придумал – и сам же в нее легко поверил, искренне забыв о том, как по собственной воле бросил театральный кружок и подался в «бизнес»...

Друзей у него было мало – никому он не был интересен с его вечными жалобами: он-де великий актер и режиссер, а в этой гребаной системе никому не нужен, вот на Западе людей на улице берут для съемок (это он как-то по телевизору слышал такую фенечку), а здесь он должен корячиться с утра до вечера, торгуя пивом...

Все же пара-тройка преданных людей у него появилась: он угощал пивом, а они, все моложе его, полублатные пацанята, не знающие, как и он, чем себя занять, под пиво охотно слушали его рассуждения о жизни и о людях, полные агрессивной зависти. И вместе с Федей наливались пивом и злобой к миру.

Его восхождение на вершины началось душным летним вечером... Впрочем, тогда Федя еще не знал, что это начало славного пути. Тогда он просто стоял недалеко от выхода из модной дискотеки, на которую у него не было денег, – заработанное он благополучно спустил, а новая партия пива была еще не продана. Стоял и ненавидел всех входящих и выходящих оттуда людей, группами и в одиночку, парней и девчонок.

Особенно девчонок. Феде с ними не везло. Они лихо западали на его красивую внешность, но Федя быстро становился им неинтересен ни душевно, ни материально. Его стенания по поводу несправедливого мироустройства поначалу вызывали у них здоровое желание помочь, посоветовать, как-то организовать

Федину жизнь, чтобы он сумел реализовать свои таланты (а в них простодушные девчонки верили – Федя был артистичен, Федя был эстет!) и благодаря талантам найти достойный способ зарабатывать деньги...

Но затея эта быстро доказывала свою абсолютную бессмысленность: делать Федя решительно ничего не желал. Хуже того, очередная пассия быстро начинала его невыносимо раздражать своей назойливой опекой. Федя был убежден, что девушки должны его любить и вообще на руках носить за его мужские достоинства, за его красивую внешность, за его отличные бойцовские качества в постели... За его артистизм наконец! Как он умел изобразить историю, как он умел рассказать последний фильм в лицах! «А он из автомата: тра-та-та-та! А тот ему из пистолета: пттюх, пттюх, пттюх! А тут цистерна как жжахнет! Бах-бабах! И все легли. А тут эта телка выходит». – И Федя быстрым движением чертил контур «телки» в воздухе, а потом выбрасывал ногу, словно шел на каблуках, и поводил бедром...

Они же слушали как замороженные! Они же говорили, что после него можно в кино не ходить! Они же сами простые, как три копейки! Им такой подарок, как Федя, и не снился! Но нет, начиналось всегда, как по программе, с каждой новой девицей – одно и то же: «Надо тебе учиться, надо тебе поступать, надо тебе готовиться...» Почему НАДО? Кому он и что должен? Ничего! Никому! И пошли все на... Кому не нравится – иди вон!

Они и шли вон. Сначала радовались, отхватив такого парня, потом – шли вон. Без оглядки и без сожалений. С облегчением шли вон, словно от обузы избавились... Бабье, сучки! Ясно, зачем его учиться подбивали: надеялись, что он прославится и будет огребать такие бабки, что Кольке, который наркотой торгует, не снились! А они, значит, при нем, при звезде экрана, на всякие тусовки светские шастать будут, туалеты себе дорогие заказывать, по Каннам разъезжать... Вот зачем им надо было заставить его учиться! Все под себя, бабье! Если б у него были деньги, они бы не нудили: сделай то, сделай се! Они бы за счастье почли любой его каприз выполнить! Их не стало бы интересовать его образование, даже если б у него три класса было; их не стал бы интересовать источник его дохода, даже если бы он был киллером наемным, – все бы схавали, и утерлись бы, и у ног бы ползали за красивые шмотки и цацки, за возможность выйти в дорогой кабак и покрасоваться! У-у, твари продажные!

После четырех попыток сойтись с разными девушками, закончившихся одинаково неудачно, Федя весь женский род стал глубоко презирать и серьезных отношений больше ни с кем заводить не желал. Пустился было в «просто секс», но любительницы последнего едва не отбили у него напрочь естественную физиологическую потребность. За пару лет «просто секса» он такого навидался, чего его самая изощренная фантазия представить не могла. Но больше всего – больше групповух и прочего непотребства – в память врезалась одна сцена: он свалился с температурой под сорок, в бреду и в поту. Открыл воспаленные глаза от какого-то непонятного беспокойства и обнаружил... что на нем трудится страшенькая панковатая девица, ни лица, ни имени которой он вспомнить не смог! Увидела, поблядушка, что предмет находится в рабочем положении (чему виной была исключительно температура под сорок), и решила свое удовольствие поиметь!

Федя свой любовно-сексуальный опыт подытожил: все они одинаковы, все ненасытны и все так и норовят мужиком попользоваться! Хоть деньгами, хоть... Но особенно деньгами!

И потому, разглядывая у дискотеки красивых, дорого и вызывающе одетых телок, которые ему не принадлежали и принадлежать не могли, Федя ненавидел их страстно. Все они были куплены, куплены с потрохами, со всеми этими соблазнительно выглядывающими из глубоких вырезов сиськами, с этими аппетитными попками, туго обтянутыми микроскопическими юбками, с этими нежными ляжками, нахально сотрясающимися при каждом шаге на высоченных каблуках! Куп-ле-ны!

Но – не им.

Эти роскошные самки принадлежали отвратным, самодовольным, жирным и старым богачам. По той простой причине, что у них есть деньги. Наворованные. Те самые деньги, которые никак не даются Феде в руки. Как и красивые, дорого упакованные, вернее, распакованные, услужливые девочки.

И от этого хотелось выть. Это было в высшей степени несправедливо. Это было еще обидней, чем неоцененные таланты.

Именно тогда он произнес фразу, предопределившую его дальнейшую жизнь: «Это несправедливо, – сказал Федя, – что красивые девочки трахаются со старыми богатыми уродами. Красивые девочки должны трахаться с красивыми мальчиками. Такими, как мы. Правда, мужики?»

И в блеске ответных взглядов троих верных щенков загорелась заря его новой жизни.

– От скуки, значит... – Алексей решил, что пришла пора подытожить разговор. – Итак, Антон, у тебя есть два варианта: либо ты мне веришь и делаешь так, как я сказал; либо ты мне не веришь и бежишь бегом меня закладывать своим. Только запомни: в этом случае ты не доживешь и до вечера. Теперь выбирай.

– А чего это ты такой добрый? Чего это ты пришел мою жизнь спасать?

– Слушай, малец, ко взрослым надо на «вы» обращаться... А ты, значит, думаешь, что всем на всех наплевать, как тебе? Ты думаешь, что мир вот так именно устроен: каждый за себя, а остальных можно в штабеля складывать и по ним идти вперед, к своим паскудным деньгам, которые ты потом прокутишь в один день с девками? Или девки тебя уже не интересуют, перетрахался? Что ж тебя интересует, безмозглый ты мой?

– Деньги. Деньги – это власть, – серьезно ответил Нахаленок.

– Власть над швейцаром, который тебя пустит туда, куда не пускает других? Власть над официантом, который тебе жрать принесет и туплю оближет заодно? Власть над продажными девками, которые тебе все остальное оближут за деньги? Шмотки купить? Машину? Что еще? На острова съездить? Ладно. А дальше? Вот представь, у тебя все это есть: жрачка, шмотки, машины, цепь в пять кило золота на шее, красивые девки, острова, пальмы, дача-крепость под Москвой... Ну и с кем ты на даче жить будешь? Со шлюхами? Да они тебе обрыднут через месяц. С кем на острова поедешь? С друзьями? Да нет у тебя друзей, мальчик, у тебя есть только подельники, которые готовы тебя разменять при первой же игре! Чем душу заполнишь? Чем жить будешь? Своим отражением в зеркале с цепью до пупа и прикидом от Версаче? И сколько ты так протянешь, онанируя и кончая от своих «денег» и своей «власти»? Чего я такой добрый, спрашиваешь? Проще пареной репы: жаль мне тебя. Тебя твоя мать жалеет? Уж наверняка. Жалеет, потому что любит. Вывод простой: не все деньгами меряется.

– Вы, что ль, тоже меня любите? – ухмыльнулся Нахаленок.

– Вот дурень... Я тебе объясняю то, чего твои куцые мозги никак не усвоят: не все деньгами и шкурными интересами меряется. Впрочем, как хочешь. Я тебе сказал: у тебя два варианта. Выбери.

– Есть еще третий...

– И какой же?

– Сбежать, – Антон тоскливо посмотрел в окно.

– Беги. Уже придумал куда?

– Нет... Но можно спрятаться где-то, потом за границу...

– Ну-ну. Тебя мама до сих пор супчиком кормит, куда же это ты собрался? Один, без языка, без денег?

Что-то у тебя, конечно, есть, но ты быстро потратишь. А дальше? Работать ты не умеешь, образования у тебя нет, никто тебе не поможет, и никому ты там не нужен. Ни родителей, ни друзей – никого. Оно тебе надо?

– Ага, лучше в тюрьме сидеть! Да вы знаете, сколько мне дадут?

– Это как повернется. За помощь в поимке опасных преступников тебе могут сильно скостить... В общем, Антон, тебе решать. Я все сказал, можешь вытряхиваться из машины. Встретимся на месте, если решишься. Не забудь, как и что делать. Главное, *сразу падай!*

Нахаленок выползал из машины нерешительно, как будто что-то хотел еще спросить или что-то хотел получше понять, в чем-то удостовериться... Но, так и не сказав ни слова, закрыл за собой дверцу «Нивы» и ушел к подъезду, не обернувшись.

Кис проводил его взглядом, качая головой. Он сильно рискнул, пустившись в откровения с мальчишкой, но выбора у Алексея не было: ему одному не уберечь пацана, если тот сам себе не поможет. А уберечь хотелось: в его глупой и озорной беспечности было что-то симпатичное, что-то от шалолая Ваньки... Теперь, если Нахаленок его заложит Артисту, весь план Киса провален.

Но Кис был уверен, что не заложит. Не оттого, конечно, что просветлился, слушая Кисову проповедь, но просто сдрейфит: Кис ведь пообещал, что малец до вечера не доживет, если наябедничает... И, кстати, так оно и будет. И парнишка должен почувствовать своим хитрованским нутром, что детектив не блефует...

## Друг молодежи

Помнится, в годы его юности ходила такая тупая шутка: «Темнота – друг молодежи». Кис уже давно не молодежь, но темнота нынче ему действительно будет другом.

Он еще раз посмотрелся в зеркало: ну, на Стасика он, конечно, никак не похож, но ведь бандиты нисколько не сомневаются в том, что на этой даче прячется Стасик, следовательно, ничего не подозревают и в темноте не разберутся, а крепко приклеенная бородака свою роль сыграет.

Кис погасил свет. Полвторого ночи. Пора. Он открыл ставни двух окон, пустив в комнату немного ночного света от луны и отдаленного фонаря: чтобы у бандитов не возникло соблазна зажечь верхний свет.

– Ну что, мужики, все путем? – спросил он в пространство. И, получив из пространства утвердительный ответ, сообщил: – Тогда я отправляюсь в койку.

Лежать пришлось долго. Нахаленок сказал: в два. Но в два их все еще не было.

Кис вспоминал услышанный от Антона рассказ и представлял себе Артиста, Федю Горика, «берущего партию»...

В этом он наверняка поднаторел. Формирование банды – это опыт, после которого можно что хочешь сформировать: хоть политическую партию, хоть секту, хоть террористическую группировку. Главное – найти, против кого объединиться. В природе не существует более мощной объединяющей силы, чем ненависть. Придумай врага, вызови к нему ненависть, кинь, как кость, мало-мальски складное идеологическое обоснование – и пожалуйста, у тебя под рукой послушная армия, готовая броситься по мановению твоей руки в нужном направлении только потому, что ты якобы увидел там врага. А с идеологическим обоснованием у Феди все в порядке.

Обосновать можно все на свете. Любое явление всегда несет в себе плюсы и минусы, и наши недостатки, как известно, – лишь продолжение наших достоинств. А дальше – бери ту часть, которая тебе выгодна, и ты докажешь все, что угодно. И это даже не обязательно будет ложью – просто это не будет всей правдой. «Мысль изреченная есть ложь», – сказал поэт, и именно потому, что ни одна мысль не содержит полноты правды. К правде можно приблизиться только в длинной цепочке мыслей, да и то лишь чуть-чуть...

И ловко манипулируя этой ложью – половинчатой правдой, – можно построить любую идеологию. Немыслящий да поверит! А мыслящих-то у нас ой как мало...

Проще простого:

– бей коммунистов: они семьдесят лет разваливали страну, а то, что до них ее разваливали поколения царей, – об этом не будем, а малограмотный и не вспомнит;

– бей демократов: они уничтожили советскую державу, которую уважали и боялись во всем мире, это из-за них теперь у нас мафия и «новые русские», а то, что страна насквозь прогнила и должна была развалиться, потому что ложь, даже в историческом масштабе, никогда не держится бесконечно, – так этого им не понять: кто из них размышлял над философией истории;

– бей евреев: они всемирная масонская мафия, отбирающая у ваших детей лучший кусок и лучшее место под солнцем, а то, что ваши дети бездарны, ленивы и вашим же воспитанием развращены и потому никаким чудом в этой жизни не смогли бы заработать ни тот кусок, ни то место, – об этом не будем, а сами-то не задумаются;

– бей «новых русских»: они вас обокрали, а то, что каждый из преданных членов партии и сам бы с

радостью обокрал, да то ли наглости не хватило, то ли изобретательности, – так кто ж в этом признается!

Ну и так далее.

...Они появились около трех, когда Кис уже изнемогал от бессмысленного лежания и философских размышлений. Сначала были слышны аккуратные шаги нескольких пар ног, сделавших проверочный круг по саду. Кто-то сошел с дорожки и сразу зачавкал в оттаивающей земле. Затем скрипнули ступени крыльца. Небольшая пауза – и замок тихо щелкнул. В прихожей снова зависла пауза: собирались, прислушивались, привыкали глазами к темноте.

Спустя пару минут первый силуэт возник на пороге, за ним второй. Огляделись. И две черные тени одновременно и безмолвно заскользили в сторону дивана, на котором лежал, укрывшись по уши, Кис.

Его сдернули резко, в две пары рук, и потащили на середину комнаты. Кис висел в крепких руках и бормотал что-то неразборчивое испуганно и сонно. Краем глаза увидел, как еще двое появились на пороге, прямо напротив Алексея и державших его людей. Он не ошибся: напротив него оказался Нахаленок в паре с еще одним, довольно высоким типом. Кис, как положено сонному Стасику, начал приходить в себя, задергался в чужих руках, забормотал хрипло: «Вы чего, мужики, вы чего?..»

– Давай, – негромко скомандовал тот, что держал Алексея под правую руку.

Высокий тип вытащил пистолет, и Кис разглядел навинченный глушитель. Тот, кто был слева от него, тоже полез в карман.

– Падай! – крикнул Кис, и его команда прозвучала громче, чем сухие щелчки двух выстрелов.

Он рухнул на пол, успев заметить удивление на лице Нахаленка – детское удивление, с которым смотрят на фокусника в цирке, вытащившего за уши кролика из совершенно пустой шляпы... Увлекая за собой обоих стоявших рядом мужчин, Кис толкнул их лбами по ходу падения. Вслед за ним и Нахаленок упал под ноги тому, кто стрелял в Киса, опрокидывая напарника на пол.

В то же мгновение вспыхнул свет, и трое мужчин образовались в пространстве комнаты, словно материализовались из воздуха. Двое бросились к Кису, один к Нахаленку. Еще спустя минуту пистолеты были изъяты, трое бандитов смиренно лежали на полу лицом вниз в наручниках, а мужчины удовлетворенно оглядывали картину. Серега протянул руку Нахаленку, чтобы помочь ему встать.

– Ну вот, – сказал Кис, стаскивая с себя теплый и толстый спортивный костюм, в котором он «спал» и под которым обнаружился пуленепробиваемый жилет, – а ты, Антон, мне не верил... Теперь убедился? Вставай, все уже кончилось!

Но Антон не двигался.

– Серега, что с ним? – спросил Кис, подходя.

– Ранен в грудь. Без сознания. Срочно «Скорую»!

...Когда на даче появились врачи, Нахаленок был уже мертв. Кис стоял, качая головой, и, не замечая этого, глядел, как застегивают мешок на бездыханном теле, как под «молнией» исчезает лицо Антона, такое молодое, такое удивленное и такое безнадежно неживое...

И даже когда тело вынесли, он все еще стоял, уставившись на дверь, за которой исчезли носилки, и все еще качал головой, бормоча:

– Я же тебя предупреждал, Антошка, сразу падай, сразу ...

## Новая мама у новой дочки

Кис впал в депрессию, как в спячку. Ничего не хотелось делать, никого не хотелось видеть. Конечно, дела делал, конечно, с людьми встречался – следствие шло полным ходом. Стасик был торжественно водворен в свою квартиру; Федя Горик и компания дружно сидели и значительно менее дружно давали показания; жены-заказчицы привлекались к уголовной ответственности, лгали и выкручивались; проводились очные ставки, все шло своим чередом. А Кис все перебирал в уме детали разговора с Нахаленком и все винил себя, что не сумел как следует вдолбить мальчишке в голову, что дело нешуточное и дружки его, которым он так беспечно доверял, были всерьез намерены принести его в жертву... Все стояло перед глазами его удивленное лицо, когда Кис крикнул: «Падай!», словно Антон так и не поверил детективу до конца и запоздало изумился, убедившись, что тот рассказал ему не детскую страшилку, а страшную правду... Эх, Антошка, на мгновение бы раньше ты упал, всего лишь на мгновение...

Вера Лучникова все звала в гости, Кис все не шел... Наконец веселым апрельским днем, когда солнце брызнуло по газонам ярким золотом одуванчиков, Алексей встряхнулся, запретил себе бессмысленно прокручивать воспоминания и отправился к Вере в гости.

Вера уже перебралась из коммуналки Виктора, где скрывалась от бандитов, обратно в свою квартиру, Виктор тоже был у нее, и атмосфера казалась вполне семейной. Впрочем, он, пожалуй, не *был*, а *жил* у Веры: мужские вещи появились то там, то сям. Раньше Кис их не замечал.

Алексей позавидовал – что-то в последнее время он все чаще завидует чужому счастью... Конечно, это возраст. Чем дальше в лес, тем больше дров, а хотелось вовсе не дров, да и вообще не в лес... Иными словами, Кис все отчетливее осознавал, что его семейное счастье вовсе не впереди. Все уже, кажется, позади – счастье или нет, но, похоже, единственное, что ему суждено... А как было бы славно вот так вечером, после собачьего дня, прийти в теплый дом, увидеть любимые глаза, встретить улыбку... И ужин тоже было бы неплохо, от пельменей у него уже скулы сводит, думал он, усаживаясь за стол и уплетая сочную отбивную.

Алексей, по правде говоря, пришел не просто в гости, он пришел по делу, причем довольно-таки деликатному. Строго говоря, даже не по его делу, а вполне чужому, в которое он успел сунуть свой нос: так уж он был устроен. Требовалось только найти удачный момент, в который можно было бы о чужом деле поговорить.

Вера и Виктор расспрашивали о подробностях его расследования, восхищались и живо одобряли его находчивость, вспоминали, как он спас Веру, благодарили... Кис таял от комплиментов и оттаивал потихоньку от депрессии, удовлетворяя одновременно их любопытство и свой аппетит.

– Я вот одного не пойму, – говорил Виктор, – и эти женщины *добровольно* на такое шли? Только чтобы остаться богатыми вдовами? Я скорее убийство пойму, но *это?*..

– Ну... – искал слова Кис, – знаете, женщины тоже разные бывают...

Выручила Вера:

– Витюша, если бы ты иногда заглядывал не только в статьи по кардиологии, но и в книги, которыми завален мой дом, то ты бы понял: они не только *добровольно*, но и охотно пошли на это: страха не было, условия и пределы «изнасилования» были обговорены заранее, и все представлялось скорее как сексуальная игра. А любительниц испытать острые ощущения намного больше, чем тебе кажется... Тем более что в результате они должны были стать богатыми и независимыми, убийство было опосредованным, сами женщины рук не марали и даже как бы «пострадали»... Меня другое занимает, –

обратилась она к Алексею, – как же они додумались до такого способа убийства и как на исполнителей вышли?

Все затихли на мгновение, невеселые воспоминания теньями заскользили по комнате.

Наступил очень подходящий момент, чтобы приступить к своему делу, и Кис отважился, немного стесняясь:

– Вы знаете, что бандиты только чудом не убили Марину Кисловскую... Она в очень тяжелом состоянии, не столько физическом – она выкарабкалась, жизнь ее вне опасности, – сколько душевном. У девушки было очень сложное детство, а последние события ее добила окончательно: слишком много предательства свалилось на ее юную душу... И, боюсь, она окончательно сломалась. Вы психолог, Вера... Я хорошо понимаю, что это не то же самое, что психотерапевт или психоаналитик, но вы очень сильный и цельный человек, и...

Он замялся. Вера пришла на выручку:

– Хотите, чтобы я с ней встретилась?

– Да! – обрадовался Кис. – Я вас под каким-нибудь предлогом познакомлю – в качестве спасителя души она вас не примет, девочка ужасно колючая, – и вы потихоньку... Знаете, у нее рано умерла мать, причем как страшно! Покончила с собой, отравилась газом, и нашла ее Марина на полу кухни... Можно сказать, у нее вообще не было родителей. Отец вел себя не как родитель, а скорее как приятель и даже поклонник, который вскоре ей изменил... В общем, ситуация сложная, наворотов много, ее душа больна. И у нее никого нет. Никого! Ей двадцать с небольшим, она могла бы быть вашей дочерью, Вера... Извините, – смутился вдруг Кис, – я знаю дату вашего рождения из дела... Просто я подумал...

– Вы напрасно меня уговариваете, Алексей. Я уже давно согласна.

Она посмотрела на Виктора. Тот кивнул: конечно.

– Разработаем план знакомства, – продолжала Вера, – а там я уже ориентируюсь на местности... Вы правы, она могла бы быть моей дочерью.

Кис допил чай и начал откланиваться. В прихожей Вера произнесла, разглядывая его с улыбкой:

– Вы удивительный человек, Алексей... Боюсь, что вы и сами не представляете, до чего вы удивительный – нет, удивительно *славный* человек!

– Да ладно вам, – застеснялся Кис, – это нормально...

– Если бы это было нормой, Алексей Андреевич, – серьезно ответила Вера, – то моя профессия – как, впрочем, и ваша – уже давно бы никому не была нужна... Когда у вас найдется время, чтобы обсудить план моего знакомства с Мариной?

– Прямо завтра! Можно?

Вера рассмеялась:

– Давайте. Я пока тоже подумаю. Тут надо действовать очень осторожно, вы правы – в роли «спасителя души» она никого не примет... Например, под предлогом уточнения каких-то деталей для следствия... А там уж я постараюсь наладить с ней контакт!

– Будем надеяться, все сложится удачно! – произнес Кис, пожимая руки. – Иначе и быть не может, у вас получится, Вера!

– Что ж, если все сложится удачно, раз уж своих детей бог не дал...

– Веронька, – Виктор обвил рукой ее плечи, – для детей бог совсем не нужен. Для них нужен

мужчина! И у тебя он есть... – несколько вопросительно закончил он.

Вера молча потерлась щекой о его плечо.

– Ух ты, – сказал Кис, уже стоя на лестничной площадке, – грандиозная программа!

Раздраженный бьющей через край полнотой чужого счастья, Алексей – будь что будет! – решительно направился к Александре.

Купил цветы, дорогой французский коньяк, а звонить не стал. Если он никогда не звонил заранее тем, с кем хотел встретиться по делу, предпочитая являться экспромтом, то Александре, напротив, он звонил всегда: с ее драгоценным временем он считался. Да и приходил он к ней в гости, а не по делам, элементарная вежливость обязывала.

Но на этот раз не стал: если она занята, тем хуже для нее.

Если ее нет дома, тем хуже для него...

## Дела поважнее

Александра была дома. Завидев Алексея с цветами, попыталась захлопнуть дверь, но предусмотрительный Кис заранее приготовил ногу в тяжелом высоком ботинке и быстро вставил ее в щель двери. Пожав плечами, Александра исчезла в глубине квартиры, игнорируя незваного гостя. Ему показалось, что она метнулась переодеться, но почти тут же до него донесся стук клавиш – она уже печатала, затем и картина открылась: Александра в той самой белой с черным кантом косоворотке (все-таки успела переодеться?), сидела к нему спиной: глаза в экран компьютера, пальцы быстро бегают, спина прямая и к нему красноречиво безразличная.

Он взял стул, поставил за гордой спиной, сел, положил, как собака, голову на спинку ее стула и сказал спине:

– Я болван.

Спина не утрудила себя ответом.

– Я полный идиот.

– Ты вломился в мою квартиру только ради того, чтобы сообщить эту протухшую новость? – холодно донеслось с обратной стороны, оттуда, где была не спина, а все остальное.

– Я старый кретин.

– Ты слишком мягок к себе.

– Я...

– Открой словарь синонимов, тебе будет легче. На нижней полке, темно-синий.

– Стерва.

– За что ты меня и любишь. – Спина не шелохнулась, пальцы не остановились. Ледяная вода за шиворот.

– Я раскаиваюсь.

– Я не поп, грехи не отпускаю.

– Саша...

– Для тебя – Александра Кирилловна!

– Кириллна, ты меня доведешь!

– Я не общество поддержки слепых и доводить тебя никуда не собираюсь.

– Почему ты надо мной издеваешься?

– Тебе это нравится. Мне – тоже.

– Откуда ты знаешь, что я тебя люблю?

– Выгляни в окошко: откуда ты знаешь, что погода плохая?

Он начал заводиться. Что верно, то верно, ему нравилась ее манера дерзить.

Его рука легла на теплое шелковое плечо. Плечо ее сбросило.

– Саша... я серьезно... прости меня, – все еще смиренно проговорил Кис.

– Бог простит.

- А я тебе цветы принес...
- Можешь подмести ими пол...
- И коньяк...
- Можешь помыть им посуду...
- Саша...
- Ты мне мешаешь.
- Саша, я был не прав.
- Ты о чем?
- Ну, я был не прав, когда...
- Когда – что?
- ...когда ушел, отказался...
- Разве я тебе что-нибудь предлагала, кроме кофе?
- Кончай, Александра! Перестань придуриваться! Я же тебе сказал: сдаюсь, признаю, что был не прав!

Я...

- Ты не «был не прав», ты всегда не прав!
- Я тебя люблю и...
- Катись к черту!
- Ну повернись...
- К чертовой матери!
- Повернись ко мне...
- К чертовой бабушке!
- Иначе я тебя сам поверну!

Пауза. Тишина. Напряженная спина.

Потом холодно-надменно-капризное:

– У меня работы еще на сорок минут. За это время ты можешь, на выбор, убраться отсюда со своим веником и средством для мытья посуды или пойти на кухню и приготовить чего-нибудь поесть, там в холодильнике полно. Но только чтоб больше я тебя не слышала!

- Не выйдет. Ни то ни другое.
- То есть?
- Я не могу.

Он не видел, но знал, что тонкие черные брови изогнулись в вопросе.

- Я хочу тебя.

Она не шелохнулась. Но вдруг одеревенела нежная шея.

- Я хочу тебя так, что не могу пошевелиться.

– Ну и не шевелись... Останемся без ужина, будешь сидеть голодный, – буркнула Александра.

Кис просунул руки вперед и сомкнул их у нее на груди.

– Нет, прямо сейчас, – выдохнул он в ее щекочущие пряди.

Он ощутил, как напряглось ее тело под его руками. Он разомкнул руки и положил их ладонями на ее живот.

Он впервые прикасался к Александре *так*. И сейчас, прижав ладони к этой мягкой, незащищенной части тела, почувствовал, как его мгновенно подхватила черная спираль смерча, разметывая плоть в клочья, пронизывая мозг электричеством, высосав из его легких воздух так, что, казалось, невозможно было сделать вдох...

Александра сидела слишком прямо, пальцы ее все еще пытались терзать клавиатуру, но Кис видел на предательском экране череду бессмысленных букв, выползавших из-под потерявших контроль рук... Он чувствовал, как она сжалась, не желая сдаваться, но в этом жестком, напряженном теле он все же различил волну, словно оно сконцентрировало всю свою жизненную энергию там, под его руками, словно все соки этого растения ринулись ему навстречу, вовлеченные в круговорот поднявшегося в нем огненного смерча.

Он развернул ладони пальцами вниз и медленно, крепко прижимаясь к шелковой рубашке, повел их книзу.

– Уйди! Я работаю! – В голосе Александры послышались отчаянно-злые слезы.

Кис опрокинул ее вместе со стулом себе на колени. Заглянул в лицо: слух не обманул его, в темных глазах стояли слезы, и она старалась отвернуться от него.

Выгреб из стула, усадил к себе на колени. Сжал изо всех сил запястья, потому что Александра была явно намерена улизнуть. Она молча пыталась выбраться с Кисовых колен – он не пускал. Борьба закончилась в его пользу, она обмякла и затихла, ссутулившись у него на коленях. Слезы медленно ползли по побледневшим щекам.

– Не надо, не злись, – тихо сказал он. – Просто я не сразу оценил твой жест... Ты же знаешь, мужчины – тугодумы и консерваторы...

– Или тебе понравилось, что тебя упрашивали!

– Понравилось, – признался Кис. – Тем более что упрашивала ты...

– Ломался, как девица!

– Ну уж, не стоит преувеличивать! Я все-таки ломался, как мужчина!

– Называл подачкой!

– Я просто неправильно выразился, ты же знаешь, у меня лексикон бедный, не то что у некоторых журналисток, но я на самом деле хотел сказать: «Подарок»... Даже, пожалуй, хотел сказать: «Драгоценный дар»...

– Я должна была умолять тебя о милости!

– Это было так приятно...

– Признайся, тебе доставило удовольствие меня унижить! – всхлипнула она.

– Конечно...

– Мерзавец!

– Согласен.

– Негодяй!

– Видишь, и без словаря синонимов обошлись...

– Я тебя ненавижу!

– Разумеется. Я тебя тоже.

Кулачок стукнул его в плечо.

Кис кулачок поймал, прикоснулся губами, потом щекой...

Ее губы задрожали в новом приступе плача. Но хитрый персидский глаз уже заблестел проказливо из-под нависших на лоб каштановых волос.

Ах, плутовка! Он сгреб ее, отнес на диван, принес по молчаливому требованию носовой платок, на который Александра указала ухоженным ноготком, дружески подержал за плечи, ожидая, пока она успокоится...

И не успел опомниться, как был опрокинут, а плутовка уже сидела верхом, нетерпеливо срывая с него рубашку; пуговицы отскакивали с хулиганским треском, и наконец Александра, торжествуя, добралась до его волосатой груди. Припала; осыпала поцелуями; зарылась в шерсть. Пальчики, как паучки, проползли сквозь заросли, поскребывая коготками...

Он умирал. Он не верил, что это правда.

– Если бы я была блошкой, я бы поселилась здесь навсегда, на твоей коже, среди этих волосков, – простонала она, – и я бы пила твою кровь на завтрак, как апельсиновый сок....

– Кровопийца, – прохрипел в ответ Кис.

Он думал, что «молния» все-таки взорвалась, но нет, это Александра, изловчившись, высвободила рвавшуюся к ней плоть.

Кис зарычал и, ухватив Александру, ринулся с ней с дивана на пол, на бледно-голубой китайский ковер.

Не выпуская ее из объятий, он путался в пуговках ее косоворотки, пытаясь их расстегнуть, и Александра, извернувшись, сорвала с себя белый шелк, оставшись только в белом кружеве лифчика.

Он напал, сдирая оставшуюся одежду. Он боялся разорвать Александру на части, он так давно хотел этого...

– А я бы, – прошептал он ей в ухо, подминая ее под себя, – я бы забрался в тебя целиком и сидел бы там вечно, пожирая тебя изнутри: на завтрак, на обед и на ужин!

– Как червяк в яблоко, что ли? – хмыкнула под ним Александра, скосив хитрый глаз.

За оное оскорбление Кис отомстил ей со сладострастной жестокостью.

На этом светская беседа закончилась. У них были дела поважнее.

...Когда Алексей, уже полностью обессиленный, перевернулся на спину, Александра все не унималась. Оседлав его, она гладила его грудь, живот, она терлась об него щекой, она елозила по нему всем телом, то прижимаясь, то скользя.

– Не насытилась? – спросил Кис с некоторой опаской: вряд ли он способен в ближайшие два часа предложить ей что-либо еще.

– Сама не понимаю, что со мной... Не могу оторваться, в тебе есть что-то такое, какая-то энергия, которую я готова пить бесконечно...

– Пей, мне не жалко... И можешь продолжать массаж телом: буду представлять, что я в Таиланде...

- Ах, мерзавец, значит, ты представляешь голых таиландок?
- Ревнуешь?
- Я? Вовсе нет! Это я так, для поддержания разговора...
- Ладно, чего там, признавайся: я влюблена в тебя, *Алеша*, как кошка!
- С чего ты взял?!
- Да ни с чего. Это я так, для поддержания разговора!

Александра вдруг сползла с него и вытянулась рядом. Кис повернул голову, разглядывая ее посерьезневший профиль, замершее рядом тело... Внутри что-то неприятно сжалось в предчувствии слов, которые он сейчас услышит, и он успел за короткую паузу сто раз пожалеть о своей шутке.

– Прости, Алеша.

Он молчал, ждал продолжения.

Она снова заговорила:

– Я не хочу, чтобы между нами оставались неясности. Я не влюблена в тебя. Я тебя очень люблю – как друга, как брата, как... не знаю, как хочешь; я тебя хочу и никогда еще не испытывала такого сильного физического влечения, это правда. Но я не влюблена. Я не знаю, меняет ли это что-то для тебя, и если да, то насколько серьезно; но я не хочу тебя обманывать. И я не знаю, к чему придут наши отношения, будем ли вместе счастливы или, удовлетворив желание, скоро разойдемся, но только я не хочу оставлять между нами никакой двусмысленности.

– Ты всегда так откровенна? – приподнялся на локте Алексей, заглядывая в ее лицо. – Ты уверена, что я обязан проглотить эту пилюлю? Разве я мальчик, чтобы всего этого не понимать? И, если я хочу питать иллюзии, разве ты за это отвечаешь? Я сам с собой разберусь, Саша. Я не спрашиваю, кого ты любила до меня и как это было, но только скажи мне – они что, все были идиотами, раз ты считаешь необходимым говорить глупости с умным видом и с дурацкой прямоотой? Что ты торопишься очертить зону своей душевной неприкосновенности, в которую я вовсе не собираюсь залезать? Или у тебя есть основания меня подозревать в бестактности? И ты представляешь, что с сегодняшнего дня я заявлю на тебя права? Ты полагаешь, что я не знаю тебя, что до сих пор не разобрался в твоём характере и твоей душе? – с горечью и упреком произносил он.

У Александры на глазах выступили слезы.

– Прости, – снова пробормотала она, переворачиваясь на живот.

Кис тоже перевернулся на живот и положил руку на ее душистые каштановые волосы.

– Глупышка, – ласково произнес он, поглаживая ее по головке, как ребенка. – Ты сама не знаешь, что такое любовь. Ты думаешь, я в тебя влюблен? Нет, радость моя, я не влюблен. Я *люблю*. Это очень разные вещи...

Алексей перевернул ее на спину, заглянул в глаза, полные слез. Наклонился и прошептал прямо в подрагивающие губы:

– И ты, ты любишь меня, только сама об этом не знаешь. Такое бывает в жизни, представь себе... Но – тсс! – об этом ни слова! Я подожду, когда ты сама мне скажешь однажды: «Я люблю тебя, *Алеша*»...

## Примечания

# 1

Австрийский поэт и философ, 1921—1988. Пер.В. Куприянова.

# 2

О знакомстве Киса и Александры Касьяновой читайте в романе «Шантаж от Версаче», издательство «Эксмо».

# 3

См. роман «Шантаж от Версаче».

# 4

Известная марка авторучки.